След в Истории

СЫН НАПОЛЕОНА

Эдмон Лепеллетье

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В то время как на далеком острове доживает последние годы Наполеон I, его сын и наследник подрастает при дворе своего деда, австрийского императора, где мальчика воспитывают как герцога Рейхштадтского, исключая всякое напоминание о его происхождении. Написанная в жанре детектива и по остроте сюжета не уступающая романам Дюма, книга повествует о трагической судьбе и загадочной смерти сына опального императора, об одной из неудавшихся попыток спасти Наполеона Бонапарта и о его последних днях жизни на Святой Елене Читатель познакомится с событиями трех дней бескровной революции 1830 года.

Занимательность и острота сюжета, без сомнения, привлекут внимание любителей авантюрного романа.

- Эдмон Лепеллетье
  - Часть первая
    - Герцог Рейхштадтский
    - Замороженный апельсин
    - Тоби и Киприани
    - Миниатюра
    - Агония
    - Смерть Орла
    - «Король умер! Да здравствует король!»
    - «Сельские забавы»
    - Трактир «Роза»
    - Секретарь Франц
  - Часть вторая
    - Кафе «Прогресс»
    - Три славных дня
    - «Шарантонский сумасшедший»
    - Баррикада
    - Меттерних и Бэтхерст
    - Лавка Мелхиседека
    - Тронный зал
    - Любовный напиток
    - Видение

        - Воля народа
        - Одна судьба
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

Эдмон Лепеллетье
Сын наполеона

…Англия поймала орла, Австрия — орленка.

Виктор Гюго

Часть первая
Секретарь Франц

Герцог Рейхштадтский

Император Австрии стоял в центре своего рабочего кабинета и с улыбкой напутствовал министра иностранных дел Меттерниха, сопровождая слова легким движением руки:

— Можете успокоить Европу, дорогой министр. Я прекрасно понимаю опасность, исходящую только от одного имени Наполеона… Наша дорогая дочь Мария-Луиза тоже поняла это, у нее не может быть ничего общего с тем, кто довольно долго носил его. За дочерью признаны герцогства Пармы, Пьяченцы и Гуасталлы. Она останется герцогиней Пармской. Что касается моего внука Франсуа-Жозефа-Шарля, то доведите до сведения всех посольств: у него не будет другого титула, кроме принца Австрийского, и он, возможно, навсегда останется в неведении о том, что его какое-то время называли Наполеоном!

— Да, Ваше Величество! — ответил Меттерних. — Ваше Величество проявляет большую мудрость. Нельзя допустить, чтобы призрак Наполеона смущал покой монархов. Спаси нас Господь! Мы покончили с этим кошмаром!.. Священный союз дал миру покой и безопасность. Тот, кто угрожал всем тронам и монархам, почти что умер на своем острове, сбежать откуда он не сможет… Что же касается сына, следует избавить его сердце от всего французского, чтобы он стал, как изволили распорядиться Ваше Величество, австрийским принцем и занял подобающее ему место в императорской семье сразу после эрцгерцогов. Вашему внуку никогда не придется направлять свой взор за пределы Вены. Его горизонт ограничится этим дворцом… Мне совершенно ясно желание Вашего Величества!..

Меттерних было откланялся, но вовремя спохватился:

— Обратили ли Ваше Величество внимание на то, что, лишая своего внука герцогства Пармского, которое прежде признавалось за ним, а теперь за его матерью, герцогиней, лишая также герцогств Пьяченца и Гуасталла, княжества Лукка и возможности передавать их по наследству, вы оставляете его без официального титула?

— Герцога Пармского больше нет, — промолвил император. — Мой внук не сможет занять никакой трон в Европе, даже самый захудалый. Это из осторожности, Меттерних! Став монархом, он вздумает, быть может, вернуть себе имя своего

отца, которое слишком на слуху у всей Европы, а оно не должно никогда более смущать умы ни народа, ни королей…

— Понимаю и полностью разделяю… Но Ваше Величество не сказали мне, какое имя я должен произносить, доводя до сведения европейских дворов ваше неординарное решение.

— И то правда! — задумался Франц-Иосиф. — Я предполагал дать моему внуку титул герцога Модлинга, последней вотчины австрийских маркграфов, но, вероятно, более разумно найти ему новое имя. Он получит титул герцога Рейхштадтского, по названию земель, которые я дал ему во владение.

— Государь, — заверил Меттерних, окончательно прощаясь, — завтра же Европа будет знать решение, которое вы приняли. Я отправлю уведомления ко всем дворам о создании апанажа[1] и новом титуле Франсуа-Жозефа-Шарля, герцога Рейхштадтского…

Дождавшись ухода Меттерниха, император Австрии приоткрыл дверь, соединяющую кабинет с соседней комнатой.

— Войди, Франц! — велел он.

В императорском кабинете появился голубоглазый малыш с нежным светлым личиком, обрамленным белокурыми кудряшками. Это был Наполеон II.

Император, сев в кресло, обнял ребенка и поцеловал.

При чопорном дворе, где так сильна была ненависть к его отцу, императорское дитя нашло любовь лишь у своего деда. Он льнул к нему, любя его и желая все время играть с ним. Со своей стороны император очень привязался к маленькому изгою. Он стремился развить его ум, расспрашивал, задавал вопросы и во всем обращался с ним как со своим сыном.

— Во что ты играл? — спросил Франц-Иосиф, перебирая белокурые завитки ребенка.

— В солдатиков, — ответил юный Наполеон.

— Один?

— Нет, дедушка. С Вильгельмом, моим пажом.

— А! Ты хорошо ладишь с Вильгельмом?

— О да! Он очень добрый… Но, — добавил малыш с вопросом в голосе, — в Париже ведь у меня был не один паж, а много?

— Конечно, — ответил император, — но здесь нужно довольствоваться только Вильгельмом.

— О, мы большие друзья! Скажи-ка, дедушка, разве в Париже я не был королем? Меня называли королем Римским, ведь так?

Франца-Иосифа смутил вопрос ребенка, но он быстро нашелся:

— Да, тебя называли королем Римским, верно… Кто тебе это

сказал?

— Вильгельм, дедушка.

— Ну-ну! «Вильгельма накажут, — подумал император, — на будущее станет меньше болтать».

— Скажи же, дедушка, — вновь теребил его ребенок, — что значит — «король Римский»? Рим — это город?.. Так я был его королем?..

— Когда ты станешь старше, Франц, тебе объяснят более точно значение этого титула… Сейчас, скажу тебе, я тоже король Иерусалимский. Это древний город, ты знаешь из Библии, но у меня нет никакой власти над ним. Стало быть, король Римский, как я — Иерусалимский.

— Ладно, дедушка, — произнес малыш, вздохнув. — Так я больше не король Римский?

— Нет, дитя мое… Но раз у тебя было несколько титулов, давай оставим один, тот, который ты будешь теперь носить. Мы только что решили с моим министром, что ты получишь в дар большие, прекрасные земли, богатое и очень славное владение, название которого будет отныне твоим титулом. Тебя станут называть герцогом Рейхштадтским!..

— Герцогом Рейхштадтским… — с удовольствием повторил малыш. — А у меня раньше было еще другое имя.

— Какое имя? — резко спросил император.

— Мне сказали, что меня звали Наполеон.

— У тебя нет этого имени! Ты не должен даже произносить его! Я запрещаю тебе это! — В голосе Франца-Иосифа явно чувствовался металл.

И сразу же, раскаиваясь в излишней строгости, видя, что ребенок испуганно дернулся, готовый разрыдаться, добавил намного мягче:

— Ну же, полно, будь умницей! Думаю, уже время капитану Форести давать тебе урок. Поди к нему.

— О, деда! Не раньше, чем поцелую тебя, а то ты очень рассердился! — воскликнул малыш.

Успокоившийся ребенок пошел искать капитана Форести, который занимался его обучением под руководством графа Морица-Дитриха Штейна.

У сына Наполеона был личный штат, состоявший из воспитателя, двух гувернеров, двух придворных дам (мадам Суффло и ее дочери), находившихся в подчинении у графини Монтескье, преданность которой простиралась так далеко, что она предпочла не оставлять своего питомца в изгнании. «Матушка Кье» стала Родиной-Матерью для сына Великого Изгоя.

В качестве компаньона для игр к нему был приставлен

маленький француз, сын камердинера Марии-Луизы, Эмиль Гоберо. Поступив в услужение к юному принцу, Эмиль Гоберо взял себе немецкое имя. При дворе его знали только как Вильгельма. Двумя годами старше принца, он благодаря своей матери был хорошо осведомлен о тех вещах, которые доводил до сведения малолетнего хозяина.

Именно таким образом Вильгельм открыл герцогу Рейхштадтскому его императорское и французское происхождение.

При любом упоминании о Наполеоне и Франции ребенок без конца задавал вопросы и требовал объяснений. Никому при дворе, кроме его юного товарища, не приходило в голову, насколько мальчик был осведомлен обо всем, что касалось страны, где он родился.

Однажды, когда генерал Соммарива рассказывал о видных военачальниках и назвал самых известных полководцев того времени — Веллингтона, эрцгерцога Карла, Блюхера, — ребенок с живостью прервал его:

— Я знаю еще одного, которого вы не назвали, четвертого полководца, самого великого. Он их всех побил!

— Кто же это, Ваше Высочество? — удивленно спросил генерал.

— Мой отец! — воскликнул мальчик.

И убежал, оставив придворных в растерянности и смущении.

Надо сказать, что император строго-настрого приказал держать наследника Наполеона в полном неведении об отце и истории его правления. Герцог Рейхштадтский — немецкий и только немецкий принц.

Зная, что где-то подрастает мальчуган, носящий самое грозное имя в истории, Европа чувствовала себя неспокойно. Следовательно, было сделано все необходимое, дабы тщательнейшим образом спланированная система воспитания работала исключительно на германизацию юного Бонапарта.

К нему были приставлены лучшие учителя для обучения верховой езде и владению оружием, все его способности направлялись на получение военных знаний. В планы Священного союза входило сделать из сына Наполеона отличного австрийского генерала, который, быть может, однажды поведет германские армии вперед, на Францию.

Чем тщательнее окружающие скрывали все, что даже отдаленно касалось личности Наполеона, тем с большей жадностью он отыскивал самые мельчайшие детали из жизни необыкновенного человека, чья кровь текла в его жилах.

Все, что мальчик узнавал по крупицам из разговоров с

товарищем по играм Вильгельмом, из прочитанного и ускользнувшего от недреманного ока его учителей, иногда ставя в лоб вопросы воспитателю, рождало в нем тайное чувство гордости: он — сын Наполеона. Осознание своего происхождения от могущественнейшего императора, одно лишь упоминание о котором наполняло страхом Венский дворец, куда ступала когда-то его нога триумфатора, придавало юному герцогу Рейхштадтскому столько моральной силы и уверенности в себе, что он с первого взгляда выделялся среди других эрцгерцогов, которые стояли на иерархической лестнице далеко впереди.

Хотя в почерпнутых им отрывочных сведениях о Наполеоне и его времени не скрывались, а, наоборот, выделялись ошибки, слабости, даже преступления того, кого называли Бонапартом, уважение, которое он испытывал к этому человеку, восхищение, которое он распознавал даже у тех, кто ненавидел и боялся его, смутное представление о несчастьях и страданиях, претерпеваемых им на африканском острове, — все, что скрывали от сына, — все это способствовало созданию культа отца-узника. А потому жизнь и судьба опального императора Франции занимали его гораздо больше, чем могли предполагать те, кто хотел воспитать его в австрийском духе.

Замороженный апельсин

Для Шарля и Люси жизнь вновь становилась счастливой и безоблачной.

Нежностью и лаской Шарль Лефевр пытался унять горечь этих долгих месяцев отчаяния и грусти, терзавших его жену.

Сияющая Люси дождалась-таки от Шарля обещания, что, вернувшись вместе с Андре со Святой Елены, он расскажет матери об их страстной любви. Быть может, жена маршала все же согласится принять ее как мать своего внука. Свалившееся на них несчастье, достойное и безупречное поведение Люси, без всякого сомнения, помогут ей снискать уважение и доверие семьи. Ну а появление ребенка станет залогом прощения и привязанности свекрови.

Герцогиня Данцигская спала и видела для своего сына выгодную партию, а потому слушать ничего не хотела под влиянием досады и раздражения, вызванных двойным скандалом: разрывом помолвки с Лидией и самоубийством маркиза Луперкати. Но Шарль успокаивал, что недовольство матушки не будет долгим. Кто знает, не откажется ли она от предубеждения, не позволявшего дать согласие на брак, в ее глазах неравный, который бы свел на нет надежды мужа и ее самой? С

непреодолимым упорством плебеев-выскочек оба все еще надеялись, что их сын возьмет себе невесту из аристократического рода. Вдруг признает она выбор Шарля, и ее тронут обходительность и скромность Люси? И она все же, возможно, согласится принять молодую женщину с ребенком, закрыв глаза на его незаконное рождение и их не освященный церковью брак. Так что будущее представлялось Люси светлым и радостным.

Она торопила отъезд на Святую Елену, с жаром объясняя мужу, что корабль, на котором находился ребенок, мог уже покинуть остров и последовать в неизвестном направлении и нужно побыстрее отправляться в путь, если они не хотят упустить своего сына. Шарль уступил ее доводам, и вопрос был решен. Через несколько дней отплывал корабль в Капскую провинцию. Они отправятся в Саутгемптон, чтобы сесть на него.

Приготовление к путешествию заняло все время, остававшееся до назначенного дня отплытия.

Бедняжка Энни выглядела очень подавленно. О том, чтобы взять ее с собой, не могло быть и речи. Выход нашли быстро: пансион для девочек в Саблонвиле, близ Нейи. Одно лишь поддерживало ее, — мысль, что милая благодетельница едет на поиски Андре, его привезут, и она увидит его вновь через несколько месяцев.

Чтобы смягчить мучительный момент расставания, Шарль решил день накануне отъезда провести в пригороде Сен-Клу и, возвратившись, пообедать в открытом ресторанчике на Елисейских полях, где устраивались игры и всякого рода аттракционы — качели, площадки для игры в кегли и шары, деревянные лошадки. Ресторанчик привлекал тех, кто искал более спокойное место и менее шумное общество, чем Пале-Руайаль, славившийся тогда своим блеском.

День прошел чудесно. Энни бегала по лужайкам Сен-Клу и собирала букеты, которыми нагружала Аюси. Отдохнув на траве, вечером сели в дилижанс, чтобы отправиться в ресторан, как и было задумано.

Они неторопливо шли по Елисейским полям, когда Энни вдруг показалось, что темная фигура — женщина в черной кружевной накидке — следовала за Люси и Шарлем, останавливаясь, когда те останавливались, и двигаясь, когда пара возобновляла свой путь.

Впечатлительная девочка, чья нервозность все более росла после приезда во Францто, задрожала, как будто почувствовала врага, приближение опасности, отметив упорство, с которым эта женщина в черном следовала за ее благодетельницей. Она

угадывала в загадочном тревожащем появлении явную угрозу, но не осмелилась предупредить Люси, боясь, что у нее видения и ее сочтут сумасшедшей.

Раза два или три Энни резко оборачивалась и видела все тот же черный призрак, неотступно следовавший за ними.

Каждый раз, когда, повернув голову, Энни ловила глазами женщину, смешавшуюся с толпой и явно интересующуюся только ими, она замечала, как та пыталась спрятаться за деревьями. По-видимому, в ее планы не входило, чтобы те, за кем она наблюдала, о чем-то догадались. Значит, она знакома с ними?

Энни уже решилась спросить, не заметила ли Люси женщины в черной накидке, как «тень» вдруг свернула в сторону и растворилась в аллее Вдов.

Девочка глубоко вздохнула, будто сбросив тяжелую ношу, и решила Люси напрасно не беспокоить: наверное, эта женщина следовала вовсе не за ними. И вообще, они никогда ее больше не увидят. В толпе она не сможет догнать их. К тому же в ресторане совершенно излишне бояться преследования дамы в черном.

Все сели за стол, и обед прошел довольно весело, насколько, впрочем, он мог быть веселым накануне расставания перед долгим путешествием.

Время пролетело быстро, пора было подумать о возвращении. Погода явно испортилась. Откуда-то подул резкий порывистый ветер. Издалека донеслись раскаты грома. Небо проткнуло несколько зигзагов молний. Запахло грозой.

Следовало добраться до дома, пока не разразилось ненастье. Они уже вставали, чтобы направиться в отель, как официант передал Шарлю записку, добавив: «Ждут ответа».

Шарль быстро прочел послание, и его лицо мгновенно зарделось, на нем проступили растерянность и смущение, как если бы он не знал, что сделать в следующую минуту.

Он посмотрел на Люси, будто желая посоветоваться с ней, и перечитал письмо, теперь внимательно рассматривая его, словно почерк, бумага, адрес могли открыть его происхождение.

— Это серьезно? — спросила Люси, удивленно замечая смущение Шарля и задавая себе вопрос, что могло содержаться в странном послании.

— Отнюдь, — ответил Шарль, овладев собой и пряча записку в карман. — Просят о помощи…

— Что-то случилось?

— Да… Кто-то, кажется, не очень счастлив… Впрочем, этот человек не подписался, однако, думаю, я узнаю почерк…

— Если этот «кто-то» в нужде и страдает, может быть, ему нечего есть? Шарль, нужно ответить… Это принесет нам счастье в

путешествии…

— Меня просят подойти… О, это в двух шагах отсюда… вон там, возле палатки, где устроились итальянцы со своими замороженными фруктами…

— Пойди туда, Шарль… Мы с Энни останемся здесь… послушаем, как немецкие музыканты играют вальсы… Иди-иди, тебя ведь ждут.

Люси, даже не подозревая об опасности, отправила Шарля и стала слушать немецкий оркестрик, который, разместившись под навесом ресторана, с энтузиазмом дул в тромбоны и трубы. Едва Шарль скрылся, Энни почувствовала направленный из-за деревьев на нее и Люси ужасный взгляд женщины в черной накидке… тут же видение исчезло… Энни снова показалось, что она сходит с ума. Мрачный призрак представился ей навязчивой идеей. Неужто и впрямь ей везде будет мерещиться дама в черном, бредущая за ними?..

Музыканты закончили выступление. Хозяин бродячего оркестра начал обходить посетителей кафе, держа засаленную шляпу, куда падали су и серебряные монеты.

Шарль не возвращался. Его отсутствие оказалось дольше, чем можно было предположить. Однако Люси это ничуть не беспокоило.

Пока собирали музыкантам, к Люси подскочил маленький человечек в блузе, заправленной в велюровые штаны, и остроконечной шляпе, украшенной лентой, этакий итальянец из оперетки, и пропищал:

— Мадам, мсье, что был там, сказать вам, чтобы вы идти домой… Он тоже идти… Он сказал передать вам замороженный апельсин… Я сделал… До свиданья, мадам!..

Маленький итальянец умчался вприпрыжку, похожий на гнома, живущего на Елисейских полях.

Люси с удивлением, но все же не чувствуя ни страха, ни каких-либо подозрений по поводу отсутствия Шарля, которое продолжалось намного дольше, чем она предполагала, поднялась и обратилась к Энни:

— Давай вернемся домой… Мсье Шарль догонит нас… Его, вероятно, задержал тот, кто обратился к нему за помощью… Он боится, как бы мы не попали в грозу… Пойдем, Энни, дорогая, мы можем встретить его по дороге!

И они вышли из ресторана.

Замороженный апельсин, который маленький итальянец оставил на столе возле недопитой чашки кофе, Люси машинально опустила в ридикюль.

Начали срываться первые капли дождя. С металлическим

стуком они бились о листья.

Следовало поторопиться. Под защитой деревьев Люси и Энни миновали площадь Марини и почти бегом добрались до отеля на улице Миромесниль.

Они едва успели вскочить в дверь, как разразилась гроза.

Длинные огненные змеи пробивали черные тучи. Раскаты грома участились и пугали. Потоки воды обрушились на крыши, затопили улицы, и мостовые теперь превратились в реки.

— Хоть бы Шарлю удалось спрятаться где-нибудь, — мелькнуло у Люси.

Проведенный на воздухе день разморил Энни, и Люси отправила ее спать.

Сама она все еще не проявляла никакого беспокойства. Гроза немного возбудила ее, одновременно сняв усталость.

Задержку Шарля она объясняла просто.

Он был захвачен грозой, обрушившейся на город, когда разговаривал с тем, кто его вызвал. Экипажи все расхватали. Идти недалеко, и он, конечно же, ждет просвета где-нибудь в кафе на Елисейских полях. Она не углядела в этом ничего странного. Но ведь завтра утром им придется выехать пораньше, надо отвезти Энни в пансион в Саблонвиль, затем отправляться в Гавр, где можно найти корабль в Саутгемптон, а потому Люси решила последовать примеру Энни и лечь в постель, не дожидаясь Шарля, который скоро придет.

Извлекая из ридикюля кое-какие туалетные принадлежности, она наткнулась на замороженный апельсин от маленького итальянца.

Люси поднесла было ко рту чудесный фрукт, но тут же положила его на комод, благоразумно рассудив:

— Слишком холодный… Думаю, это вредно, лучше пусть подождет до завтрашнего утра…

Не обращая больше на него внимания, она разделась и легла и вскоре, несмотря на желание дождаться Шарля, уснула крепким сном.

Она видела себя на корабле, украшенном цветами, плывущем в серебряном свете звезд, под звуки невидимого оркестра, мимо чудесных берегов. Всюду снуют восхитительные золотые и серебряные рыбки, корабль пристает к острову, утопающему в тени деревьев, легкий и душистый бриз раскачивает их ветви, как драгоценными камнями усыпанные певчими птицами с разноцветным оперением.

Она видит играющего среди цветов ребенка… О! Как встрепенулось ее сердце, как все ее существо потянулось к ребенку, ее ребенку, ее Андре!..

Люси хочет притронуться к нему, обнять, прижать к своему сердцу…

Но корабль, на котором она находилась, начал медленно удаляться от берега… Она не может сойти… Зловещее невидимое препятствие возникло между ней и островом, куда так стремилось ее существо…

Вдруг Люси видит, что корабль снова пристал к берегу… Она рядом с сыном… Обнимает, прижимает к груди, ее губы тянутся к нему..

Люси проснулась…

Комната отеля, мерцание свечи в высоком медном подсвечнике…

Шарль склонился над ней, и его поцелуй, вызвав приятные ощущения во сне, стал одновременно причиной не менее приятного пробуждения.

Радость при виде мужа вытеснила из ее головы все вопросы…

Чуть позже она полюбопытствовала:

— Ты хотя бы не вымок во время этой ужасной грозы?

— Нет!.. Я спрятался, — ответил Шарль со странным выражением.

Какая-то мысль не давала ему покоя.

Люси, обрадованная его возвращением, в полусне, не могла заметить всего этого, а потому ее ничего не встревожило.

Она даже не обратила внимания на то, что Шарля привлек вид замороженного апельсина.

— Смотри-ка, — обрадовался он, — вот то, что мне нужно… Страшно хочется пить, кажется, у меня жар!

И он в два счета проглотил его, чуть ли не целиком.

— Какая прелесть, просто чудо! — шепнул он. — Прекрасная идея пришла Люси купить апельсин… Энни и она, видно, соблазнились этими фруктами, что продают мороженщики на Елисейских полях, и мне оставили мою порцию… Приятно, что она не забыла обо мне!..

Но сонная Люси не слышала или не поняла восторга Шарля относительно восхитительного ледяного апельсина, который он только что уничтожил.

На следующий день, едва забрезжил рассвет, в дверь постучали. В соответствии с полученными распоряжениями служитель отеля разбудил путешественников и сообщил, что почтовая карета ждет их на улице.

Люси тотчас же оказалась на ногах, разбудила Энни, и обе быстро оделись. Вещи были давно упакованы. Носильщик забрал их, чтобы прикрепить на задок кареты.

— Ну и лентяй, мы уже готовы, а ты еще в постели! — весело

крикнула Люси Шарлю, который с трудом разлепил глаза, чувствуя себя страшно разбитым.

— Невероятно, — еле ворочая языком, ответил Шарль, — но я не могу проснуться… Совершенно не могу… глаза закрываются, не могу пошевелить ни рукой, ни ногой…

— Это все вчерашняя гроза… ты вымок…

— А, ничего… я тюль ко немного посплю. Пара часов сна — и все пройдет…

— Ну ладно! — решила Люси. — Сделаем так. Мы едем с Энни в Саблонвиль, чтобы сдать наше драгоценное дитя прямо в руки хозяйки пансиона… Верно, Энни? И ты догоняешь меня в пансионе через час или два…

— Прекрасно придумано, — отвечал Шарль еле слышно, — я и в самом деле совершенно не способен подняться…

— Тогда вперед, Энни, — сказала Люси и добавила: — Мы возьмем коляску, которая отвезет нас в Саблонвиль, а ты приедешь в почтовой карете с вещами Энни… Ты выиграешь еще немного времени… Тебе не обязательно быть в пансионе.

Распорядившись таким образом, Люси и Энни уехали. Их путь лежал в Саблонвиль, в пансион сестер Куро, «воспитанниц мадам Кампан», как утверждали проспекты.

Пансион этот, по плану знаменитого Сен-Жерменского заведения, принимал дочерей чиновников и представителей буржуазии. Воспитание там было отменным, и директрисы, сестры Куро, гордились тем, что «школят» своих пансионерок, дабы сделать из них элегантных дам, умеющих держать себя в салонах, а также отличных хозяек, для которых нет секретов в приготовлении варенья.

Энни разрыдалась, осознавая то, что остается в этом мрачного вида пансионе одна среди незнакомых людей.

Высоченная мадемуазель Куро-старшая, в чепце с рюшами из сиреневых лент, тонкие губы на остром лице, злобная и скрытная, совершенно не отличалась от мадемуазель Куро-младшей, маленькой уродины с тонким длинным носом, оседланным очками, за которыми поблескивали узенькие серые рыскающие глазенки, всегда находящиеся в поиске чего-то предосудительного. И речи быть не могло о том, чтобы успокоить бедных пансионерок, ни тем более сделать приятным их пребывание в пансионе, придерживающемся метода и точки зрения знаменитой воспитательницы времен Империи.

Люси изо всех сил пыталась успокоить и ободрить Энни. Девочка, стараясь не досаждать благодетельнице, силилась удержать слезы и казаться довольной тем, что принята в число этих непрямых учениц мадам Кампан.

Только одно обстоятельство способно было высушить слезы и успокоить ее сердечко, бившееся так сильно, что оно готово было выпрыгнуть из груди: обещание Люси вернуться как можно быстрее с острова Святой Елены, который, по ее разумению, находился значительно дальше Англии, а также надежда на то, что Люси вернется не одна, а с Андре, и все они скоро соединятся…

Однако нужно было расставаться. Уже два или три раза Люси, посмотрев на часы, справлялась, не ждет ли у ворот почтовая карета.

Каждый раз ответ был отрицательным. Люси успокаивала себя:

— Шарлю потребовалось, наверное, больше времени, чем он думал… В отеле не должны были его будить… Впрочем, хорошо, что он выспится… Мы прибудем в Мант позднее, вот и все… Но не стоит сейчас затягивать прощание!

Явилась мадемуазель Куро-младшая, подергивая плечиками и бросая острый взгляд из-под очков. Она объяснила, что поскольку племянница Люси Элфинстоун (принять в пансион, над которым витает августейшая тень мадам Кампан, могли только при наличии достойных родственников) включена в число воспитанниц заведения, то ей следует немедленно подчиниться правилам и присоединиться к своим подругам на уроке изящных манер. Нужно прощаться.

Энни с плачем бросилась было в объятия Люси, но горбатая мадемуазель Куро-младшая потянула ее за собой, и девочка пошла с тяжелым сердцем и слезами на глазах учиться манерам у важного старичка-коротышки, вернувшегося из эмиграции.

Люси осталась в гостиной одна, рассеянно разглядывая римские профили, нарисованные углем, головы, выполненные сангвиной, этюды в карандаше и акварельные пейзажи, украшавшие стены и подтверждавшие, что в пансионе, следующем суровой методе мадам Кампан, изящными искусствами не пренебрегали.

Она считала минуты, разглядывая уже, наверное, в двадцатый раз прелестные работы карандашом и кистью юных пансионерок, пыталась вспомнить, есть ли у Шарля адрес пансиона, и спрашивала себя, не поехал ли он искать ее в Нейи.

Приближался полуденный час, и колокол прозвонил к трапезе, когда дверь приемной открылась и вошла служанка, объявившая, что у ворот остановилась почтовая карета.

Повеселев, Люси бросилась к выходу.

Она ожидала увидеть улыбающегося Шарля, высунувшего голову в окно кареты. Он, конечно, начнет извиняться за

опоздание: «Не ругай меня…»

Карета была пуста.

Пораженная Люси направилась к вознице.

Он, не дожидаясь вопроса, растолковал ей, что ему приказали отвезти ее туда, откуда она приехала, в отель на углу улицы Миромесниль.

Больше возница не знал ничего. Он разговаривал только с управляющим. Ему велели не трогать чемодана и саквояжа, прикрепленных на задке кареты.

Это были вещи Энни. Люси не без удивления заметила, что багаж Шарля и ее собственный исчез.

Она не знала, что и думать. Благоразумнее всего было оставить в пансионе саквояж Энни и не медля вернуться в отель.

Пока карета ехала в Париж, Люси в страшном беспокойстве спрашивала себя, что могло задержать путешествие.

Выскочив из кареты, она быстро поднялась в комнату, где нашла Шарля в постели, смертельно бледного, почти без сил, еще более беспомощного, чем утром.

Бросившись у нему, Люси поцеловала мужа, умоляя ответить, что с ним.

— Здесь жжет, — едва отвечал тот, показывая рукой на желудок, — и еще… голова… Пить и… спать…

Он не смог оторвать головы от подушки.

— Врача!.. Быстрее врача, — крикнула Люси испугавшись.

Она дала больному чашку липового отвара — его приказал на всякий случай отнести своему клиенту хозяин отеля — и он жадно опустошил ее.

— Жжет меньше, — голос Шарля слабел, — очень хочется спать…

И он снова упал на подушку. Силы убывали.

Пришел врач, эскулап, не слишком торопящийся в отель к случайному больному. Разве это пациент? Как только их вылечишь или едва им полегчает, как эти путешественники возвращаются домой, где личный врач кладет себе в карман их денежки. Поэтому он довольствовался лишь поверхностным осмотром своих незадачливых пациентов, чьи гонорары были слабым утешением за причиненное беспокойство.

Он пощупал у Шарля пульс, посмотрел его язык и, сделав заключение о несварении, прописал диету и очищение желудка.

Потом ушел, не выказав особой озабоченности состоянием больного.

Люси умоляла его не уходить. Он обещал прийти вечером.

Вернувшись, врач понял, что состояние Шарля ухудшилось. Появились сухость в горле и прерывистое дыхание. Больной

жаловался на усиление жжения в желудке, о котором говорил утром. После обеда у него открылась рвота. Конечности похолодели. Жар исчез, уступив место холодному поту.

Врач покачал головой и более внимательно осмотрел больного.

— Странно, — пробурчал он, — мне кажется, это…

Он умолк, бросив странный взгляд на Люси, и добавил, резко сжав руку Шарля, как бы желая вывести его из оцепенения и привлечь внимание:

— Что вы вчера ели?

Вмешалась Люси и детально описала врачу то, что съел Шарль.

— И больше ничего? — спросил врач недоверчиво.

— Ничего. Впрочем, я и еще одна девушка ели то же самое, но с нами все в порядке…

— Невероятно, — нахмурился доктор. — Тогда я ничего не понимаю… Однако, — вновь заговорил он, со вниманием рассматривая рвотную массу, — можно сказать, что здесь следы… следы…

Он не решался огласить диагноз.

Больной было рванулся, но сразу же бессильно упал на подушки:

— Доктор, это… отравление?

— По правде, думаю, да, — согласился врач. — Рвотные массы подозрительны, и, кроме того, обильное потоотделение, ощущение жжения, оцепенение… Это все симптомы отравления ядовитым растением, может быть, наркотиком: табаком, беленой, дурманом…

— Но она не могла меня отравить, — прошептал больной.

— Она? — Люси бросилась к постели и склонилась над Шарлем.

Он протянул руку ко лбу, где блестели капли пота:

— Я ведь ничего не ел и не пил с ней… Не отравляют же взглядом, ненавистью… О да, она бросала на меня такие отравляющие взгляды, но яд не проникает таким образом… Ее злобный взгляд, он испепеляет… Что-то другое… Она не могла меня отравить и все же способна на это…

— Но кто?! — вскричала Люси. — Назови ее, ту, кого ты считаешь способной отравить тебя… Хотя бы для того, чтобы уничтожить подозрения, которые могут пасть на тех, кто любит тебя, кто отдал бы свою жизнь, чтобы сохранить твою…

Люси поразил странный взгляд, который она заметила у врача, пока тот изучал рвотную массу. А теперь, составляя рецепт, он ежесекундно отрывал взгляд от листа бумаги, не желая,

казалось, ни на миг потерять из виду Люси…

Шарль сделал усилие и оперся о постель:

— Эта женщина, милая Люси, эта ужасная женщина, Лидия…

— Маркиза Луперкати?!

— Да… Это она написала мне вчера… ну, в ресторане на Елисейских полях… Она умоляла встретиться с ней в последний раз… Говорила, что очень несчастна… Обещала, что это будет наша последняя встреча. Она должна ехать в Италию… Узнав, что я тоже уезжаю, просила меня увидеться с ней в последний раз… Она утверждала, что осталась без средств, и рассчитывала на мое благородство… Мог ли я отказать ей в этой малости?

— Конечно, нет!

— Мне бы поговорить с тобой, Люси, а я не сделал этого, боялся обеспокоить тебя, вызвать ревность. Теперь я знаю, что ты посоветовала бы не оставлять без внимания обращение женщины, нуждающейся в столь ничтожной сумме, чтобы уехать на родину своего мужа, в Италию, оспорить секвестированные владения и попытаться разжалобить своей судьбой короля Фердинанда…

— Ты все сделал правильно, Шарль!.. Я не осуждаю тебя… Если бы ты только предупредил меня… Ты слышал, что сказал врач? Если это так, то кто тебе дал яд? Кто? Она?..

— Не знаю! Клянусь тебе, я не пил и не ел в присутствии этой женщины, разве что она отравила меня своим дыханием…

— Нет! — ответствовал врач. — Отравление пищевое… Можно сказать, растениями, бывшими в ходу когда-то при итальянских дворах… какое-то загадочное и опасное зелье вроде «акватофана», которой пользовались, рассказывают, чтобы освободиться в Святой Коллегии от кардиналов, неудобных папе… Ну вот! Каким бы ни был яд, это лекарство нужно принять возможно быстрее… Я снова приду завтра…

Врач, сокрушенно качая головой, положил на комод рецепт сильнейшего рвотного.

Заметив на комоде крохотный кусочек апельсина, он полюбопытствовал:

— Что это такое?

— Это апельсин… — сказала Люси.

— Я съел его вчера вечером, когда вернулся, — добавил Шарль.

Врач повертел в руках засохший кусочек апельсина, рассматривая и обнюхивая его:

— Где вы его купили?

— Я его не покупал… Нашел его здесь, вернувшись… Мне страшно хотелось пить, и тут этот апельсин, такой свежий и вкусный…

— Он из отеля?

— Не знаю…

— Но, друг мой, — удивилась Люси, стоявшая рядом с врачом, — ведь это ты купил его… неужели не помнишь? Ты послал его мне в ресторан на Елисейских полях с маленьким итальянцем. Я захватила апельсин с собой, разумеется, не думая, что он может оказаться опасным. Кто знал, что он ядовитый… ведь его ел один ты?

По лицу Шарля поползла мертвенная бледность. Он пытался собраться с мыслями и соединить их в одно целое.

— О Господи! — прошептал он. — Изобретательности этой женщины нет предела. Люси, я не покупал апельсина и не посылал его тебе… От кого ты получила этот фрукт?

— От маленького итальянца, говорю же… Он сказал, что пришел от тебя, и добавил, что мне нужно идти домой, а ты придешь сюда…

— Ложь, страшная ложь!.. О! Теперь мне все ясно… Этот маленький итальянец из тех, кому врать, что с горы катиться, они продают замороженные фрукты, что выдумали в их стране… Люси, я все понял… Лидия, это дьявольское создание поедала его… Она ждала меня возле итальянцев. Бедная моя Люси, я действительно умираю!..

— Умоляю, доктор, спасите его! Остановите действие яда, умоляю вас! — рыдала Люси.

Врач, проникшись к ней сочувствием, вновь покачал головой, передавая рецепт:

— Дайте рвотное и побыстрее… и согревайте его… Завтра утром посмотрим…

Он вышел с выражением лица, не предвещавшим ничего хорошего.

На следующий день Шарль был уже безнадежен. Наступило полное изнеможение. Рвотное дало мало эффекта, и врач, вернувшись с утра пораньше, не смог рассеять сомнения в сложности случая.

Шарль только на короткий срок пришел в себя, чтобы сказать Люси, чью руку он сжимал своей холодной как лед, влажной и дрожащей рукой:

— К счастью, моя бедная Люси, перед нашим путешествием я осмотрительно сходил к нотариусу, продиктовать мои распоряжения… Люси, ты не будешь нуждаться ни в чем… когда меня не станет…

Рыдания Люси вынудили больного прерваться, скоро он вновь заговорил слабеющим голосом:

— Нужно продолжить то, что мы задумали… В путешествие,

которое мы хотели совершить вместе, ты отправишься без меня, но обязательно это сделаешь… Ты должна найти нашего ребенка… Вы не будете ни в чем нуждаться, вырасти его честным человеком и добрым сыном… Ему предстоит заменить меня подле тебя… Может быть, он узнает обо мне, когда станет взрослым… Расскажи ему о его отце… Расскажи, что я очень любил его… Расскажи, что я уже отправлялся в путь, чтобы найти его, вновь увидеться с ним, когда меня унесла смерть… Скажи ему…

Икота скрыла последние слова умирающего. Его тело заледенело. Приближался неумолимый конец.

В последний раз он открыл глаза и прошептал:

— Мама!.. Пошлите за моей матерью!..

Затем его голова дернулась, и Шарль потерял сознание.

Когда прибыла жена маршала, которую вызвала Люси, он уже скончался.

Бедной женщине оставалось лишь на коленях возле постели бездыханного сына прошептать несколько слов прощания, ибо она никогда не знала ни одной молитвы.

В присутствии свекрови Люси держалась незаметно. Ей хотелось дать безутешной женщине как следует выплакаться.

Уходя, жена маршала заметила Люси, та склонилась перед ней в глубоком реверансе. Мадам Лефевр сухо кивнула и бросила на нее взгляд, не обещавший ничего хорошего. Всю вину за смерть своего сына она возлагала на Люси. Матери часто несправедливы в горе…

Тоби и Киприани

Этим утром в очень хорошем настроении Наполеон принял своего врача Барри О'Меара. Он расспрашивал его не о своем здоровье, так как чувствовал себя неплохо и довольно бодро, а о новости, которую ему сообщил дворецкий Киприани.

Этот преданный слуга расстарался добыть несколько английских и итальянских газет, предложив выпивку матросам «Воробья», брига капитана Батлера, зашедшего на Святую Елену по пути из Капской провинции. В одной из газет упоминалось о решении, принятом австрийским императором относительно сына Наполеона, лишавшим его права на наследование герцогства Пармского.

— Я вовсе не огорчен решением тестя, — сказал император своему врачу. — Я предпочитаю видеть моего сына простым дворянином, имеющим достаточно средств, чтобы занимать достойное положение, нежели монархом маленького

итальянского герцогства.

Он понюхал табак и, удобно положив ногу на ногу, прошептал:

— Быть может, императрица огорчена тем, что ее сын не сможет наследовать ей, но меня это не трогает! Наоборот! Я не знатного происхождения, а теперь не так уж знатен, впрочем, для меня это вовсе не имеет значения. К чему моему сыну хвастаться пустыми титулами? С моим именем я дал ему самый блестящий титул в мире. Пусть он опасается только одного, чтобы его не отняли и не вырядили мальчика в какую-нибудь нелепую ливрею старых монархий…

— Я полагал, что вы принадлежите к древнему итальянскому роду.

Император засмеялся:

— О, да! Меня всегда пытались соединить с когда-то жившим подестой[2], даже с наследником греческой империи, римскими Бонапартами, Константином, более или менее багрянородными. Другие говорили, что я потомок Железной Маски, старшего брата Людовика XIV… Но все эти выдумки с целью низко польстить мне превзошел труд моего тестя.

Наполеон взял другую щепоть табаку и с насмешкой продолжал, время от времени кладя ногу на ногу или меняя позу, что было у него признаком хорошего настроения:

— Представьте себе, император Франц, придающий большое значение генеалогии, древности происхождения, испытывал живейшее желание доказать, что я происхожу якобы по прямой линии от одного из тиранов Тревизо… Вы слышали об этом?

— Конечно, когда Ваше Величество женились на эрцгерцогине.

— Да, он хотел положить в свадебную корзину свиток древних дворянских грамот, более или менее апокрифических. Он задействовал целый мир архивистов, секретарей, палеографов, писцов, чтобы навести справки о древних дворянских титулах. Францу показалось, что он открыл моего предка в подесте Тревизо, и написал мне лично, спрашивая, не захочу ли я позволить обнародовать результат его важных поисков, облеченный во все официальные формы.

Наполеон задумался и не сразу продолжил:

— Вы представляете меня, происходящим от подесты?.. Я категорически отказался. Он настаивал и написал мне снова: «Позвольте мне сделать это, вы будете в стороне от всего». Я ответил, что никто не поверит, будто документ, представляющий меня потомком монархического рода, был подготовлен без моего участия. Итак, я наотрез отказался от этого фарса. И добавил, что

уж лучше быть сыном честного человека, простого корсиканского адвоката, чем представлять себя в родстве с внучатым племянником безвестного древнеримского тирана. Я — Рудольф рода[3]! Впрочем, у меня достаточно доказательств принадлежности к дворянству, чтобы быть принятым до Революции в военную школу в Бриене…

Тесть затаил на меня обиду, — продолжал император. — И, поверьте, если я сейчас медленно умираю на этом острове, так только потому, что не захотел уступить дворянским притязаниям отца моей жены… Какого-то Наполеона, какого-то Бонапарта можно оставить подыхать здесь в руках у англичан, но будь я потомком тирана Тревизо… О! Я заслуживал бы большего внимания, со мной обращались бы как с исключительной личностью, а не как с неудачником и авантюристом. Может быть, доктор, я навредил себе, не приняв участия в этой комедии, достойной мещанина во дворянстве? Нет, будущее покажет, что я был прав и династия Наполеонов, вышедшая из народа, возвращается только в народ!

Император поднялся. Как бы вызывая в памяти новое воспоминание, он ухватил О'Меара за пуговицу жилета и живо сказал:

— Представляете, доктор, в мой род хотели даже приткнуть одного святого! Нашли некоего Бонавантюра Бонапарта, который жил и умер в монастыре. Святой! Бедняга был совершенно неизвестен, самые опытные эксперты в агиографии не слышали о его имени и благодеяниях.

Ну, конечно, после декрета, украсившего мою главу французской короной, все официальное духовенство «вспомнило» этого Бонавантюра Бонапарта, «воскресило в памяти» множество его добродетелей, благодеяний, в которых он проявил себя, и тотчас же заговорили о том, чтобы его канонизировать…

Так как папа римский был тогда у меня в руках и не мог ни в чем мне отказать, он легко ввел бы в календари святого Бонавантюра Бонапарта, но разве не стали бы впоследствии утверждать, что я совершил святотатство, навязав свою волю папе и силой введя святого в свой род, покусился на права церкви?..

Разговор с О'Мearом грозил затянуться, так как Наполеон был в ударе и расположен к откровенности. Однако вошел слуга и сообщил, что доктора вызывают к губернатору.

О'Меар попрощался с императором и отправился к Хадсону Лоу, которого нашел метавшим громы и молнии из-под густых бровей:

— Сегодня утром вы слишком долго находились у генерала Бонапарта, — рявкнул он, уставившись на врача.

— Да, господин губернатор, мы говорили о разных… вещах.

— Вещах, весьма далеких от состояния здоровья генерала, как мне кажется?

— И да и нет.

— Что же было темой вашего разговора?

О'Меар, скрывая улыбку, ответил:

— Разговор мой с генералом Бонапартом шел о воспоминаниях, жизненных историях и не представлял никакого интереса для английского правительства.

— Все, сказанное генералом Бонапартом, не может не представлять интереса. Я единственный, кто имеет право судить, представляет или нет интерес столь продолжительная беседа с узником. Будьте добры немедленно передать мне дословно, о чем вы говорили в Лонгвуде!

— Господин губернатор, — в голосе О'Меара зазвучал металл, — только если Наполеон позволит мне это… Я не доносчик.

— Делать это — ваша обязанность, — резко ответил Хадсон Лоу. — Вы должны ставить меня в известность обо всем, что является предметом ваших разговоров с генералом Бонапартом. Если вы не будете делать этого, берегитесь! Вам вообще запретят вступать с ним в какие-либо отношения, кроме тех, что требует ваша профессия, да и то под наблюдением офицера.

— Господин губернатор, вы хотите, чтобы я стал шпионом? Это низко, и не рассчитывайте на меня!

Хадсон Лоу изумленно посмотрел на ничтожного военного докторишку, который осмелился противиться ему и отказывался шпионить за своим больным.

О'Меар продолжил с твердостью:

— Приставляя меня к Наполеону, вы предполагали заставить меня играть низкую и презренную роль, которую отводят самым мерзким арестантам, тем, кто за ничтожную льготу предает и продает своих товарищей по заключению? Нет, Ваше Превосходительство, я не доносчик и не гнус.

— Гнус… вы, кажется, пытаетесь оскорбить меня… Берегитесь, уважаемый! Вы только что проявили недопустимую бестактность по отношению к первому лицу на острове, представителю британского правительства! Вон отсюда, вон!..

Хадсон Лоу пришел в ярость, в которой и пребывал все утро, бесновался, размахивал руками, как будто наносил удары по невидимому врагу.

Причиной его раздражительности послужило нечто другое, а вовсе не разговор Наполеона с врачом.

На острове находился старый солдат, который служил когда-

то под началом Хадсона Лоу еще на Капри. Этот солдат, встретившись случайно с дворецким Наполеона Киприани, узнал его, поскольку раньше видел его именно на Капри.

Он сообщил об этом губернатору, который требовал неусыпного надзора за всеми, живущими в Лонгвуде, особенно теми, кто имел сношения с внешним миром.

Хадсон Лоу спросил старого служаку, кем был Киприани, и узнал, что дворецкий императора в 1808 году являлся французским агентом на Капри. Именно он раскрыл заговор, организованный с целью убийства брата Наполеона, в то время короля Неаполитанского.

Капитан из Неаполя, по имени Моска, высадился около загородной резиденции короля, где рассчитывал внезапно напасть, когда король, ничего не подозревая, выйдет на прогулку в сад, и убить его. Прокравшись к дому, он увидел красавицу служанку. Сразу родилась мысль предложить ей деньги, чтобы она провела его к королю. Капитан даже попытался вскружить девчонке голову, обещая взять с собой и сделать из нее знатную даму.

Девушка быстро догадалась о намерениях Моски, и поскольку прекрасно знала Киприани, то поделилась с ним своими подозрениями. Неаполитанский капитан был задержан, однако отказался назвать имя того, или тех, кто направил его в экспедицию. Поскольку именно Хадсон Лоу нанял этого убийцу, он теперь опасался, что Киприани мог знать правду, если только уже не выложил ее Наполеону.

Через несколько дней после неудавшегося покушения с Капри в Неаполь прибыл некто Висконти, его интересовал комиссар Салисетти, которому Киприани, естественно, сообщил о заговоре. Агент проник в дом Салисетги и под предлогом обустройства лаборатории установил адскую машину. Вернувшись довольно поздно с обеда в соседнем дворце, Салисетти, как обычно, быстро выскочив из коляски, помчался вверх по лестнице.

Эта быстрота спасла комиссару жизнь, так как Висконти, увидев, что он приехал, запалил свою машину. Она взорвалась, когда Салисетти пробежал уже четыре комнаты в своих апартаментах. Пострадало около тридцати комнат, дом превратился в руины, под которыми погибла одна из дочерей комиссара.

Висконти был задержан, осужден и расстрелян, а его отец — признан соучастником преступления, но по причине преклонного возраста приговорен к пожизненному заключению. Киприани удалось расположить к себе этого фанатичного старца, который довел до его сведения, что покушение на короля Жозефа и адская

машина, подготовленная против Салисетти, были инспирированы Хадсоном Лоу, губернатором Капри, из чьих рук исходили деньги и инструкции.

Эти воспоминания, воскрешенные известием о Киприани, сильно обеспокоили Хадсона Лоу, так как напомнили о смерти Салисетти. Последний был начальником полиции при короле Жозефе, а затем, при Марате, организовал национальную гвардию Неаполя. Однажды его пригласили на обед, устроенный сэром Хадсоном Лоу. На следующий день, 23 декабря 1809 года, Салисетти внезапно умер, скорее всего, от яда.

Киприани, весьма взволнованный внезапной смертью своего покровителя и родственника, вероятно, не преминул обвинить англичанина в новом преступлении.

Таким образом, не удивительно, что встреча на острове Святой Елены с неутомимым корсиканцем, столь осведомленным о тайнах губернатора, очень обеспокоила сэра Хадсона Лоу.

С другой стороны, он узнал, что еще один корсиканец, по имени Сантини, хвастался, что при первой же оказии пустит ему пулю в голову.

Трусливый, живущий в постоянной опасности стать жертвой покушения со стороны сеидов, которые окружали Наполеона, его тюремщик смертельно боялся объединения Сантини и Киприани. Он решил освободиться от последнего.

Губернатор надеялся, что доктор О'Меар разделит его взгляды и поможет в его намерениях из страха или в надежде на аванс и компенсацию, которых он добьется для себя от своего правительства. Но при подобном отношении доктора, наотрез отказавшегося стать жалким шпионом, тем более нельзя было рассчитывать, чтобы тот согласился сыграть еще более низкую роль — отравителя.

Хадсон Лоу закрылся в своем кабинете на весь день, изучая рапорты, читая полицейские отчеты, просматривал безграмотную писанину осведомителей, оплачиваемых им и разбросанных по всему острову.

На Святой Елене в убогой хижине обитал бедный негр Тоби, все еще остававшийся рабом.

Наполеон много раз встречал его, по-доброму разговаривал с ним и даже отдал распоряжение Бертрану отчислить из Капской компании сумму, необходимую для выкупа старого негра.

— Противно, — говорил император, — когда рабство существует на расстоянии протянутой руки, тем более, что достаточно вложить в нее совсем немного золота и раб станет свободным.

Тоби обожал Наполеона, которого называл по-детски — Бони.

Завидев его издалека во время коротких прогулок, негр что-то радостно выкрикивал, подносил ему цветы, собранные в расселинах скал, загадочные цветы, тогда очень мало известные, названные теперь орхидеями и украшающие оранжереи и столы аристократов. Он дарил ему яркие перья птиц и не знал, как же еще засвидетельствовать свои почтение и любовь императору-изгнаннику.

Однако Капская компания, подчиняясь инструкциям Хадсона Лоу, оставалась глуха к предложениям о выкупе бедного негра. Зачем доставлять удовольствие опальному императору, гораздо лучше отказать. И это при том, что в Лондоне английское лицемерие аплодировало благородным евангелистам, ратующим за уничтожение рабства.

По сообщениям полиции, Киприани часто заходил в хижину негра. Он подолгу разговаривал с ним, приходя в восторг от речи Тоби, приносил ему кое-какие подарки.

— Я свободный, — говорил Тоби, — я следовать всегда Бони… Я оставаться здесь, чтобы видеть его, я уезжать, если он уезжать. Не нужно свободы, если Бони всегда узник; я хотеть свобода, чтобы следовать Бони, когда французы позовут его, сделают большим начальником, великим императором!

Несколько дней спустя после беседы доктора О'Меара с императором Киприани, как обычно, заглянул в хижину Тоби.

Негр чему-то очень радовался. Он показал на стол, где стоял пирог, и объяснил, что помогал матросам и один из них заплатил ему четвертинкой плумпудинга. Тоби предложил гостю полакомиться вместе с ним.

— Не люблю я англичан, — ответил дворецкий, — но в их кухне есть вкусные вещи, и, клянусь честью, от плумпудинга нельзя отказаться. Это такая редкость… Что ж, принимаю твое предложение, мой добрый черный друг, но, может, ты сделаешь немного чаю, Тоби? А я добавлю рома…

Сию же минуту, с невыразимым удовольствием от той чести, что оказал ему дворецкий Бони, негр поставил воду на огонь и приготовил чай. Киприани, вытащив из кармана дорожную фляжку, с которой никогда не расставался, добавил в питье доброе количество рома, сотворив освежающий и бодрящий напиток, прекрасно подходивший к этому климату.

Оба с аппетитом съели плумпудинг, посчитав его совершенно исключительным, затем расстались, пожелав друг другу доброго здоровья и не забыв приложиться напоследок к фляжке Киприани.

На следующий день Киприани уже жаловался на боль внутри, которая все усиливалась. Позвали доктора О'Меара, он попытался лечить больного, приказал хорошенько пропарить его, но

неизвестная болезнь быстро развивалась, дворецкий сильно ослабел. Смерть была близка.

Император крайне опечалился. Он постоянно справлялся о Киприани, и когда узнал, что больной не приходит в сознание, то, облачившись в парадный мундир, приготовился идти к умирающему.

— Мне кажется, — размышлял он, — если я предстану перед бедным Киприани, мое присутствие может дать толчок природе… Сколько раз на полях сражений достаточно было мне приблизиться к раненым, чтобы у них находились силы встать и дойти до лазарета…

Однако едва Наполеон сделал шаг за порог, ему сообщили, что Киприани скончался.

Странная вещь, но этот верный спутник в изгнании оставался республиканцем. Очень долго он был враждебно настроен к Наполеону, и только невзгоды привязали их друг к другу. Наполеон уважал и любил его.

Похороны состоялись на следующий день. Граф Бертран, граф Монтолон и все домочадцы императора отправились проводить тело к последнему приюту. Жители Святой Елены и офицеры 66-го полка тоже присоединились к процессии. Наполеон в парадном мундире, с орденской лентой через плечо, которую он надевал только в исключительных случаях, следовал за телом до разрешенных ему пределов.

Здесь он остановился и взволнованно произнес:

— Прощай, мой бедный Киприани! Англичане не позволяют Наполеону отдать тебе последний долг… Прощай!

И застыл, скрестив руки на груди, взглядом следя за похоронной процессией, которая продвигалась по каменистым склонам скал до лощины, где должны были похоронить верного слугу.

Между тем из окна плантаторского дома сэр Хадсон Лоу тоже наблюдал за похоронной процессией.

Сколько же ненависти и удовлетворения было в улыбке, осветившей его малоприятное лицо: теперь нечего бояться разоблачений бывшего агента с острова Капри. Кто знает, может быть, он думал, что яд, так хорошо сработавший на этот раз, поможет освободиться и от более важного и более опасного узника. Но что скажет Священный союз? Как воспримет английское правительство смерть Наполеона, вызванную отравлением? Не время думать об этом. Хадсон постарался избавиться от идеи, которая была ему по душе, однако чреватой опасностями. Хотя лорд Бэтхерст определенно поздравил бы губернатора, ускорившего конец Наполеона. Но малейшее

подозрение на отравление было бы воспринято обществом как преступление. Хадсон Лоу подвергся бы преследованию и был бы даже осужден за доставленную английскому правительству радость.

Впрочем, донесения, которые он получал, содержали указания на то, что у императора неизлечимая болезнь. Стоило, значит, положиться на время. Болезнь развивалась. А кроме того, Бонапарт еще недостаточно настрадался. Его мучения не должны так быстро закончиться.

Злость исказила лицо сэра Хадсона Лоу:

— Пусть живет столько, сколько ему предназначено судьбой… Недолго осталось… Посмотрим! Подождем! Будем надеяться!..

В день похорон Киприани губернатору доложили, что негра Тоби нашли мертвым в его хижине.

— Вот и отпала необходимость в освобождении этого черномазого. Оформите, как положено, — распорядился Хадсон Лоу.

Такой «надгробной речи» удостоился бедный негр, который все же получил свободу, правда, ценою жизни.

Миниатюра

«Воробей» был готов к отплытию, загрузившись несколько дней назад.

Капитан Батлер объявил морским офицерам и купцам, собравшимся в джемстаунском отеле «Адмиралтейство», о своем намерении поднять паруса в ближайшее время и вновь увидеть Англию, зайдя все же в Пернамбуку, где нужно принять груз.

На борту корабля находились два негоцианта, немногословные, редко появляющиеся в отеле. Казалось, они торопились закончить какие-то дела в Капской провинции, прежде чем вернуться в Европу. Их вообще мало кто видел.

Естественно, возникали вопросы, почему оба джентльмена так редко появляются в обществе и почти не выходят из своей каюты, на что капитан Батлер невозмутимо отвечал: раз негоцианты заняты своими делами, то не теряют времени на развлечения. Они слишком поглощены увеличением прибыли. А потому спят и видят побыстрее покончить с формальностями, касающимися их торговых операций на Святой Елене, чтобы не задерживать отплытие.

— Можете мне поверить, — жаловался капитан Батлер группе офицеров, потягивая ромовый грог на веранде «Адмиралтейства», — никак не получается уговорить этих двух

джентльменов совершить прогулку по острову и осмотреть его достопримечательности… Я имею в виду главную достопримечательность… Вы меня понимаете, джентльмены? — капитан Батлер окинул всех взглядом.

— Как я понял, — уточнил один из офицеров, лейтенант 55-го полка, — оба ваших пассажира даже не попытались увидеть генерала Бонапарта.

— На самом деле. И мысли об этом не было.

— Но это же первое, чего желают все прибывшие на остров.

— Эти не праздношатающиеся, сгорающие от любопытства… Однако, признаюсь, сам был бы не прочь до возвращения в Англию увидеть кончик носа или краешек шляпы знаменитого пленника, о котором столько говорят в Европе…

— Если хотите, — любезно предложил офицер, — я завтра в карауле в Лонгвуде… будьте в четыре часа пополудни на краю дороги, что ведет к «Пуншевой чаше дьявола», вы знаете, холм у Лонгвуда… Оттуда сможете как следует разглядеть Наполеона Бонапарта, в это время он совершает послеобеденную прогулку вокруг дома…

— Меня пропустят?..

— Вы пройдете через первый кордон часовых, я отдам распоряжение: это люди из моей роты. Но через второй вряд ли… Здесь нужен пропуск губернатора…

— Спасибо, мне достаточно издалека взглянуть на узника… Да! Могу ли я прихватить этих моих пассажиров?..

— Ради Бога…

— Думаю, они составят мне компанию. Да и вместе как-то приятнее. По дороге подкрепимся… Я прихвачу провизии и возьму юнгу, который добудет для нас родниковой воды… Настоящий пикник! Весьма обязан, лейтенант!.. Кружку грога? Это добрый ром, и по одной маловато…

— Да-да, — охотно согласился лейтенант, подставляя кружку. — Совсем забыл, — заметил он между глотками, — вам нужно уйти с линии часовых, окружающих Лонгвуд, до захода солнца, в противном случае можете получить из-за деревьев… Отдан приказ открывать огонь по любому, кто встретится близ Лонгвуд а после захода солнца…

— Спасибо за предупреждение, лейтенант, будем иметь в виду.

Капитан Батлер, в последний раз воздав должное восхитительному рому отеля «Адмиралтейство», вернулся на борт, не забыв сердечно пожать руку лейтенанту в знак благодарности за возможность прогуляться в Лонгвуд.

Элфинстоун и Ла Виолетт, «негоцианты», были тотчас же

поставлены в известность о предполагаемом пикнике.

Невыразимая радость охватила их. Увидеть, хоть издалека, императора было их самым большим желанием. Из осторожности и в соответствии с советами, которые дали им знающие люди, они до сих пор старались не приближаться к дому императора. Но отплытие судна было уже назначено, и предложение лейтенанта придало им уверенности.

Итак, было решено, что на следующий день все трое отправятся в Лонгвуд.

Из осторожности они решили никого с собой не брать, кроме юнги, которого капитан Батлер с непостижимым упорством называл Нэдом, как и всех мальчишек, служивших у него юнгами. Он был похож в этом на обывателей, зовущих своих служанок Мариями. Мальчишка должен был нести провизию, бегать за водой и прислуживать им на привале где-нибудь под бананами по дороге в Лонгвуд.

Они выступили в путь с утра, по утренней прохладе, чтобы, преодолев скалистые склоны, оказаться на середине подъема к полудню и пообедать в тени.

Маленький Нэд тащился позади путников. Его нагрузили довольно тяжелой корзиной, такой, что у него подгибались ноги.

Ла Виолет, заметив, что ноша слишком тяжела для ребенка, предложил:

— Дай-ка мне, малыш, а то перебьешь по дороге все бутылки! — и взгромоздил тяжелую корзину на свои мощные плечи.

Начался подъем под жарким солнцем.

Остров Святой Елены представлял собой гряды высоких крутых гор, разделенных лощинами, узкими и глубокими. Повсюду лишь пропасти и вершины. Пик Дианы — самый высокий в массиве.

К счастью, в скалистой пустыне встречались оазисы — эти благодатные зеленые уголки с деревьями и цветами, где глаз отдыхал от тоскливой бесплодности. Плантейшн-Хаус, дом губернатора, дом семьи Белкоум, Сэнди-Бей и некоторые другие затененные и лесистые места придавали острову обитаемый вид.

Лонгвуд, где стоял дом Наполеона, бывшая летняя резиденция губернатора, гиблое место, раскинулся на высоком плато. Единственное растение, которое было здесь в изобилии, эвкалипт, давало мало тени. Равнина открывалась влажному юго-восточному ветру, виновнику нескончаемых туманов и частых дождей. Резкие перепады температуры, действуя на кровеносные сосуды, порождали заболевания печени и внутренних органов.

Хотя Лонгвуд, на первый взгляд, казался местностью

благоприятной по причине высокого расположения, губернаторы Святой Елены, агенты Индийской компании, все те, для кого была предназначена летняя резиденция, не испытывали ни малейшего желания там жить.

Что до жителей острова, то они слишком хорошо знали о гибельном воздействии здешнего климата.

Англия, по-иезуитски тонко и изощренно, отправила Наполеона на этот проклятый остров, предписав ему проживание в Лонгвуде, самом вредном месте на всем острове.

Хадсону Лоу не было нужды думать о яде, который бы не оставил следа: пребывания в Лонгвуде было достаточно, чтобы освободить Англию от великого узника в самые короткие сроки. Впрочем, весь остров прямо-таки источал нездоровье. Из приходских книг известно, что мало кто жил здесь дольше сорока пяти лет. Хирург 66-го английского пехотного полка, расквартированного на Святой Елене, пришел к выводу: за один год от гепатита и дизентерии 2-й батальон 66-го полка потерял пятьдесят из шестисот тридцати солдат и вынужден был отправить в Европу семьдесят больных.

Ла Виолет и Элфинстоун, взбираясь с капитаном Батлером по скалистым склонам, ведущим к Лонгвуду, с унынием глядели на мрачный пейзаж, простиравшийся у них под ногами, где то там, то тут скалистые стены закрывали горизонт и преграждали доступ солнечному свету.

— Ну и ну, настоящая крепость! — воскликнул капитан.

— Скорее тюремный двор! — ответил Ла Виолет. — Да! Сдается мне, тяжко тут нашему императору! И сказать, что он не хочет покинуть вместе с нами эту дыру… Правда, из-за его сына… Любит он своего сына, а? Бедный маленький римский король, узник белых мундиров, как император — красных. Это не по-французски, не по-человечески, никак! Черт, стыд и позор для Франции… Нет больше во Франции солдат, черт побери!..

Ла Виолет с негодованием вращал тростью, лупя попадавшиеся ему под руку заросли эвкалипта. Он нашел выход сорвать злость из-за того, что император заперт в омерзительной горной тюрьме, а его сын, чудный малыш, томится в золоченой клетке Венского дворца.

Разбивая в пух и прах чахлые кустики, Ла Виолет орал:

— Погоди, Хадсон Лоу!.. Погоди, Веллингтон!.. Погоди, Блюхер!.. Погоди, Фуше!.. Погоди, жирная свинья Людовик XVIII!.. Погоди, проклятая шлюха Мария-Луиза!..

Элфинстоун, по-британски бесстрастный, прервал его:

— Поосторожнее, вы так разошлись, что, глядишь, перебьете все бутылки, лишите нас возможности выпить воды, которая течет

из этой скалы…

— Вы правы, — неожиданно согласился Ла Виолет, опуская трость. — От этого себя забудешь… О! Дай мне волю, я держал бы здесь всех этих мерзавцев, кто предал, терзал и мучил императора!.. Может, чтобы не разбить бутылки, нам их опустошить?..

— Хорошо сказано, — обрадовался капитан Батлер. — Вот как раз то, что надо, тенистый утолок с ковром из мха и маленьким ключом из-под скал… В нем охладится наше капское вино. Прекрасное место подзаправиться… Ну-ка, Нэд, сооруди стол!..

Ла Виолет опустил на землю корзину с провизией.

Юнга извлек из нее содержимое, поставил бутылки под струю холодного ручья и накрыл на троих.

После завтрака Ла Виолет предложил отдохнуть в тени. Все с радостью согласились, поскольку располагали временем. Только в четыре часа они могли увидеть императора, говорил английский офицер.

В то время как все трое растянулись на перине из мха, освеженного источником, в тени скалы, где эвкалипты отбрасывали тощую тень, юнга воспользовался мигом свободы. После стольких месяцев на корабле, увидев деревья, солнце, опьяненный свежим воздухом, счастливый, что слышит пение птиц в кустарнике, он, не долго думая, отошел от «лагеря», где путники поддались сну, столь приятному и необходимому в жаркие часы дня, да еще в тропической местности.

Он шел и шел по пустынной тропинке, которая огибала скалу.

Добравшись до широкой равнины, юнга заметил белые палатки и солдат, готовящих еду, чистящих оружие и играющих в мяч.

Мальчик смотрел на них издалека, затем, заметив, как на краю леска, рядом с лагерем, красный солдат поднимает охрану, спрятался, боясь оказаться подстреленным. Он хотел вернуться на тропинку, по которой обогнул скалу, но не нашел ее…

Испугавшись, что его отругает капитан Батлер, юнга прибавил шагу.

Тропинка бежала вперед и как будто расширялась…

Мальчик вышел на полянку, где маячила черная будка часового. В нескольких шагах находился черно-белый шлагбаум, загораживающий дорогу и оставлявший справа и слева проход для всадника…

Андре отважно преодолел препятствие.

Местность, по которой он шел, была более обработанной,

более ухоженной. Виднелись редкие аллеи посаженных то там, то тут деревьев. В центре лужайки росли эвкалипты и колючие кустарники.

Мальчик почувствовал капли пота на лбу. Он устал, его беспокоили мысли о выволочке, которую ему обязательно устроит капитан Батлер за то, что заблудился…

Понемногу юнгу охватывал страх: а если капитан и его спутники решили вернуться на борт?.. Корабль готов к отплытию. Если ушли без него? Что станется с ним? Один на этом острове, где он никого не знает?.. Как вернется в Европу?..

Ну нет! Не стоит бояться одиночества, ни того, что потерялся. Пережив многое, Андре чувствовал в себе силы выйти из любого положения без чьей-либо помощи. Ему хотелось вернуться в Англию, а оттуда — во Францию. Он все время думал о матери, такой доброй и нежной. Вспоминал ее светлые волосы и голубые глаза, как она улыбалась ему, когда он просыпался в их маленьком домике в Пасси, как она его ласкала и холила. Нет! Андре не забыл поцелуев своей матери, повторял про себя, что однажды увидит ее вновь. Он станет большим и сильным, он станет мужчиной, закаленным путешествиями, настоящим моряком, не отступающим ни перед чем. Тогда, без страха попасть в лапы мистера Индюка, который хотел сделать из него вора, не боясь и скупщицы краденого миссис Вонючки, не опасаясь быть схваченным за бродяжничество констеблями, под защитой звания моряка королевского флота, между плаваниями, он будет искать, будет расспрашивать и найдет мать.

В памяти всплыл образ Энни, и мальчик сказал себе, что ее он тоже хотел увидеть. Сколько бы историй он рассказал ей! Что случилось с бедной девочкой? Все так же продает цветы? Интересно, ждала ли она его, как обещала, возле кондитерской в Холборне? И что подумала, когда он не вернулся? Девчонки не представляют, что такое плавание. Она, небось, думает, что до Святой Елены как до Гринвича. Если пойдут в Пернамбуку, об этом говорил капитан, один Бог знает, когда они увидят лондонский мост. А Энни продает цветы и ждет его у лавки пирожника, где они так здорово кутили, распивая лимонад…

Мальчик скрыл от капитана Батлера все, что касалось детства. Сказал лишь, что его родители были на континенте и когда-нибудь он вновь встретится с ними. Капитан обещал помочь ему в поисках, но при условии, что парень будет учиться морскому делу на торговом судне и потом служить на одном из кораблей королевского флота.

Покидать капитана никак нельзя, следовало вернуться в порт и отправляться в Европу. И при мысли, что он может потеряться,

что его могут оставить на острове без надежды когда-либо увидеть мать и Энни, у Андре замерло сердце, а глаза наполнились слезами…

Однако он пересилил минутную слабость, у него ведь была сильная воля.

— Полноте, — сказал он себе, — я уже мужчина, моряк… И речи быть не может о том, чтобы жаловаться и хныкать, это сделала бы Энни, потеряйся она здесь, среди скал и деревьев, так похожих друг на друга… Попытаемся найти дорогу!

Андре решительно пошел дальше, шагая по тропинке, очищенной от камней и вроде бы даже подметенной. Она расширялась и становилась все более ухоженной, почти как садовая…

На скале он заметил красивый странный цветок, причудливый розовый колокольчик с многоцветным венчиком, напоминающим сабо, с прожилками, где задержались капельки росы.

Андре сорвал этот дикий цветок и повертел его в руках, думая, что у Энни в корзине не было таких красивых и он с радостью подарил бы его ей, если бы случай, чудо, волшебная палочка из сказки, которую рассказывали матросы на полубаке, перенесли вдруг девочку из Лондона на Святую Елену.

Но Энни не появилась, не было волшебной палочки, и никакое чудо, кажется, не могло произойти.

За поворотом дорожки он вдруг увидел перед собой неказистый домишко, похоже, обитаемый, и совсем рядом идущего по той же тропинке, что и он, грузного мужчину в китайке и соломенной шляпе…

Человек шел медленно, глубоко задумавшись.

Иногда он останавливался, доставал из табакерки щепоть табаку и вновь продолжал путь, не обращая, казалось, никакого внимания на окружающую природу.

Заметив идущего, Андре, уже направившийся к дому, им обнаруженному, чтобы спросить дорогу, решил обратиться к нему. Может быть, он объяснит, куда идти.

Мужчина остановился, как он это делал уже много раз. Затем, разглядев скалистый уступ, сел, вынул из кармана платок. Сняв шляпу, вытер капли пота, блестевшие у него на лбу.

Тогда юнга осторожно приблизился к нему.

— Простите, мистер, — спросил он, как мог, по-английски, — эта дорога выведет к морю… в порт, где стоит на якоре «Воробей»?

Наполеон, поскольку именно его встретил Андре, опередив капитана Батлера со спутниками, с удивлением посмотрел на

мальчика, который обратился к нему так запросто.

Он ответил на плохом английском:

— Кто ты, малыш?

— Нэд, юнга с «Воробья».

— Английское судно?

— Да… Капитана Батлера…

Наполеон вздрогнул. Только что прозвучало имя одного из тех храбрецов, которые посвятили себя его освобождению.

Он с любопытством взглянул на мальчика.

— И кто тебя послал? — спросил он. — Это капитан Батлер поручил передать послание для меня?.. Нужно быть осторожным, малыш, я не должен получать никаких писем, сообщений, посылок без разрешения губернатора… Если тебя увидят, — накажут…

И добавил сквозь зубы:

— Губернатор, эта полицейская душонка, — мерзавец! Не пощадит даже ребенка, если тот захочет поговорить со мной!

Андре рассмеялся:

— У меня нет никакого письма, никакого послания… Я не знаю вас… Но поскольку вы бравый человек, не хотите ли этот цветок?.. Это все, что я могу вам дать…

Наполеон улыбнулся наивности маленького моряка и с удовольствием взял орхидею. Поискал в своем кошельке монету. И помрачнел, обнаружив, что кошелек пуст:

— Малыш, тебе не повезло… Маршан, мой камердинер, выпустил меня гулять без денег…

— Это ничего, — ответил Андре, — я не попрошайка, мистер. Я молодой матрос с «Воробья» и ни в чем не нуждаюсь, разве что узнать дорогу, чтобы вернуться на корабль…

— Черт возьми, — вздохнул император, — я такой же, как и ты… Я, как и ты, не знаю дороги, хотя уже давно на этом острове… Но подожди! Я думаю, кто-нибудь выйдет из этого дома, моего дома, и он укажет путь…

Наполеон с интересом посмотрел на мальчика и вполголоса прошептал по-французски:

— Подумать только, мой сын почти того же возраста… Когда я вновь увижу его, Боже мой? Смогу ли я обнять его до того, как умру на этом острове?..

Его глаза потемнели, наполнившись слезами.

Андре, удивленный, что слышит французскую речь, с интересом посмотрел на печального господина в китайке и спросил его на родном языке:

— Вы плачете, месье?.. Неужели я стал причиной ваших слез?..

Наполеон вздрогнул, услышав, что мальчик заговорил по-французски.

Он быстро вытер слезы и улыбнулся. Ласково щипнул Андре за ухо:

— Так ты понимаешь по-французски, малыш?.. Но все же ты англичанин?

— Нет, месье… Я родился во Франции, в Париже… только служу юнгой на корабле английского флота…

— Да, правда… А твои родители?

— Мои родители во Франции… Я их увижу, когда вернусь в Европу, — уверенно сказал Андре, не горя желанием рассказывать незнакомцу ни о своих приключениях, ни о своих горестях.

— Твои родители будут очень счастливы, — прошептал со вздохом император. — Какое утешение, какое огромное утешение иметь возможность сказать в конце жизни: рука сына закроет мне глаза… А что делает твой отец? — спросил он, успокоившись и желая вопросами, которые он задавал всякий раз, встретив незнакомца, отвлечься от своих грустных мыслей.

— Мой отец — сын военного, — уклончиво ответил Андре, — солдата Наполеона…

— Правда? — спросил император с улыбкой. — Так твой дед служил Наполеону?.. А ты знаешь его, Наполеона? Ты слышал что-нибудь о нем?

— Конечно, я знаю, что он на этом острове… И никогда не спускается в порт…

— Желания-то ему хватает, — засмеялся Наполеон… И добавил, ласково глядя на молодого юнгу: — Мой мальчик, я рад, что встретил тебя и мы поговорили… У меня тоже есть сын твоего возраста, он похож на тебя… Его держат в Вене… У меня нет совсем никаких известий о нем. Неизвестно, что сулит тебе будущее… ведь твой дед служил Наполеону. Когда увидишь его, покажи ему это… Он скажет тебе, кто изображен на этом портрете…

И вынув из кармана серебряную табакерку, крышка которой была украшена его портретом, миниатюрой, довольно большого сходства, он протянул ее Андре:

— Возьми на память… Ты подарил мне цветок, будет справедливо, если я тоже дам тебе свидетельство нашей встречи… храни его, этот портрет!.. Мой портрет… Если когда-нибудь ты попадешь в Вену, тебе достаточно будет показать его любому старому солдату и попросить указать, где находится сын этого человека… С помощью портрета ты увидишь моего сына, ты скажешь ему, что встретил его отца на Святой Елене, что он очень страдал, и…

Волнение душило Наполеона. Он резко закончил:

— …и мой сын отблагодарит тебя и вознаградит… Прощай, малыш. Коль ты француз, хотя и служишь на английском флоте, думай о своей стране, всегда вспоминай Францию!..

Наполеон, которого одолевали мысли о сыне, желал теперь остаться наедине с собой. Он отвернулся от Андре, удивленного и не понимающего волнения господина в китайке, подарившего ему эту красивую табакерку, украшенную портретом человека в зеленом мундире с эполетами и орденской лентой. Вдруг шум шагов и голосов насторожил их.

На другом конце тропинки появились трое, удивленные не меньше Андре.

— Это он! Вот он!.. — крикнул один из них.

— Нэд с ним, — заметил второй. — Что делает там этот постреленок?..

Третий, самый высокий, обладатель седоватой бородки, который недавно столь живо размахивал своей тростью, остановился как вкопанный, поднял левую руку на уровень глаз и воскликнул зычным голосом, идущим из самой груди:

— Да здравствует император!..

Его спутники кинулись к нему, пытаясь его заглушить.

Они с беспокойством оглядывались вокруг, как бы английский часовой не услышал победного вопля, вырвавшегося у Ла Виолета…

Однако скалы, громоздящиеся со всех сторон, приглушили крик, и лишь одно дикое эхо ущелий повторило возглас старого солдата.

Император, растроганный и довольный, жестом поблагодарил незнакомых друзей, которые в его одиночестве и изгнании приветствовали павшее величество, воскрешая былую славу и триумф прошлого.

Не желая подвергать опасности смелых гостей, он быстро ушел по тропинке и исчез в Лонгвуде.

Пока три путника, потрясенные тем, что вот так близко увидели императора, довольные успехом своей авантюрной эскапады, спускались к морю, обмениваясь впечатлениями, Андре, прижимая к груди табакерку с портретом, говорил себе, удивленный и счастливый:

— Это же тот, кого называют Наполеоном, этот добрый полный мужчина плакал, говоря о своем сыне!.. Да! Я стану взрослым, найду маму, поеду в Вену и, как он сказал, спрошу о его сыне… и покажу ему портрет… Но не отдам ему, нет! Это мое, и я буду хранить его всю жизнь!..

И Андре крепко сжал в руке табакерку, свое сокровище.

Агония

Лонгвуд пустел. Киприани мертв, Гурго вернулся в Европу, Сантини убрали, так как он совсем тронулся умом (в самом деле, каждый день заявлял, что пустит пулю в лоб Хадсону Лоу). Графиня де Монтолон, то ли из-за того, что у нее пошатнулось здоровье, то ли из-за своего властного характера, основательно затруднявшего пребывание на Святой Елене, попросилась назад в Европу. Наконец, по приказу губернатора, господин Белкоум, английский генерал, который с таким почтением встретил Наполеона на острове, должен был прекратить свои функции поставщика. В слезах пришел он с двумя дочерьми проститься с императором.

Наполеон, чтобы скрыть грусть, которую вызывало расставание, поддразнивал Бетси Белкоум, вспоминал, как в счастливые времена, когда он еще не страдал, думая, что его изгнание не продлится долго, жил в Бриарах и играл в жмурки с шалуньей.

Одиночество знаменитого изгнанника становилось почти полным.

В то же время строгости английского губернатора усилились, притеснения стали постоянными.

Хадсон Лоу следил за болезнью, поразившей узника, и, казалось, с изощренной жестокостью способствовал ее развитию, держа Наполеона в состоянии постоянного раздражения и гнева.

Смерть принцессы Шарлотты, которая должна была стать королевой Англии, проявлявшей особое расположение к наполеоновскому делу, — она даже пообещала, придя к власти, обращаться с ним как с низложенным монархом, а не как с захваченным авантюристом, — привела Наполеона в состояние глубокой меланхолии.

Когда по вечерам черная тень опускалась на жилище, в котором он обретался, император чувствовал приближение смерти. Когда же ему снова говорили о проекте побега, он отказывался с еще большей энергией, чем раньше.

Элфинстоун и Ла Виолет побывали в Пернамбуку. Они видели капитана Латапи, окруженного флибустьерами, выказывавшими нетерпение отплыть на Святую Елену, желающих броситься в бой, если это будет нужно, с английским флотом, чтобы вырвать, даже силой, величественного узника из лап тюремщиков.

Оба вернулись на корабль Батлера и тайно встречались с Бертраном.

Возобновились переговоры, начатые с Гурго. Флибустьеры были готовы. Успех побега не вызывал сомнений.

Снова Бертран представил Наполеону сложный план побега. В условленное время два пиратских судна Латапи будут находиться поблизости от Святой Елены, хорошо вооруженные, на каждом около 400 флибустьеров, готовых на все.

Как Элфинстоун и Ла Виолет уже объяснили Гурго, на остров, в маленькую бухточку, доставят бочки, чтобы пополнить запасы воды. Наполеон закроется у себя, сказавшись больным. Затем его проведут по тропинке к месту, где набирают воду. Спрячут в бочку и перенесут на пиратское судно.

Если побег обнаружат, капитан Латапи распорядится, чтобы корабль с императором на борту ускользнул, пока другой попытается остановить суда, брошенные в погоню.

План был соблазнительным, вполне реальным, но Наполеон еще раз поблагодарил своих добровольных освободителей и отказался.

— Передайте благородным гражданам, — ответил он, — что я благодарю их за усилия, но это безумие. Или я умру здесь, или Франция призовет меня. Я не могу бежать как простой пленник. Я должен покинуть Святую Елену при свете дня либо по приказу английского губернатора, вспомнившего о человеческих чувствах, которые я приписывал ему раньше, либо по официальному требованию Франции, призывающей меня вновь стать во главе ее армий и доверяющей мне управление.

Передайте им также, — добавил Наполеон после минутного размышления, — что их предложение переправить меня в Соединенные Штаты под прикрытием отважных флибустьеров могло бы стать заманчивым для кого угодно, но не для человека, уложившего всю Европу к своим ногам…

Что буду делать я в Соединенных Штатах? Меня скоро забудут. Черт побери, лучше оставаться на этой скале, она по крайней мере привлекает взгляды всей Европы, на нее с беспокойством смотрят короли, сидя на троне. Будущее, быть может, постарается отомстить за меня!

Хотя, если бы, вместо того чтобы ехать в Соединенные Штаты, мне обеспечили убежище на английской земле, в виду берегов Франции, возможно, я изменил бы решение… Никому не известно, как все обернется. Если вы не в состоянии предложить мне достойное убежище в Англии, либо…

Говоря это, он широкими шагами мерил комнату. Вдруг резко остановился, взглянул на портрет сына и сказал:

— Терновый венец сделав из Иисуса Бога! На людей сильно подействовали мучения Христа на кресте.

Если вы увезете меня в Америку, обо мне забудут, таким образом, дело мое бесславно закончится! Нет! Лучше смерть среди этих скал, чем жизнь в Америке, в забвении. Муки мои, Бертран, принесут корону моему сыну!.. Скажите это своим благородным друзьям, кто рискует жизнью, чтобы увезти меня отсюда. Я благодарю их, но настаиваю на своем отказе!

Бертран вернулся к капитану Батлеру, Элфинстоуну и его товарищу и сообщил о непреклонности императора в своем решении остаться на острове.

Настаивать было бесполезно, друзьям ничего не оставалось как удалиться. Жизнь, казалось, потеряла для них всякий смысл, ибо посвящена она была этому благому делу.

— Ну что ж, нам больше нечего делать здесь, — сказал Элфинстоун Ла Виолету. — Надо быстрее возвращаться в Европу. Более продолжительное пребывание на этом острове может привлечь внимание к нам губернатора. У меня нет никакого желания знакомиться с «плавучими» тюрьмами, где мучается столько ваших соотечественников.

По настоянию своих спутников капитан Батлер поднял паруса. На этот раз предстояло окончательное возвращение в Англию. Нечего было и надеяться, что Наполеон переменит решение.

Во время путешествия Элфинстоун и Ла Виолет два или три раза вызывали на палубу маленького юнгу Нэда и за некоторые услуги, которые он им оказывал, давали ему полный стакан рома или виски. Этим и ограничивалось их общение с ребенком Люси, о чем никто даже не подозревал, хотя он был рядом с ними, в матросской робе, на легком «Воробышке», бороздившем лазурную гладь моря.

Адской изощренности сэра Хадсона Лоу не было конца. Положение Наполеона и его друзей по ссылке становилось все более невыносимым.

Окружение императора пыталось склонить его к тому, чтобы направить в Европу жалобу. Наполеон прекрасно осознавал всю бесполезность этой затеи, которая только увеличила бы число его врагов и еще более подогрела их злобу:

— Нужно со смирением переносить муки, покориться судьбе в пути на голгофу, господа! К несправедливости, жестокости Англии и монархов, которые одобряют такое недостойное обращение, добавляются обида и постоянные пытки. Если я им так невыносим, почему же они не освободятся от меня? Достаточно нескольких пуль в сердце или голову. По крайней мере, в этом преступлении было бы хоть какое-то проявление силы… Конечно, я знаю, им кажется, что еда и вино уже

доказывают хорошее обращение со мной… Если бы не вы и ваши жены, я хотел бы питаться как простой солдат. Однако, что за странная идея у некоторых монархов оскорблять в моем лице божественный характер монархии?.. Разве не видят они, что на Святой Елене уничтожают его собственными руками?.. Я победителем входил в их столицы, если бы я являлся туда с такими же чувствами, чем бы они стали? Все они называли меня братом, и я был им — либо по выбору народа, либо в результате победы, либо по вероисповеданию, либо в результате соединения политики и родственных отношений… Неужели они верят в то, что народ не понимает их морали, и чего дождутся? Но, господа, составляйте ваши жалобы, и пусть Европа узнает о них и возмутится… Мне жаловаться не пристало, это чересчур унизительно для меня… Я либо приказываю, либо молчу!

Бдительность Хадсона Лоу удвоилась с того времени, как он вышел на след заговора с целью организации побега Наполеона.

Была перехвачена шахматная доска, посланная Элфинстоуном, содержавшая план и наметки побега. Хадсон тщательно их изучил. Однако найденный план почти не поддавался расшифровке, не содержал ни имен заговорщиков, ни способа проникновения на Святую Елену.

Посему ограничились усиленной бдительностью и расширением мер предосторожности.

Положение императора стало совершенно невыносимым, в какой-то момент люди Наполеона испугались, что он подумывает о самоубийстве.

Врач взял на себя смелость намекнуть о своих подозрениях, на что император ответил ему: настоящее мужество в том, чтобы переносить унижение, противостоять несчастьям, а не в том, чтобы покончить жизнь самоубийством.

— Так поступает разорившийся мот, все спустивший игрок, — добавил он, — это означает только отсутствие сил и терпения… Будьте спокойны, я не собираюсь кончать с собой.

Однако призрак смерти уже витал над ним.

Очередной выходкой Хадсона Лоу явилось то, что он отстранил доктора О'Меара, которому Наполеон доверял как никому.

О'Меар не пожелал шпионить, и Хадсон Лоу постарался заменить его более сговорчивым доктором Бакстером. Наполеон отказался принять «врача». С того времени губернатор пребывал в полном неведении о здоровье упрямого узника.

Хотя Наполеон посчитал для себя невозможным направить в Европу очередную жалобу, но не запретил сделать это Бертрану и другим его товарищам по изгнанию. Жалоба была составлена на

имя генерал-адъютанта сэра Томаса Рида. Возмущение по поводу отзыва О'Меара получило отражение в энергичном постскриптуме, написанном императором собственноручно:

«Пусть принц-регент примет меры против палача. Если же он не сделает этого, то позор моей смерти окажется на совести правящего английского дома».

Барон Штюрмер, комиссар австрийского правительства на Святой Елене, в рапорте князю Меттерниху представил действия Хадсона Лоу таким образом:

«Чем больше изучаешь поведение сэра Хадсона Лоу, тем с большим трудом понимаешь, как английские министры могли гордиться таким человеком. Если понадобился только тюремщик, то нет ничего проще найти его. Английская же нация чересчур озабочена сохранением своей репутации — благородной и лояльной, справедливо подтвержденной в тысяче других случаев, и если она придает хоть какое-нибудь значение суду истории, невозможно было сделать выбор хуже».

«Англия богата честными и неподкупными людьми, и воистину трудная задача найти в ней более неловкого, более нелепого, более сумасбродного и более неприятного».

Подобное суждение, исходящее от союзника Англии, австрийского комиссара, направленного, чтобы наблюдать за Наполеоном в качестве помощника, коадъютора Хадсона Лоу, подтверждает, что не одни французы заклеймили этого губернатора как презренного тюремщика, обреченного на проклятия потомков.

Однако общественное мнение уже начало склоняться к Наполеону, как только стали просачиваться сведения о недостойном обращении губернатора Святой Елены со своим заключенным. Многие англичане открыто выражали протест и громко осуждали палача.

Как только стало известно о состоянии здоровья Наполеона — и Гурго и пассажиры с «Воробья» приложили все усилия, чтобы правду узнали в Европе, — симпатии к знаменитому узнику возросли.

Папа Пий VII писал союзным монархам, собравшимся на конгресс в Ахене:

«Наполеон очень несчастен. Не будем говорить о его поступках. Церковь никогда не должна забывать о его заслугах. Сознание того, что этот несчастный страдает, уже мучительно для нас. Мы не хотим и не можем быть каким-либо образом причастными к бедам, которые обрушились на него. Наоборот, мы желаем от чистого сердца облегчить его страдания и сделать его жизнь более сносной».

В заключение святой отец предложил союзникам дать возможность Наполеону поселиться в Риме подле матери.

Со своей стороны, госпожа Летиция, пользуясь посредничеством кардинала Феша, передала монархам трогательное письмо:

«Глубоко скорбящая мать уже давно надеется, что доброта Ваших Величеств осчастливит ее. Не может случиться так, чтобы изгнание императора Наполеона служило препятствием к рассмотрению его положения и Ваше великодушие, воспоминания о прошедших событиях не подвигли Ваши Величества на освобождение того, кто столько сделал в Ваших интересах и для Вашей дружбы.

Неужели Вы согласитесь на гибель в изгнании монарха, который, поверив в великодушие врага, сам отдался в его руки? Мой сын был в состоянии просить убежища у императора Австрии, своего тестя, он мог довериться величию души русского царя, с которым его связывала дружба. Он мог укрыться у прусского короля, который, без сомнения, вспомнил бы о прошлом союзе. Ужели Англия должна наказать доверие, которое он ей засвидетельствовал?

Императора Наполеона можно не опасаться, он болен. Будь он здоров, у него нашлись бы средства, которые Провидение вкладывало раньше в его руки, он ненавидит гражданскую войну.

Ваши Величества, я — мать, и жизнь сына мне дороже собственной жизни. Простите вызванную страданием смелость, которую я позволила себе, дабы обратиться к Вашим Величествам с этим письмом. Не откажите в просьбе матери, измученной жестокостью по отношению к моему сыну.

Во имя того, кто добр по своей божественной природе и чьим подобием Вы являетесь, прикажите прекратить мучения моего сына, пойдите навстречу его освобождению. Я молю Бога, я молю Вас, тех, кто представляет его на земле. У государственных интересов есть пределы, а потомки по достоинству оценят милосердие победителя».

Письмо заканчивалось просьбой, четко изложенной матерью: в случае, если монархи не сочтут возможным перевезти Наполеона в Европу, позволить ей разделить с сыном его судьбу на Святой Елене.

Прошение осталось без ответа. Пренебрежительным молчанием матери отказали в горькой милости поселиться рядом с сыном на острове с губительным климатом.

Король Жером также тщетно писал английскому принцу-регенту, испрашивая у того разрешения навестить со своей семьей — женой и сыном — больного брата.

«Чувства, толкнувшие меня на этот поступок, — писал он, — не могут оказаться чуждыми душе Вашего Королевского Высочества. Это признательность брату, который долгое время заменял мне отца и был благодетелем.

Желание, разделяемое моей женой, облегчить его заточение нашими заботами и уважением, — необходимость, наконец, подтвердить, что семья его никогда не была неблагодарной по отношению к нему. Наоборот, в своей семье он всегда был и остается объектом почитания и любви.

Столь святые для каждого человека порывы, без сомнения, будут оценены Вашим Королевским Высочеством. Удовлетворив мою просьбу, Вы заслужите право на уважение у человечества и признательность всей нашей семьи».

Принц-регент Английский наложил резолюцию: «Ничего тут не поделаешь».

А ведь речь шла только о коротком пребывании, о встрече братьев, что позволено в любой тюрьме самым отъявленным злодеям.

Между тем Хадсон Лоу радовался, и это отражалось на его лице; волчья пасть и лживые глаза напоминали хищного зверя, который разделывается со своей добычей.

Он только что затребовал бюллетень о здоровье узника и читал его, удовлетворенно покачивая головой и время от времени потирая руки.

Вот что говорилось в бюллетене, который был передан одним из его шпионов, направляемых каждый день в Лонгвуд. После отъезда О'Меара он не получал медицинского свидетельства о состоянии здоровья узника:

«Вчера Бонапарт принял довольно горячую ванну, после которой заметно ослаб: ноги распухли, он почувствовал сильный и продолжительный холод в конечностях. Пульс, обычно пятьдесят ударов в минуту, еще больше замедлился. Кровообращение нарушено, вследствие этого ноги отекли».

Ненависть очень проницательна. Хотя окружение Наполеона воспринимало его болезнь как простое недомогание, Хадсон Лоу не ошибался на сей счет. Дни Наполеона были сочтены, близилась роковая развязка.

Утром 2 апреля 1821 года у императора случился сильный приступ. Он рано поднялся и вышел в сад. Когда Монтолон приблизился к нему, Наполеон, сидевший на траве, сказал, прижав руку к груди:

— Меня тошнит. Это предвестие смерти, я слышу звуки трубы, возвещающей каждому человеческому существу…

И попытался улыбнуться.

Вскоре началась рвота. Его друзья больше не скрывали опасений. 17 марта Монтолон написал княгине Боргезе:

«С каждым днем он угасает все заметнее; слабость чрезвычайная; он не может передвигаться без посторонней помощи даже по комнате. К болезни печени прибавилась другая, также распространенная на этом острове: все органы серьезно поражены; желудок выбрасывает все, что получает. Император не может есть ни мяса, ни хлеба, ни овощей. Он поддерживает себя только бульонами и желе.

Император рассчитывает, что Ваше Высочество доведет до сведения некоторых влиятельных англичан истинное состояние его здоровья. Он умирает, совсем беспомощный, среди этих скал. Его агония ужасна».

Это письмо, как и вся корреспонденция к княгине Боргезе, должно было пройти через руки Хадсона Лоу. Губернатор задержал его под предлогом того, что оно касалось императора, лица, — подумал он с убийственной иронией, — о присутствии которого в Лонгвуде он как губернатор острова не имел никакого понятия, хотя ему должны были докладывать обо всем, что происходит на Святой Елене.

Не мог же он пропустить бумагу, способную всколыхнуть общественное мнение Европы. Никто не должен знать, что император — узник на его острове. Жестокая и изощренная уловка приводила Хадсона Лоу в настоящий восторг.

Он постарался, чтобы об отказе передать письмо Монтолона стало известно императору, и кружил возле Лонгвуда, стремясь увидеть узника и обнаружить раздражение, которое должно было вызвать это новое оскорбление.

Хадсон Лоу сделал вид, будто узнал что-то о заговоре, а император старается усыпить бдительность британских властей, дабы ослабить строгое наблюдение за узником. Поэтому любой шаг Наполеона должен быть ему известен.

Маркиз де Моншеню, представитель Людовика XVIII, в чьи обязанности входило наблюдение за пленным, с этого момента постоянно пребывал около императора, не покидавшего постели.

Монтолона, безмерно возмущенного действиями губернатора, осенила идея: если нельзя избавиться от постоянного надзора и доклада о состоянии здоровья императора, то хотя бы делать это не столь нарочито и вызывающе, уважая, по крайней мере, чувства умирающего.

Он приоткрывал окно в тот момент, когда больному меняли постель.

За прутьями решетки появлялась тусклая физиономия Хадсона Лоу. Хищный взгляд палача застывал на императоре,

ослабевшем, уже тронутом крылом смерти; и удовлетворенный, с гнусной улыбкой, губернатор уходил, считая часы, остававшиеся до неминуемой кончины.

Смерть Орла

Императору Наполеону оставалось немного.

Разрушение организма и еще кое-что добавляли ему мучений. Сильно расстроил отъезд госпожи де Монтолон. Эта женщина была ему приятна, хоть и не завладела его чувствами, но присутствие ее смягчало горечь изгнания.

Кокетливая, с капризным характером, графиня быстро добилась близости с императором и в узком кругу разыгрывала роль императрицы. Она без тени сомнения внушала императору мысль отказаться от планов побега. Ей совершенно не по душе были попытки вооруженной реставрации. Предводитель пиратов Латапи и его флотилия не вызывали у нее доверия.

Она надеялась, что смилостивившаяся Европа позволит узнику со Святой Елены сменить унизительное заключение на менее строгое содержание в Англии или Италии, где Наполеону удалось бы создать небольшое королевство, как на острове Эльба.

Она представляла, что разделит с ним эту ограниченную власть, освещенную блеском его былой славы и величия. А потому спокойно сносила годы заточения на Святой Елене, рассчитывая на скорое возмещение их страданий в Европе, когда сможет в открытую появиться рядом с ним, великим императором, вернувшимся из африканской могилы в мир живых.

К несчастью для честолюбивой графини, события развивались не так, как она их себе представляла.

Дело в том, что доклады близких Наполеону лиц, генерала Гурго, публикации в различных газетах, сообщения, что Александр I и австрийский император сожалеют о происшедшем и осуждают суровое содержание Наполеона на Святой Елене и, по всей вероятности, склонятся к послаблению, возможно, даже переводу узника в какое-нибудь иное место заключения, менее вредное для здоровья и не столь уединенное, как африканский остров, побудили главу английского правительства лорда Кэстлриджа и министра колоний лорда Бэтхерста созвать конференцию и выпустить меморандум с протестом.

«Вам известно, — писал Кэстлридж лорду Бэтхерсту, направляя ему меморандум, — что существует мнение, будто императоры России и Австрии поддерживают идею, чтобы он был вывезен со Святой Елены в более удобную резиденцию. Русские полномочные представители, понимая, что их монарх не мог из

справедливого отношения к английскому правительству принять подобного решения, не изучив существа вопроса, возникшего, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение, составили нижеследующий меморандум и предложили утвердить протокол, его сопровождающий».

Меморандум и протокол содержали следующие основные пункты:

> «Кабинет министров России изучил вопрос относительно содержания Наполеона Бонапарта на Святой Елене и возмущения, исходящего из Англии и повторенного в некоторых частях Европы, по поводу того, как обращаются с человеком, чья печальная известность не перестает будоражить мир.
>
> Гнусные возмутители спокойствия всех стран пытаются упрекать в его содержании, хотя оно предпринято по закону и в силу необходимости. Стремление объединить его именем всех врагов порядка, несмотря на разделяющие их доктрины и интересы, влияние и намерения, которые они осмеливаются проявлять открыто, вызвало следующие меры предосторожности:
>
> Война, выдержанная против Наполеона Бонапарта, и результаты, к которым она привела, никогда не имели в виду никакой персонификации. Союзники сражались и окончательно уничтожили могущество французской революции, сконцентрированное в руках одного человека.
>
> Бонапарт до битвы при Ватерлоо являлся опасным мятежником, после поражения — беглецом, подпадавшим под правосудие Европы…
>
> Именно с учетом этого и был подписан договор 2 августа 1815 года, где ясно указано: „Наполеона Бонапарта, в соответствии с договором, подписанным в Вене 25 марта предыдущего года, рассматривать как заключенного“.
>
> В соответствии с обязательствами, принятыми британским правительством, парламент перевел в ранг закона определенные меры, направленные на то, чтобы облечь полномочиями тех, в чьи обязанности входит охрана Наполеона Бонапарта, и дающие им право доводить строгое содержание до последней степени крайности всякий раз, когда могла быть предпринята попытка побега…»

В меморандуме добавлено, что «с таким упорством повторяемые возгласы возмущения, воспроизводимые в различных формах, по поводу обращения с заключенным лицами, осуществляющими его охрану на Святой Елене, не улучшают положения Бонапарта как заключенного, но, увеличивая возможности для его побега, затрудняют работу губернатора и его подчиненных».

Заключение столь омерзительного документа гласило:

> «Исходя из этих соображений, кабинет министров России рассматривает как принципиальное то, от чего нельзя отступать, а именно:
>
> — Наполеон, своим поведением поставив себя вне законов наций, вызвал меры предосторожности, уже принятые по отношению к нему, и те, что будут приняты и зависят полностью от корректности и благоразумия союзнических монархов;
>
> — он является пленником монархов, поставивших свою в этом подпись, и меры предосторожности, указанные в инструкциях лорда Бэтхерста дворянину Хадсону Лоу по отношению к Наполеону Бонапарту, согласованы со всеми монархами;
>
> — любое послание или общение кого-либо с заключенным на Святой Елене со стороны членов семьи или других лиц, не прошедшие инспекцию английского правительства, будут рассматриваться как посягательство на общественную безопасность».

Таким образом, меморандум и протокол, подтверждающие меры изоляции, принятые Англией, оправдывали действия Хадсона Лоу по отношению к мученику.

Подобные дипломатические документы объединяют сильных мира сего. И осуждение, которому подвергалась Англия, должны были теперь разделить все монархи.

Царь Александр, который с такой теплотой обнимал Наполеона в Берлине и стремился к братским отношениям, становится перед лицом истории сообщником презренного Хадсона Лоу.

В вину Наполеону было поставлено не только то, что, потерпев поражение при Ватерлоо, он стал в глазах Европы авантюристом, бродягой, лишь фортуна покинула его, но еще и то, что, по мнению этих представителей божественного права, он олицетворял Французскую революцию и ненавистные принципы.

Кэстлридж и Бэтхерст смешали бонапартистов со всеми врагами порядка.

Для них Наполеон представлял также Народ — хозяина своей судьбы, побеждающую демократию.

Они хотели сослать на Святую Елену без права на возвращение не столько даже его самого, сколько то, что он воплощал.

При этих обстоятельствах друзьям Наполеона и думать не стоило о какой-либо возможности спасти его.

Лорд Бэтхерст поспешил известить Хадсона Лоу, направив ему сей документ:

> «Прошу Вас ознакомить с протоколом генерала Бонапарта, дабы ввести в курс того, под каким углом зрения союзники рассматривают его положение на Святой Елене, и дабы ему известно было, что монархи эти признают необходимость всех ограничений, применяемых к нему».

О протоколе стало известно на Святой Елене, уныние охватило все умы, и маленькая колония впала в мрачное оцепенение.

Вечная ссылка! Остров Святой Елены стал тюрьмой, откуда не было выхода, могилой для императора.

Госпожа де Монтолон, обманутая в своих надеждах, понимая, что ее амбиции не суждено удовлетворить, как она предполагала и на что рассчитывала, разом охладела к Наполеону и объявила о своем намерении вернуться в Европу — по ее словам, заняться воспитанием детей.

Наполеон не стал задерживать графиню. Быть может, он понимал, что эта женщина разлюбила его, или догадался даже, что она не любила его вовсе, как он себе вообразил. Одно дело — оставаться верной подругой Наполеону, принимая на свой счет часть его могущества, и совсем другое — похоронить себя заживо на Святой Елене, проводя оставшиеся ей несколько лет молодости и красоты в скучном и горьком обществе человека, отовсюду изгнанного, врага всей Европы, приговоренного к пожизненному заключению.

Легкомысленная, беззаботная и честолюбивая, графиня де Монтолон убедила себя, что положение подруги опального императора обеспечит ей внимание и приведет к успеху. Итак, она уехала, оставив потрясенного супруга и Наполеона, окончательно сраженного предательством.

— Эта женщина посадила цветы на мою могилу, — рассудил император, впав в состояние меланхолии.

А что ему еще оставалось?!.

Наполеону становилось все хуже и хуже. Самые горькие

мысли о прошлом приходили на ум. Он вспоминал обстоятельства своего брака, и тот факт, что тесть, австрийский император, вместе с русским царем поддержал протокол, привел его к заключению, высказанному Бертрану:

— Этот брак стал роковым. Я слишком доверял тестю, что и погубило меня. Какая глупость — поверить в святость семейных уз! Я считал Франца II добрым человеком и ошибся — этот дурак, не задумываясь, превратил себя в инструмент Меттерниха, чтобы разделаться со мной. Лучше уж было прислушаться к честолюбивым пожеланиям моих братьев и поделить его корону между эрцгерцогом Карлом и великим герцогом Вюрцбургским. Следовало еще дать независимость Венгрии, это имело бы огромное значение… Как я ошибался!..

Бертран пытался успокоить его, говоря, что Наполеон поступал так сообразно обстоятельствам. Император лишь печально покачал головой:

— Нет-нет, маршал, трон имеет свой яд. Он отравляет любого, кто только чуть прикасается к нему… Ни единой мысли, кроме как стать тем, кого называют законным государем. На этом строятся принципы, мотивы, поведение… Нельзя побывать в шкуре короля и остаться нормальным… Я тоже сошел с ума… Когда мысленно я обращаю свой взор на совершенные мной ошибки, впустившие союзников и Бурбонов во Францию, меня пожирают угрызения совести…

Бертран вновь попытался его утешить.

Улыбнувшись, Наполеон сказал:

— Вы совершенно правы, маршал, все это вызывает досаду, раздражение и дурные сны… Поговорим лучше, — и его глаза наполнились слезами, — о моих первых увлечениях…

Между тем Хадсон Лоу готовил императору еще одну — последнюю! — пакость.

Поскольку император не выходил и Лоу терялся в догадках, то он решил заслать своего агента в окружение Наполеона.

До сих пор все письма и сообщения император получал только из рук Бертрана, исполнявшего функции главного распорядителя «дворца».

Хадсон Лоу отправил в Лонгвуд офицера с пакетом для Наполеона Бонапарта.

Камердинер Маршан остановил прибывшего, заявив, что любое послание «императору Наполеону» передает маршал Бертран.

Офицер же настаивал на непосредственном общении с узником Лонгвуда. Наполеон, услышав это, крикнул, что не позволит ему диктовать свои условия:

— Лучше достойно погибнуть, чем умереть в постели от болезни!

Полуживой, он приказал зарядить пистолеты, принести его шпагу, покрывшую себя славой со времен Маренго и Аустерлица, велел слугам вооружиться, сказав при этом:

— Я убью первого же англичанина, который переступит этот порог, мы будем защищать себя до конца!..

Офицер вернулся к Хадсону Лоу, доложив о настроении пленника.

Губернатор прибыл собственной персоной, верхом, в сопровождении своего штаба. Приказал вызвать Маршана и Монтолона и заявил им, что любой, кто осмелится сопротивляться властям, будет отправлен в Капскую провинцию.

Те ответили, что, по приказу императора, они никому не позволят проникнуть в дом.

Один из офицеров, выслушав распоряжение губернатора, забарабанил в дверь.

Ему не открыли. Император спокойно встал во главе своих людей с пистолетами под рукой, готовый открыть огонь, если офицер попытается вышибить дверь.

Наполеона охватило знакомое возбуждение, как обычно, перед сражением.

— Пусть только Хадсон появится, — проревел он, — я пущу ему пулю в лоб… Потом пусть меня убивают!.. Я умру как солдат, и это мое самое большое желание!..

Встретив столь решительный отпор узника, Хадсон Лоу в бешенстве взлетел на лошадь, рванул поводья и вернулся в Плантейшн-Хаус как побитая собака.

Эта попытка нарушить уединение узника и глубоко уязвить его оказалась последней.

На защиту императора Наполеона от оскорблений и угроз Хадсона Лоу и Священного союза встала сама Смерть.

Только что начался 1821 год. До Святой Елены докатилось известие, что умерла Элиза, сестра императора. Она была первой, кого он терял из своей семьи.

— Ну вот, — сказал Наполеон, — сестра показала дорогу, нужно следовать за ней!..

И больше не питал никаких иллюзий по поводу своего состояния.

Ему захотелось подышать свежим воздухом и выйти на короткую утреннюю прогулку. Он задохнулся от ветра, едва не потерял сознание и вынужден был вернуться в постель…

Это была его последняя прогулка.

— Я уже не тот гордый Наполеон, — прошептал он с грустной

улыбкой, — которого все столько раз видели на коне. Мои венценосные мучители могут быть спокойны, я скоро перестану донимать их…

Новый врач, доктор Антомарши, старался, как мог. Наполеона терзали частые рвоты. Скоро не осталось ни малейшей надежды спасти великого узника. Тем не менее за его жизнь продолжали бороться. Император вполне отдавал себе отчет о своем состоянии и с поразительным спокойствием излагал Антомарши следующее:

— После моей смерти, дорогой доктор, коль она близка, я хочу, чтобы вскрытие делали вы. Обещайте, что ни один английский врач не прикоснется ко мне!

— Ваше Величество, я сделаю все возможное, чтобы ваше желание было выполнено.

— Ежели вам обязательно потребуется помощник, то пусть это будет один доктор Арно.

Я желаю, чтобы вы поместили мое сердце в спирт, а затем отвезли его герцогине Пармской, моей дорогой Марии-Луизе.

Монтолон, присутствовавший здесь, услышав последнюю волю, передернулся, чего Наполеон, к счастью, не заметил.

— Как странно, — подумал Монтолон, — завещать сердце той, что так долго с презрением попирала его ногами, и какое своеобразное «ex-voto»: сердце великого человека, плавающее в спирту и торжественно доставленное в Парму, чтобы послужить весьма обременительным подарком герцогине Марии-Луизе и, несомненно, мало приятным для ее ночного компаньона генерала Нейперга!

Иллюзиям Наполеона в отношении его жены никогда не суждено было рассеяться.

— Вы скажете моей дорогой Марии-Луизе, — прошептал еще император врачу, — что я нежно любил ее и не переставал любить никогда…

Он прервался и долго с болью смотрел на висевший над кроватью портрет той, что была императрицей.

— Да! Советую вам, доктор, хорошенько исследовать мой желудок, — вновь заговорил Наполеон, — сделать точный и детальный доклад, который вы передадите моему сыну… Следующие один за другим без передышки приступы рвоты заставляют меня думать, что желудок — самый больной мой орган, и я склоняюсь к мысли, что он поражен болезнью, которая свела в могилу моего отца, я говорю о раке желудка…

Доктор Антомарши предостерегающе поднял руку, как бы говоря, что не может поставить какого-либо диагноза.

Наполеон продолжил:

— Когда меня не станет, вы найдете мою мать, мою семью, расскажете им о своих наблюдениях относительно моего состояния, моей болезни, смерти, наконец, среди унылых скал… Вы скажете им, что великий Наполеон испустил дух в самом плачевном положении, лишенный всего и предоставленный самому себе и своей славе!..

— Вы им скажете, — вновь заговорил он после короткого спазма, — что прежде чем это произошло, он завещал всем царствующим домам ужас и унижение своих последних мгновений!..

Император откинулся на постель, изнуренный усилиями, которые ему потребовались, чтобы продиктовать последнюю волю.

В течение двух или трех дней длительной и жестокой агонии Наполеон оставался в сознании.

Он жаловался на резкую, как удары ножа, боль в левой стороне груди. Эта боль заставила его повторить наставления своему врачу.

— Хорошенько запомните, — сказал он, — то, что я поручил вам сделать, когда меня не станет. Проведите тщательное анатомическое исследование моего тела, особенно желудка…

Врачи в Монпелье заявили, что рак желудка как будто наследственный в моем роду. Их доклад находится, думаю, у Луи.

Востребуйте его и сравните с тем, что обнаружите сами… Может быть, мне удастся хотя бы уберечь сына от этой жестокой болезни!..

Воспоминание о сыне вызвало у него нечто вроде стона…

— Вы увидите, доктор, моего сына, — голос его слабел, — укажите ему, что подобает делать… Оградите его от страха, который раздирал меня. Это последняя услуга, которую вы окажете мне.

Вошел камердинер Наполеона и сообщил о появлении кометы.

— Комета! — вскрикнул император, привстав в постели. — Этот знак предвещал смерть Цезарю, а теперь и мне!..

— Не верьте, Ваше Величество, этому предсказанию. Вы увидите Францию, — возразил Маршан, — скорее падающие звезды указывают нам путь.

— Нет, друг мой, — ответил больной, успокоившись. — Быть может, мне и суждено вернуться во Францию и в Париж… мертвым, и лишь на моих похоронах французский народ воздаст мне должное.

Затем оглядел тех, кто его окружал:

— Я скоро умру, друзья мои. Вы вернетесь в Европу. Никогда

не забывайте, что разделили со мной мою ссылку, оставайтесь верными моей памяти, не совершайте ничего, что могло бы повредить… Вполне возможно, что вам не позволят перевезти мое тело в Европу. Похороните его тогда под двумя ивами, растущими у источника, вода которого была так благотворна для меня.

Он составил завещание и дарственные записи, затем, спохватившись как бы не забыть, сказал Монтолону:

— Пишите, я продиктую сообщение о моей смерти английскому губернатору, такое, как мне хочется.

Монтолон, со слезами на глазах, писал:

Господин губернатор!

Я, император Наполеон, скончался после тяжелой и продолжительной болезни.

Имею честь сообщить Вам об этом.

Это было последнее письмо Наполеона. Наступило 4 мая.

Он не хотел, чтобы его слуги, из слабости или будучи запуганными, в официальном заявлении о его кончине подтвердили лишение прав, которым Англия все время хотела его унизить, отказав ему в титуле императора. Он получил его от французского народа и достойно прославил.

В этот день на остров обрушилась страшная буря. Шквалы ветра и ливень сменяли друг друга, казалось, вся природа билась в сильнейшем припадке, как если бы земной катаклизм должен был сопровождать уход Наполеона, затухание вулкана, падение в вечную ночь звезды, так долго сиявшей.

5 мая 1821 года доктор Арно направил Хадсону Лоу записку, в которой говорилось:

«Он умирает. Монтолон просит меня не отходить от его постели. Он желает, чтобы я присутствовал при последнем вздохе».

Слуги Наполеона стояли на коленях около его кровати, простой железной кровати времен Аустерлица.

В пять часов вечера дыхание перешло в хрипение, пересохшие губы смачивали губкой с сахарной водой. Наполеон лежал на спине, правая рука свисала с постели. Вдруг он напрягся, приподнял голову и прошептал несколько бессвязных слов:

«Франция… Армия… Полководец…»

И откинулся на подушки. Солнце опускалось за горизонт, в крепости ухнула пушка. Император Наполеон скончался.

Явились врачи 66-го английского полка и констатировали кончину.

Подчиняясь воле императора, Арно и Антомарши провели

вскрытие.

Было установлено, что смерть наступила не столько по причине рака желудка, как предполагал Наполеон, сколько из-за злокачественной язвы, покрывавшей часть внутренней поверхности желудка и вызвавшей прободение этого органа.

Все завершилось бы, возможно, быстрее, но печень, тоже пораженная и распухшая, предположительно вследствие климата, срослась с клеточной тканью и закрыла на некоторое время отверстие.

Хадсон Лоу был официально предупрежден личным письмом Наполеона, а также запиской врача.

В первый момент губернатор вел себя как сумасшедший. Он прыгал по кабинету, взбирался на кресла, садился, свесив ноги, на балюстраду библиотеки, подбрасывая в воздух шляпу с пером. Затем в полном безумии бросился вон из кабинета, побежал к конюшне, приказал седлать коня и, почти раздетый, но в парадной шляпе, поскакал в только ему известном направлении, крича всем, кто попадался на дороге: «He is dead! He is dead!» (Он мертв! Он мертв!). Губернатор брызгал слюной, бессмысленно улыбался, насвистывал и бешено вращал глазами. Истинный сумасшедший!

Маленькая, но любопытная деталь, причем очень характерная, потому что прекрасно демонстрирует, насколько строгим было заключение Наполеона. Большинство жителей острова, увидев губернатора, выкрикивающего «добрую весть», совершенно не поняли, о чем речь. Кое-кто навел справки и узнал о последовавшей только что смерти французского генерала, проживавшего на верхнем плато острова.

Многие понятия не имели, кем был этот генерал. Обычный заключенный! Более осведомленные рассказывали, что пленник, имени которого никто не знал, был доставлен на остров военным кораблем и перевезен в глубь территории, проведя в местечке лишь один день.

С того времени никто, исключая губернатора, не видел его. Однако пленника охраняло два английских пехотных полка. Заключение таинственного узника стало легендой, некоторые были убеждены, что он умер или давно уехал, кое-кто сравнивал его с Железной Маской, Монмутом и другими легендарными узниками.

Когда узнали, что до погребения тело будет выставлено на всеобщее обозрение и каждый может поглядеть на него, обитатели острова проявили живейшее любопытство.

7 мая все население — мужчины, женщины, дети — потянулось в Лонгвуд.

В течение двух дней там и сям шли разговоры, и стало известно, кем был этот пленный генерал. Громкая слава Наполеона засияла на Святой Елене как солнце, внезапно появившееся над горизонтом. Это было бессмертие, порожденное самой смертью.

Вереницы людей шли в Лонгвуд, в дом усопшего. Здесь на скромной походной кровати с откинутым белым пологом покоилось тело Наполеона. На нем была овеянная легендой форма легкой гвардейской кавалерии. Ноги укрыты голубой накидкой из Маренго. За изголовьем поставили алтарь, где аббат Виньяли читал по покойнику.

Слева от кровати, одетые в траур, стояли члены свиты.

Можно подумать, что смерть окончательно избавила императора от притеснений и травли Хадсона Лоу. Вовсе нет. Губернатор отказал в бальзамировании тела. Воспротивился тому, чтобы сердце узника было извлечено и отправлено Марии-Луизе, как того пожелал усопший. Хотя нужно отдать ему должное: сердце Наполеона — не тот подарок, который уместно преподнести сожительнице Нейперга. Правда, Хадсон Лоу, проигнорировав эту часть последней воли императора, действовал далеко не из деликатности. Им двигало единственное желание — досадить своему узнику, пусть даже тот мертв и лежит в гробу. Единственно, что дозволялось сделать, так это посмертную маску знаменитого усопшего.

Разумеется, действия Хадсона Лоу и его правительства достойны самого сурового упрека, и не только упрека, они вызывают подозрения. Почему губернатор так поспешно похоронил Наполеона и запретил бальзамировать тело? Это наталкивает на мысль, что знаменитый узник умер не своей смертью. Хотя, скорее всего, это не так. Конечно, Хадсон Лоу был способен на многое, однако Наполеона не отравили. Протокол аутопсии гласит: рак желудка, осложненный гипертрофией печени.

Тем не менее верно и то, что Англия в своей ненависти к Великому человеку преследовала его до самого конца.

Наполеона похоронили там, где он пожелал быть погребенным, под ивами, около источника Форбет, из которого он с удовольствием пил воду. Тело положили в тройной гроб — оловянный, свинцовый и красного дерева.

По поводу надписи на надгробном камне между Хадсоном Лоу и Монтолоном разгорелся спор. Губернатор считал, что достаточно указать только имя — «Бонапарт». Монтолон же упорствовал и требовал, чтобы написали: «Наполеон, родился в Аяччо 15 августа 1769 года, умер на Святой Елене 5 мая 1821

года в возрасте 52 лет».

Спор угрожал затянуться. Чтобы прекратить его, надгробие вовсе оставили без надписи.

Моряки военного флота, солдаты 66-го пехотного полка, роты волонтеров с артиллерийскими полками отдали последние почести.

Граф де Монтолон и генерал Бертран несли крышку гроба, далее следовали госпожа Бертран с семьей и, чтобы показать, что Англия не желает оставлять свою жертву даже на краю могилы, между двумя слугами Наполеона, с напускной суровостью и изо всех сил старавшийся скрыть радость, шествовал губернатор — генерал Хадсон Лоу. Последний триумф омерзительного тюремщика.

На этом его служба была закончена. Через некоторое время Лоу вернулся в Европу. Вокруг него сжималось плотное кольцо неприязни. Он был отвергнут и проклят даже своей страной. Негодяй кончил жизнь бесславно, много позднее, в 1840 году. Жалкие попытки оправдать свою деятельность на Святой Елене, опубликовав мемуары, полные ненависти и лжи, обернулись тем, что история воздала ему по справедливости.

«Король умер! Да здравствует король!»

15 августа 1821 года замок Комбо с самого утра выглядел по-праздничному. Помощники садовника обходили аллеи, развешивали на деревьях гирлянды и то там, то тут орнаменты из цветов в виде либо буквы «Н», либо орла, либо знамени, где синие, белые и красные цветы представляли славный символ прошлого, запрещенный ныне.

Крестьяне приносили срубленные ветки, из них наскоро сооружали в центре площади арку, которая вечером будет сверкать разноцветными фонариками. Прибывшие из Мелуна рабочие уже опускали фонарики в чаши с красками, такими же как гирлянды на аллее. Стеклышки должны были засветиться с приходом ночи тремя «опальными» цветами.

Выскоблили и посыпали песком аллеи, на большой лужайке установили две палатки, одна предназначена для народного пиршества, где во главе стола будут маршал Лефевр с супругой, другая — для танцев, намеченных на вечер. Если позволит погода, большая часть лужайки заполнится танцующими и подвыпившими. Были приглашены два оркестра — на эстраде перед палаткой и на краю лужайки.

В самом замке с раннего утра суетились слуги, переставляя мебель, освобождая просторные комнаты. По заведенному вот уже

двадцать лет порядку 15 августа многочисленным посетителям разрешалось разгуливать по всему замку.

Это был единственный праздник, ставший традиционным в замке Комбо, который позволяли себе маршал и его верная подруга, постаревшая, печальная, чье существование еще более омрачал глубокий траур. Потеряв Шарля, она постоянно чувствовала себя одинокой. Супруги, казалось, мечтали о вечном покое.

Только одной мыслью, только надеждой жили они: до того как умереть, вновь увидеть, хоть раз, их дорогого императора, который так жестоко страдает на губительном для него острове.

По вечерам, сидя у камина, вороша воспоминания, маршал Лефевр и его жена переносились на Святую Елену. Как там император? Хорошо ли себя чувствует? Продолжаются ли его мучения, может быть, стало еще хуже?.. От узника не поступало никаких известий.

Супруги вспоминали тех преданных слуг, которые пытались организовать побег императора и неизменно получали от него непреклонный отказ.

Последние возвратившиеся со Святой Елены, Элфинстоун и Ла Виолет, подтвердили, что Наполеон никогда не согласится бежать. Он хотел, чтобы Франция сама захотела его освобождения. Только призванный своими подданными император возвратится во Францию.

— Ты знаешь, — обратился Лефевр к жене, — что рассказал старина Ла Виолет? Император больше не желает слышать об авантюрах. Ла Виолету даже не удалось поговорить с ним о наших планах. Он отказывается от любого смелого предприятия, как будто забыл, что мы совершали в Египте, да и не только там, под его руководством. Неужели его сломило бегство из России с одним Коленкуром, на скверных санях, когда он узнал о заговоре генерала Мале?.. Хотя нет, скорее всего, император оставил амбиции, понимая, что для него все кончено, и если он думает о своем сыне…

— Ради сына, — возразила жена, — он должен постараться выбраться с этого жуткого острова и уехать либо во Францию, где его свобода и жизнь, конечно, оказались бы под угрозой, либо в какую-нибудь спокойную и безопасную страну.

— Нет, дорогая! Наш император прав! Он считает, что лучше и вернее завещать трон сыну, дав понять, что сам он ни на что не претендует и согласен умереть на острове. Как только его не станет, ненависть утихнет, исчезнут страхи и недовольство, которые он посеял. Забудутся его ошибки, амбиции, даже преступления, на его совести есть несколько, и останутся только

гений и слава. Из его могилы вырвется луч, который осветит чело юного короля Рима, и этому лучу, моя хорошая, мы будем обязаны царствованием, быть может, Наполеона II.

— Ты говоришь так, будто императору осталось недолго! — воскликнула жена. — Надеюсь, ты не получил дурного известия?

— Нет, но у меня такое предчувствие… Мне кажется, что нашему празднику, 15 августа, наступает конец… А потому я хочу, чтобы на этот раз он прошел куда пышнее и веселее, чем прежде.

— И все же… Нет уже былой радости, с тех пор как мы потеряли нашего бедного Шарля, — тихо возразила жена, — тяжко смотреть, как танцует вся эта молодежь, и думать, почему нет среди них самого лучшего, самого душевного, самого веселого, самого живого из всех… Сердце мое сжимается от боли, ведь 15 августа он всегда так радовался, наш мальчик! Мог и с крестьянами выпить, и со стариками поговорить, и девушек подзадорить!.. Он всегда был душой этого праздника. Нет, никто и никогда не заменит его, никогда не заменит… Все же постараемся отметить, как подобает, этот день императора!..

Все было организовано с размахом, маршал не пренебрег ни единой мелочью, чтобы развеселить своих гостей и доставить им удовольствие. Когда, наконец, 15 августа наступило, он первым оказался на ногах, как в юности, будил и распекал свою челядь, желая сам объявить о начале праздника залпами из небольших медных пушек, расположенных по обеим сторонам крыльца, оснащенных снарядами. За пушки отвечал Ла Виолет, назначенный главным пиротехником.

Звонили церковные колокола, и все бедняки округи бежали к воротам замка, где им раздавали монеты.

В девять часов маршал с женой отправились в церковь, сопровождаемые челядью. Служили обычную мессу, но в определенный момент по знаку кюре вступал орган и присутствующие, не раскрывая рта, про себя, пели Te Deum в честь императора Наполеона…

После мессы всех ожидало угощение в замке, затем игры молодежи и традиционное посещение апартаментов.

Маршал с супругой встречали гостей в центральном салоне добрыми словами. Напротив двери поставили в позолоченной раме портрет императора, облаченного в горностаевую мантию, с лавровым венком на голове и скипетром в руке. Гости почтительно застывали при входе.

В другом конце зала находился еще один портрет: Наполеон, в шляпе, рединготе и сапогах, смотрит в подзорную трубу на поле боя. Этот портрет представлял истинно народного героя, так что

после величественного изображения увенчанного лаврами монарха людям открывалась другая сторона императора, более близкая им.

День прошел спокойно. К четырем часам накрыли праздничный стол. Обед продолжался долго. Когда он закончился, маршал, подав руку своей жене, прошел к центру стола, взял бокал, наполненный вином, и, подняв его, громко провозгласил:

— За Францию, друзья! За все наши победы, и особенно за ту, которую мы не забудем никогда!

Громогласное «Да здравствует император!» рвануло со всех сторон. Рекой лилось вино, старая гвардия распевала солдатские песни.

Вспыхнула иллюминация. Высветились в лучах света яркие, красивые, разноцветные стеклышки и цветы, составленные в виде запрещенного знамени.

В разгар праздника Ла Виолет, явно чем-то рас строенный, подошел к маршалу и шепнул:

— Один человек хочет поговорить с вами. Си го ворит, что у него плохие вести. Боюсь предположить, маршал…

— Что это может быть?.. Откуда он?

— Мне кажется, я узнал вашего бывшего слугу, которого вы устроили в Париже в префектуру полиции. Он что-то вроде привратника, может, охранник, точно не знаю. Мне ничего говорить не стал, хотя явно узнал. Велел передать, что весть очень плохая и выложит ее только маршалу.

— Ладно, иду, — сказал Лефевр.

Обуреваемый мрачными предчувствиями, он направился в вестибюль замка, где на самом деле ждал один из его бывших слуг, старый солдат, которого маршал устроил в префектуру полиции, чтобы тот выполнял функции секретаря при кабинете префекта.

— О, господин маршал, — бросился к нему пришедший. — Я не забыл, чем обязан вам, и подумал, что вам первым хотелось бы узнать дурную новость, которую только что доставили в префектуру полиции. О ней никто еще не знает, только двое или трое служащих… Сегодня у меня выходной… Так я поспешил сюда…

— Говори же, — потребовал маршал, — что-то очень плохое?

— Да, господин маршал. Император Наполеон скончался на Святой Елене 5 мая 1821 года, в пять часов вечера…

У Лефевра что-то сильно стукнуло в груди, и он поднес к ней руку, боясь, как бы не выскочило сердце.

— О, мой бедный император! — собравшись с силами,

произнес он… Затем добавил, помедлив: — А что же раньше не сообщили?

— Англия, — последовал ответ, — на месяц задержала корабли, чтобы тайно принять меры, показавшиеся необходимыми английскому правительству при этих обстоятельствах.

— Узнаю, — проговорил маршал, — да, узнаю повадки тюремщиков! Слава Богу, наш император ускользнул от них и, возможно, наслаждается отдыхом, которого у него так давно не было.

Спасибо, друг мой! Пойдите, вас покормят и напоят, а затем отведут отдохнуть, так как вы, наверное, очень измотаны долгой дорогой, и все для того, чтобы принести мне это горестное известие. И речи быть не может в такой поздний час возвращаться в Париж… Однако есть долг, который я должен исполнить. Увидите, как мы почтим память нашего императора.

Что ж, оденем в траур конец сего радостного дня. Прощайте, друг мой, и еще раз спасибо!..

Лефевр вышел на крыльцо и зычным голосом, каким отдавал команды гренадерам, крикнул:

— Тихо! Слушайте все! Слушайте!..

От столов донесся шум. Наиболее выпившие ничего не понимали. Они-то и шумели. Поднимались, спрашивали друг друга. Другие, потрезвее, заметив маршала, поняли, что случилось нечто очень важное. Они смешались с толпой, выкрикивая:

— Тихо! Тихо! Маршал будет говорить!

Все потянулись к крыльцу. Лефевр, поднеся руку ко лбу, как бы пытаясь справиться с мыслями, оставался некоторое время недвижим, затем, собрав всю силу в кулак, обратился к присутствующим:

— Друзья, оставьте ваши игры, прервите песни. Огромное несчастье обрушилось на нашу страну. Нет больше императора Наполеона! Он скончался на Святой Елене, пав жертвой англичан!..

По толпе прокатился глухой ропот. Лица выражали растерянность и потрясение. Обменивались короткими восклицаниями. Спрашивали себя, как мог Наполеон умереть. Все время эти отважные люди мечтали о том, что он вдруг появится, верили, что император просто обязан вернуться со Святой Елены, как это уже было с ним, памятуя Эльбу. Известие о его смерти казалось невероятным.

Лефевр заговорил вновь:

— Наполеон умер! Мы всегда будем помнить его. Пусть

память о нем, его слава и величие навсегда останутся с нами. Вы, солдаты, участники его героических дел, вы, крестьяне, знавшие его гений, вы передадите память о нем вашим детям и через поколения. Франция научится славить не только Наполеона, но и тех, кто был его солдатами, его подданными и друзьями!

Он остановился и, как бы заключая свою горестную торжественную речь, вскричал:

— Наполеон умер!.. Да здравствует Франция!

Вдруг из толпы раздался голос, вторивший этому призыву:

— Наполеон умер!. Да здравствует Наполеон!

И после короткой тишины тот же голос зазвучал как фанфары надежды:

— Французы, крикнем все: «Да здравствует Наполеон II! Король умер! Да здравствует король!»

Лефевр с женой вернулись в свои апартаменты, оставив расходящуюся толпу и потухающую иллюминацию.

— Вот и наступил, — сказал маршал своей жене, поднеся руку к глазам, — этот страшный день, предчувствие не обмануло!

— Да! — прошептала она. — Нет больше императора! Как нам теперь жить?! Да, мой бедный друг! Кончилась наша роль на земле. Мы оба тоже должны уйти. Что за необходимость влачить последние дни в тоске без надежды и утешения?

— Не говорите так, мадам, — грубый голос раздался у них за спиной.

Лефевр и жена обернулись и увидели Ла Виолета.

— Это ты, — промолвил маршал. — Что это значит, милейший?

— А то, что вы не должны так унывать… Да, император умер, но имя его живет. Вы забыли о его сыне? Это я только что кричал: «Да здравствует Наполеон II!»

Они с грустью посмотрели друг на друга.

— Ты прав, Ла Виолет, в стремлении сохранить надежду и, определенно, ближе, чем мы, к возрождению Наполеона. Однако не забывай, твои желания и надежды столкнутся однажды с обескураживающей реальностью… Да, ты был прав, когда кричал: «Да здравствует Наполеон II!» Но если вдруг Наполеону II царствовать не написано на роду? Сможет ли тогда он стать императором?

По-дружески распрощавшись со старым солдатом, маршал и его жена отправились отдыхать, вконец раздавленные грузом воспоминаний и горькими думами о том, что никогда, никогда больше они не увидят великого императора, ярчайшую звезду Франции.

Смерть Шарля стала для Люси страшным потрясением, она впала в меланхолию на грани с безумием.

Долгие часы в одиночестве и темноте, лишь бессвязные слова или повторяющиеся имена — Шарль и Андре — вырывались из ее уст.

По завещанию Шарля Лефевра, ей была положена рента, вполне достаточная, чтобы поддерживать существование. Приписка к завещанию добавляла распоряжение в пользу ее сына Андре, если он окажется жив.

Лефевр с женой поначалу считали Люси в некотором отношении виновной в трагической смерти своего сына, однако потом смягчились. Они неукоснительно выполнили последнюю волю Шарля. Оговоренная в пользу Люси рента была обеспечена, у нотариуса отложена достаточная сумма в пользу молодого Андре.

Люси отправилась в монастырь — она была ирландской католичкой, — где ее окружили вниманием и заботой.

Госпожа Лефевр время от времени посылала к ней верного Ла Виолета.

Энни уже вышла из пансиона сестер Куро, и ее воспитание делало честь достойным ученицам мадам Кампан.

Она превратилась в очаровательную девушку, прекрасно говорящую и пишущую по-французски и по-английски, грациозную и с хорошими манерами.

Индюк и Вонючка с трудом узнали бы в пансионерке с аристократическими чертами их бывшую прислугу, продававшую цветы в Сити, которая плясала на радость матросам и пьяницам в кабаках Уайтчепела.

Да что говорить, изменения, происшедшие с маленькой английской цветочницей, сбили бы с толку даже Андре, окажись он перед ней.

Вспоминает ли еще он о ней в своих странствиях и сменах широт?

Энни не забыла товарища по несчастью, мальчика, встреченного на лондонских улицах, которого судьба на короткое время свела с ней в нищенской жизни. Она вспоминала не без горечи, но и не без удовольствия, стыд и страдания прошлого своего существования у мерзкой Вонючки и ее сожителя мошенника Индюка. В памяти всплывали нежное и задумчивое лицо Андре, детская клятва любить друг друга и когда-нибудь встретиться.

Душа очень часто хранит воспоминание о первых

привязанностях. Впечатление от детской влюбленности бывает настолько сильным, что сопровождает человека всю жизнь. С годами картина меняется, возникают другие желания, другие привязанности, они как появляются, так и исчезают, точно в калейдоскопе, но образ первой любви остается навсегда, чистый и прекрасный.

Настоящая любовь дается только один раз, наверное, поэтому она всегда напоминает о себе, очаровывая и терзая.

Так Эгли любила Андре, мальчишку, вдали от нее ставшего мужчиной. Он превратился в нечто ирреальное, призрачное, из мира грез и мечтаний. Однако проходили годы, образ Андре вопреки всему не хотел исчезать, как раз наоборот, обретал более четкие формы. И тогда в сильном волнении она шептала клятву, вырвавшуюся из ее сердца в вонючкином чулане: не любить никого, кроме Андре, принадлежать только ему. Девушка сознавала полную безнадежность своего обязательства, постаралась даже убедить себя в том, что Андре никогда не узнает об этой верной любви, поскольку они более не встретятся.

Энни замкнулась в безнадежном чувстве, которое присуще лишь влюбленным, хранящим верность своим избранникам, даже если их разлучила смерть. Покинув пансион сестер Куро, она вернулась к Люси.

Обе почти не разговаривали друг с другом. Люси, отрешенная, ушедшая в себя, безмерно страдала. Энни, как ни старалась, не могла отыскать на ее лице ни проблеска радости, ни лучика надежды.

Проходили месяц за месяцем. Состояние Люси не менялось. Однако забота и внимание Энни не прошли даром. Понемногу Люси возвращалась к жизни, стала делать кое-что по хозяйству, расспрашивала Энни о пансионе сестер Куро. В разговоре никогда не касалась Андре и Шарля, но поинтересовалась госпожой Лефевр. Память медленно возвращалась к ней. Что-то она помнила, что-то нет. Люси героически боролась с провалами — услышав какое-либо знакомое слово, она вытягивала из памяти все, что было с ним связано.

Энни поведала ей, что Ла Виолет постоянно расспрашивает о малейших изменениях в ее состоянии и совершенно уверен, что дело пойдет на лад. Люси пожелала увидеть его, как только он придет в следующий раз.

Ла Виолет, конечно же, пришел и был представлен больной.

Поговорили сначала о здоровье Люси, о том, какая заботливая у нее Энни, и тут Ла Виолет рискнул потревожить больную и спросил, нет ли у Люси вестей о ее брате, капитане Эдварде Элфинстоуне, если она помнит, что у нее есть брат.

Люси вздрогнула, напряглась, и вдруг с ней произошла перемена, глаза ожили, как будто ее вырвали из объятий Морфея.

— Брат?.. Да, конечно! Как же я хочу увидеть его, — воскликнула она. — Там, в Англии, мы расстались… быть может, ему известно, где мой ребенок… Мой сын Андре… его украли у меня…

Ла Виолет с грустью покачал головой:

— О мадам, капитан и я… что мы только ни делали, как ни искали по всей Англии вашего ребенка… К несчастью, нас постигла неудача… а затем, вспомните, мадам, мы потеряли вас…

— Да, да, я помню… ночлежка… врач… и мой сын, мой сын, я видела его там, возле себя, у меня не было сил догнать, забрать, увести… О! Если бы у меня были силы, когда я вырвалась из этой больницы, никто, мсье, никто не смог бы вырвать его из моих рук!..

Ла Виолет понимающе закивал головой.

Энни за креслом Люси предостерегающе подняла палец, что означало: «Внимание, к ней возвращается память!»

Люси продолжала, речь становилась все быстрее:

— Что же произошло?.. У меня какой-то провал в памяти, нет, не помню… Но брат, он должен знать… Он, что, с тех пор ничего не знает ни обо мне, ни о моем ребенке?

— Увы, мадам… как я вам уже говорил, после напрасных поисков вас и ребенка мы побывали в больнице. А потом вынуждены были прекратить поиски. Нас призывал долг перед императором… капитан и я… мы отплыли…

— О! Мой сын тоже… вы знаете об этом?

— Нет, мадам…

— И я должна была отправиться на корабль, позже, с…

Люси умолкла. Шарль… Она провела рукой по лбу, как бы стирая горькое воспоминание, впрочем, туманное и неопределенное:

— Я должна была догнать его на острове Святой Елены…

Ла Виолет подскочил как ужаленный:

— Что?.. Что? — воскликнул он, обращаясь к Энни, торопясь получить членораздельное разъяснение только что услышанного.

— Андре отправился на Святую Елену на корабле «Воробей», — пояснила девушка.

— Капитан Батлер, — добавила Люси, показав этим, что внимательно следит за разговором.

Ла Виолет вскочил со стула. Машинально поискал свою трость, которая требовалась ему в критические моменты. Однако вспомнил, что оставил ее в прихожей. Тогда он схватил стул, на

котором только что сидел, и стал вращать его над головой, будто это был не стул, а праща. Женщины следили за ним в полном недоумении.

Проявив таким образом свое волнение, он поставил стул на место:

— Черт побери! Вы говорите о «Воробье», ну конечно же, «Sparrow» — «Воробей» по-английски. Бриг капитана Батлера, ох и добрый малый!., шел на Святую Елену, а на борту с нами был и ваш брат!..

Да, мы шли на Святую Елену, это чертово логово, — сплошные скалы, солнце, туман и ни единой капли воды… У нас там были всякие торговые дела и… надо было навестить нашего друга… он тяжело болел… его больше нет… (Ла Виолет умолк и втянул в себя воздух, сдерживая слезы). Да, так вот, мы находились более пятнадцати месяцев на борту «Воробья», шли от Святой Елены до Пернамбуку… жара, впору печь страусиные яйца… от Пернамбуку до Святой Елены и, наконец, назад, в Лондон… И вы утверждаете, что на борту, на нашем бриге, на этом чертовом «Воробье», был ваш мальчонка, которого мы так искали?!. Он был там, у нас под носом… и мы не узнали его!.. Ну что за дураки! Правда, мы никогда его не видели., это как-то извиняет, во ка кие же мы болваны!

Ла Виолет бил себя кулаком в грудь — надо же было допустить такое! — потом простонал:

— Но, дорогая, скажите, как же попал на борт ваш постреленок?.. Тысяча чертей! Да я, наверно, и разговаривал с ним…

— Его выручил капитан Батлер, забрал из полицейского трибунала, куда он попал как бродяга, мой бедный малыш, и взял на корабль юнгой…

— Так это был юнга?!. Миллион чертей! Белокурый мальчуган с голубыми глазами, очень славный… Ну да, спорю на что хотите, это был тот самый юнга, это был Нэд…

— Нэд? — переспросила Люси и покачала головой: — Его звали не Нэд, а Андре…

— Андре… Нэд… да это одно и то же. Нэд — это ваш ребенок, который был у нас под рукой… и мы упустили его!.. Дьявольщина!

Ла Виолет снова безуспешно поискал свою трость и, как в первый раз, схватил стоящий перед ним стул и крутанул его в воздухе, найдя выход гневу к самому себе.

— Поскольку вы уверены, что Андре и Нэд одно и то же лицо, — голос Энни зазвенел, — думаю, будет легко отыскать его… Достаточно навести в Лондоне справки о бриге «Воробей»

либо о капитане Батлере.

— Вряд ли капитан еще в Лондоне, — засомневался Ла Виолет. — Вряд ли. Прошло столько лет. Скорее всего, Нэд, или Андре, больше не юнга и ушел с судна. А где искать Батлера? Может, он где-нибудь возле Новых Гибрид! А может, отдыхает с камнем на шее на дне Атлантики, великого кладбища моряков. Почему бы его «Воробью» не получить пробоину, не затонуть или, еще проще, со сбитыми мачтами не послужить паромом или понтоном… На море и с моряками возможно все.

Грустные лица женщин, с содроганием выслушавших перечень морских сюрпризов, подтолкнули Ла Вио порадовать несчастных.

— Ну ничего. — сказал он нарочито бодро, — мы найдем мальчишку даже раньше, чем вы думаете. И он не проскользнет у меня во второй раз сквозь пальцы, как морская свинья… Нет! Теперь я узнаю его из десяти тысяч, черт побери!.. Видите, дорогие дамы, нет нужды так горевать… мы его найдем, это говорю вам я!.. Такое ощущение, что я уже держу его… за ушко.

— Нужно ехать в Лондон и навести справки о капитане Батлере, — предложила Люси.

— Того же мнения, — подал голос Ла Виолет.

— Вы едете с нами? — уточнила Люси.

— Достаточно ли вы здоровы для путешествия? — спросила Энни. — Если хотите, в Лондон с мсье поеду я.

— Я еду! — твердо сказала Люси. — Не беспокойтесь, я окрепну и больше не буду болеть… Силы и разум не оставят меня, — добавила она, удовлетворенно кивнув. — Надежда найти сына вернула меня к жизни. Я сильная, я в полном рассудке, я здорова!..

Они еще некоторое время спорили, не лучше ли оставить Люси в Париже, пока Энни и Ла Виолет чего-нибудь не разузнают в Лондоне, но в конце концов доводы матери одержали победу.

Несколько дней спустя Люси, Энни и Ла Виолет уже были на пути в Англию. Сойдя на берег, они первым делом навели справки о «Воробье» и капитане Батлере.

В управлении навигации им ответили, что капитан Батлер не числится более в списках порта. Он отправился к своей семье в Северное графство. Что касается брига, он был продан для ловли трески и находился где-то у берегов Исландии. Экипаж, естественно, сменился, и, скорее всего, Нэд тоже оставил судно, тем более что в его услугах не нуждались, принимая во внимание возраст.

Потрясенные услышанным, Ла Виолет и его спутницы вернулись в гостиницу, ломая голову, в какой уголок Англии,

если не мира, отправиться для дальнейших поисков.

В ожидании обеда они присели в вестибюле гостиницы. Рядом на столике были разложены газеты и журналы.

Энни равнодушно листала иллюстрированный журнал. Вдруг она вскрикнула:

— Матушка, — она давно уже так называла Люси, хотя обе легко могли бы сойти за сестер, — взгляните сюда… Ну просто вылитая вы…

Заинтересовавшийся Ла Виолет наклонился над журналом и тоже воскликнул:

— Ну да, верно! Истинно ваш портрет, то же лицо…

Люси ничего не оставалось, как взглянуть, сделала она это, впрочем, неохотно.

В самом деле — ее портрет. Композиция называлась «Сельские забавы», а белокурая пастушка — точная копия Люси. Это была репродукция картины, имевшей огромный успех в Лондоне и принадлежавшей кисти знаменитого художника сэра Филиппа Трелони.

На картине был изображен прелестный уголок сада с густыми деревьями, нежно-зеленой лужайкой и ручьем, образующим водопад. Веселая стайка юношей и девушек собирает цветы, резвится под насмешливым взглядом мраморного фавна, почти скрытого листвой.

Возле ручья Люси протягивает не лишенному изящества пастуху корзину роз.

Да, она вспомнила теперь о встрече на лугу с художником, когда мыла голову в ручье.

Пришлось рассказать Энни и Ла Виолету, как она была смущена внезапным появлением незнакомца, чья коляска остановилась на обочине дороги. Он попросил разрешения нарисовать ее, так понравилась ему деревенская красавица. Гинея, которую художник заплатил, окончив работу, пришлась как нельзя кстати, ведь ей необходимо было попасть в Лондон.

Энни и Ла Виолет решили, что с утра, сразу же после завтрака, прежде чем приступить к поискам членов экипажа «Воробья», зайдут в Национальную галерею, где, если верить журналу, выставлено полотно сэра Филиппа Трелони.

Люси, озабоченная поисками, не горела особым желанием созерцать свое изображение, тем не менее Энни и Ла Виолет убедили ее пойти с ними, заверив, что им доставило бы великое удовольствие поглядеть на подлинник.

Итак, все вместе они отправились туда, где картина сэра Филиппа Трелони, помещенная в центре, прекрасно освещенная и в великолепной раме, привлекала внимание посетителей. А

поскольку наши герои буквально застыли на месте, восхищенные не только совершенной композицией полотна «Сельские забавы», пейзажем, грациозными позами персонажей, но особенно поразительным мастерством, с каким художник передал нежную и меланхоличную обворожительность Люси, один из смотрителей Национальной галереи подошел к ним и начал рассказывать о картине.

Энни и Люси явно не испытывали восторга. Болтовня смотрителя только мешала, хотя, конечно, он зарабатывал таким образом свой шиллинг.

Ла Виолет уже приготовился рявкнуть на незваного гида, или, как их называют итальянцы, чичероне. Однако, предупреждая извержение вулкана, тот рассыпался в извинениях:

— Эта картина очень привлекает иностранцев… Вот почему я позволил себе обратить ваше внимание на нее… тем более после случая с моряком… Об этом писали в газетах!..

— С моряком? — переспросила Люси, чуть не вцепившись в незадачливого чичероне. Она уставилась на него, ощутив легкую дрожь, пробежавшую по всему телу, — …вы говорите, с моряком? Каким моряком?

— Если позволите, — произнес чичероне, чувствуя, что становится объектом внимания, — я расскажу… Вам это обойдется… в один шиллинг.

Он протянул руку в сторону картины и забубнил гнусавым голосом, как это делают, наверное, все чичероне в мире:

— Да будет известно вам, леди и джентльмены, что полотно представляет собой три фута и четыре дюйма в ширину и два фута и шесть дюймов в высоту. Оно написано маслом. Сэр Филипп Трелони является штатным королевским художником, членом Королевской академии, профессором королевской художественной школы. Полотно названо «Сельские забавы». На радующем взор сельском пейзаже, возле ручья, веселятся пастухи и пастушки. В пастухе справа, на втором плане, мы узнаем самого художника. Для девушки, подающей корзину цветов сэру Филиппу Трелони, позировала натурщица.

Тут Люси предусмотрительно отвернулась из опасения быть узнанной, поскольку тогда чичероне не преминет сообщить об этом во всеуслышание.

— А моряк: — спросил Ла Виолет, которого вся эта околохудожественная чепуха мало интересовала. — Вы нам обещали моряка. Так что же с ним?..

— Я дойду до него, — невозмутимо прогнусавил чичероне. — Это как раз связано с пастушкой справа. Приходит тут мичман королевского флота…

Побледнев, Люси старалась не пропустить ни слова.

Чичероне откашлялся, давая понять, что его рассказ достиг кульминации:

— Примерно с неделю назад, утром, этот мичман влетел сюда как умалишенный… В руках у него был журнал с репродукцией «Сельских забав»… Он ринулся к полотну, явно чтобы сравнить. Вел себя он довольно странно, поэтому за ним наблюдали, ибо в музеи часто приходят вандалы и портят картины… Но тут моряк вдруг попытался поцеловать полотно, начал плакать и громко кричать: «Это же моя мать!.. Моя дорогая мамочка Люси!..» Что с вами, леди? Кажется, ей плохо…

Энни успела поддержать Люси, которая еле слышно прошептала:

— Это он!.. Моряк… Андре… сын!

Удивление и возбуждение охватило всех, кто оказался свидетелем этой сцены.

— Ну же, дружище, — умолял Ла Виолет, в то время как Энни повела Люси к банкетке и усадила ее, — не тяните, расскажите нам об этом моряке… Ему показалось, что он узнал свою мать, говорите вы, в этой молодой женщине с корзиной в руке… Леди, пришедшая с нами, поняла из ваших слов, что речь идет о ее сыне, которого давно потеряла, он действительно моряк, и она уже давно разыскивает его… Пастушка, вы, наверное, не заметили этого, точное изображение леди. Это ее встретил художник и нарисовал… А теперь расскажите все, что знаете… Этот моряк…

— Его история наделала шуму. Дошло до сэра Филиппа Трелони. Они встретились. Но сэр Филипп, к несчастью, не многое сумел ему рассказать… Эскиз он набросал случайно, по дороге из Кренкенвиля, он ничего не знал о девушке, ни имени, ни откуда она… Только слухи не прекращались. Об этом писали в газетах… В тех пор люди валом валят посмотреть на картину и послушать, как сын, моряк королевского флота, узнал свою мать в образе пастушки из знаменитого полотна королевского художника сэра Филиппа Трелони…

— Даю больше, — Ла Виолет вложил деньги в руку чичероне. — И скажите еще… Этот моряк ничего больше не говорил? Имени?.. С какого судна?.. Где его найти?..

Чичероне, дважды поблагодарив за щедрую плату, положил деньги в карман и ответил, что у него нет точных сведений об этом моряке, но, может быть, сэр Филипп Трелони, принимавший его у себя в мастерской, знает что-то больше.

И в надежде на доплату чичероне предложил, что если джентльмен еще вернется в Национальную галерею, то он,

чичероне, сможет дать ему необходимые сведения, так как спросит у моряка…

— Вы думаете, что увидите его? — оживился Ла Виолет.

— Ну да, скорее всего, даже обязательно… если только его корабль не вышел в море… Вот уже неделю он приходит сюда каждый день после обеда. Стоит перед картиной подолгу и никогда не уходит, не послав воздушного поцелуя пастушке справа, которую называет своей матерью…

— Значит, он придет и сегодня?..

— Это как раз его время… Он должен уже быть здесь. Погодите, точно, вот он!..

Вошел молодой моряк и под взглядами зевак, следивших за рассказом чичероне и расслышавших обрывки его разговора с Ла Виолетом, направился к картине «Сельские забавы».

В тишине зала раздался крик…

К молодому человеку бросилась Люси и прижала его к своей груди, плача и смеясь одновременно:

— Андре, мальчик мой!.. Наконец-то! Сынок!.. Обними меня, сын мой, мой Андре!..

После первого волнения с последовавшими краткими объяснениями Ла Виолет поторопил мать и сына выйти из Национальной галереи, где любопытных собралась тьма. В гостинице было намного удобнее переживать случившееся.

Они покинули зал, сопровождаемые чичероне, умиленным и уже сочиняющим новую историю, которая должна стать продолжением первой: встреча матери с сыном перед картиной «Сельские забавы»…

А Энни, обрадованная счастьем Люси, похоже, совсем не была уверена в собственном:

— Он и не посмотрел на меня!.. Конечно, не узнал… Для меня-то он всегда Андре. Как был, так и остался. А вот осталась ли я для него?!

Трактир «Роза»

Замок Шенбрунн, резиденция австрийских императоров, расположен в юго-западном предместье Вены. Недалеко от того места, где позже построили вокзал южной дороги, находился постоялый двор. В воскресные дни лета 1830 года там собирались студенты и богатые горожане, мнящие себя благородными. Гремела музыка, устраивались концерты и балы. Крытая деревянная терраса всегда была полна народу, за столами, уставленными кувшинами с пивом, колбасой, ветчиной и маленькими булочками — гордостью венских хлебопеков, —

получали удовольствие и мужчины и женщины.

Трактир «Роза» держал старый солдат, участник итальянской и германской кампаний против французов. Ему помогали жена и дочь. Девушку звали Эльза. Крепко сбитая, жизнерадостная обладательница голубых глаз, с белокурыми косами и налитыми щечками, и впрямь напоминала свежую розочку, о коей сообщала вывеска заведения. Вокруг нее крутилось множество ухажеров, но никто из них не мог похвастать, что соблазнил ее. Считалось, что она выйдет замуж за того, кто добьется особой милости императора Франца-Иосифа и получит место привратника в замке Шенбрунн.

Этим бравый хозяин постоялого двора желал воплотить мечту своей жизни — ему всегда хотелось служить привратником в замке, но годы прокатились так быстро, что в конце концов он и вовсе отказался от надежды облачиться в зеленый расшитый мундир. Как он смотрел из своего трактира на величественного слугу, в обязанности которого входило открывать и закрывать ворота парка! Разве не достоин он треуголки и серебряного шнура?! Как бы бился о его сапог охотничий нож в медных ножнах! Это куда больше подходит старому солдату, нежели шампур и шпиговальный нож, которыми он орудовал на кухне.

Фриц Мюллер жил надеждой, что возложит исполнение своей несбывшейся мечты на сына. Однако фрау Мюллер ограничилась дочерью. Смирившись, он решил, что будущий зять сумеет завоевать расположение суперинтенданта замка и станет привратником.

Соискатели руки Эльзы знали об этом. Чтобы получить дочь, необходимо ублажить отца. Кое-кого это обескураживало, ведь привлекала их всех возможность стать хозяином «Розы» — трактира с многочисленными посетителями, отменной репутацией, — следить за порядком, заглядывать на кухню, заключать сделки на ярмарках, торговаться с земледельцами. Им нравилась эта легкая и приятная жизнь хозяина постоялого двора. Но упрямый Фриц Мюллер не шел ни на какие уступки. У него был свой резон. Служи его зять в замке, он бы продал постоялый двор и приезжал сюда от случая к случаю как добрый обыватель, выкурить трубку, выпить кружечку пива в прохладной тени — и все это с легким сердцем, веселым взглядом и улыбкой на устах, а главное, с радостью от воплощения своей мечты. Он спал и видел привратницкую, на пороге которой его встречает улыбающаяся дочь с белокурым малышом на руках.

Лишь трое юношей согласились на двойную борьбу — за руку Эльзы Мюллер и пост привратника.

Альберт Вейс — сын соседа-столяра и сам большой умелец,

как говорили, мастер на все руки. Он мог изготовить такие шкатулки с секретом, что нипочем не догадаешься, как их открыть.

Фридрих Блюм, второй соискатель, — бледный, худощавый племянник каноника, изучал теологию, однако не питал, казалось, большого стремления принять духовный сан. Он снимал у Мюллера комнату.

Наконец, третий, Карл Линдер — здоровяк, разбитной малый, кузнец, сила которого в прямом смысле позволяла ему надеяться на то, что рано или поздно он сожмет в своих руках и красотку и ключи от ворот замка.

Эльза, с присущим ей кокетством, заигрывала со всеми тремя влюбленными. Она отменяла свидания, отнекивалась, когда ее приглашали потанцевать, и всячески сталкивала Карла с Альбертом и Альберта с Фридрихом, так что молодые люди с переменным успехом то завоевывали, то сдавали позиции.

Пыхтя трубкой, старина Мюллер только покачивал головой:

— Господин суперинтендант обещал мне место. Кому оно достанется? Понятия не имею! Все три парня мне одинаково по душе, однако может ведь случиться так, что тот, кого выберет господин суперинтендант, подходит мне, но не нравится моей дочери. А потому важно, чтобы Эльза не обнадеживала никого попусту и подождала, пока не будет сделано назначение!

И гордый рассуждениями, довольный своей предусмотрительностью, папаша Мюллер счастливо попирал руки, глядя, как дочь дурачит женихов.

Однажды вечером, когда Фриц Мюллер уже распорядился запереть ворота и внести столы со двора, совершенно неожиданно, ввергнув всех в изумление, у ворот остановилась коляска. Роскошно одетая дама, энергичная и, похоже, властная, потребовала обед и комнату.

Хозяин спрятал трубку, низко поклонился и со всей любезностью пригласил ее войти, дабы препроводить наверх, пока накрывают на стол. Когда же Мюллер собрался показать кучеру конюшню, тот коротко сказал:

— Мне незачем оставаться. Прощайте!

Сбитый с толку хозяин спросил себя, что заставило даму, похоже, не из простых, ехать на ночь глядя в столь отдаленное место? Требовалось понаблюдать за путешественницей.

Ни красивые перстни, ни дорогой браслет не смогли усыпить бдительности трактирщика.

— Кому придет в голову ехать в Шенбрунн в такой час? — размышлял он. — Ба! Ни дать ни взять любовное свидание. Стало быть, любовник не замедлит появиться… Потому и коляску

отослала. Хватит и одной кареты, чтобы завтра отвезти их в Вену… Что ж, поторопим жену и дочь! Похоже, у этой дамы характер что надо и терпение ее на исходе…

Сию минуту весь дом был на ногах, служанки хлопали дверьми, тащили вороха простынь из шкафов, извлекали белье из огромных комодов и несли его на вытянутых руках. Внизу, на кухне, Мюллер допекал хлопочущую жену кулинарными советами, от которых бедной женщине становилось явно не по себе.

— Раки! — гремел он. — Перца, побольше перца! Не забудь мускатный орех!..

Затем переключился на служанку, накрывавшую стол.

Когда все было готово, Мюллер, держа колпак в руке, подобострастно приблизился к гостье:

— Госпожа графиня, кушать подано!

Он назвал ее графиней просто так, наудачу, ему казалось, что титул сей совершенно подходил столь величественной даме. По его разумению, она и не могла быть никем иным.

— Так вы знаете меня? — процедила дама, усаживаясь.

— Да, госпожа графиня, — Мюллер чуть не подпрыгнул от радости, однако тут же постарался скрыть, что понятия не имеет о том, кого принимает.

— Меня это удивляет, — незнакомка сменила тон. — Наверное, вы служили в Милане или Неаполе?

— О да, госпожа графиня! Я служил в Италии, — ответил Мюллер, уточнив, — в 6-м стрелковом и 10-м гусарском.

— А, — окончательно смутилась дама, — тогда вы меня узнали.

— Сей же момент, госпожа графиня.

Незнакомка вскочила:

— Умоляю, никому ни слова, и если к вам придут и спросят, не останавливалась ли у вас графиня Наполеон Камерата, вы ничего не знаете. Повторите.

— Я ничего не знаю.

— Так вот, пока я здесь, ни одна душа об этом знать не должна.

— Клянусь, госпожа графиня!

— Полагаюсь на вас. Впрочем, вы будете достойно вознаграждены… Ну а теперь, когда я немного успокоилась, — честно говоря, вы меня обескуражили, — то отдам должное вашему превосходному обеду.

Сейчас же вошла Эльза в сопровождении служанки, державшей в руках поднос.

— Кто это очаровательное дитя? — поинтересовалась

графиня Камерата.

— Моя дочь, Ваша Светлость, Эльза.

— Она прелестна. И когда же замуж?

— Хотелось бы поскорее. Все зависит от суперинтенданта.

— Суперинтенданта?!

— Суперинтенданта замка Шенбрунн. Он обещал устроить моего зятя привратником.

Графиня Камерата прекратила есть. Казалось, ее очень заинтересовали матримониальные мечтания хозяина трактира.

— Ваш зять, — уточнила она, — станет охранять одни из ворот замка?

— Да, госпожа, я на это очень надеюсь.

— Дай Бог, чтобы это случилось поскорее! — сказала графиня.

Не закончив с первым, она пожелала второго блюда.

Мюллер кинулся на кухню поторопить служанку.

Эльза осталась с графиней.

— Так значит, милая, — поинтересовалась графиня Наполеон, — вы собираетесь замуж за привратника в замке Шенбрунн?

— Таково желание моего отца, госпожа.

— И ваше тоже, надеюсь?

— Ну конечно, Ваше Сиятельство, — скромно ответила Эльза.

— Вам нравится в Шенбрунне?

— О госпожа! Я ведь уже привыкла к мысли, что буду жить там. Парк начинается почти у наших дверей, я гуляю там, если есть время. Мне нравится смотреть на деревья, когда закрываю глаза, то представляю себя в привратницкой.

— Вы очень красиво говорите, дитя мое. Конечно же, это настоящее счастье, и, уж поверьте, есть много таких, кто с радостью поменялся бы с вами местами, испытав ненависть окружающих. Но это, увы, невозможно!

Ба! — Перемена настроения графини делала ее похожей на птичку, прыг-скок, с ветки на ветку. — Надо привыкать ко всему, приспосабливаться, учиться жить с этим… Дайте-ка мне, голубушка, чуть-чуть этого прекрасного паштета, пока ваш отец задерживается…

Графиня с аппетитом доедала холодный паштет, когда в проеме двери появился Мюллер. Он торжественно поставил на стол блюдо с огромным фазаном, украшенным прекрасным оперением и свесившим отливающую всеми цветами радуги шею. Графиня засмеялась:

— А я-то было подумала, что обед закончился…

Мюллер, с поклоном, начал разделывать фазана.

Закончив, предложил графине крылышко. Та поинтересовалась:

— Много ли дичи в округе?

— О да, госпожа! В Шенбрунне постоянно охотятся.

— Даже так? А скажите-ка, не бывает ли среди охотников лиц из окружения Его Величества?

— Конечно, госпожа! Во всяком случае один…

— Кто? — оживилась графиня.

— Да эрцгерцог Франц, его еще называют герцогом Рейхнггадтским, сын этого шельмы Наполеона.

Графиня Камерата так и застыла с крылышком в руке, глядя в тарелку. Тысяча вопросов готовы были сорваться с ее уст, но она не посмела о чем-либо спрашивать.

— Так принц здесь? — помолчав, уточнила она. — Раз охотится, следовательно, он в добром здравии. Тем лучше!

И подумала: «Вовремя же я приехала!»

Обед закончился в молчании, однако когда Эльза проводила ее в спальню, графиня обратилась к девушке:

— А можно увидеть эрцгерцога Франца, когда он едет на охоту или возвращается с нее? Я имею в виду, из этого окна?

— Ну конечно же, Ваша Милость, — ответила Эльза. — Мы часто его видим. Он такой красивый молодой человек, эрцгерцог! Удивительно, но он совсем не интересуется женщинами…

Графиня ничего не сказала на это. Она вошла в отведенную ей комнату, заперла дверь. Упав на колени перед кроватью, принялась молиться:

— Господи, ты знаешь, как я люблю герцога Рейхштадтского, ты знаешь, что мне хотелось бы видеть его, наследника великого человека, на самом могущественном троне Европы, которого его лишили. Как хотелось бы мне, чтобы его наследство полностью вернулось к нему. Если Ты, Господи, считаешь меня недостойной его любви, я пожертвую всем, я убью в себе мою любовь к нему, лишь бы, Господи, он был жив! Если ему никогда не суждено будет стать императором, если Ты этого не хочешь, пусть он живет! Сделай так, чтобы у меня получилось расстроить этот страшный заговор, о котором я случайно узнала!

Вдохновенно молясь, влюбленная графиня Камерата еще долго оставалась на коленях. Завтра она должна что-то предпринять, чтобы спасти любимого. Перед небольшим распятием, висевшим над кроватью, она говорила со Всевышним, умоляя Его помочь тому, кто нес на своих беззащитных плечах тяжкое наследие Наполеона.

Секретарь Франц

Отрочество сына Наполеона было суровым и полным труда.

Воспитатели с особым усердием обучали его немецкому языку. Сначала ребенок сопротивлялся. Интуитивное неприятие имело объяснение — ему казалось, что, изучая чужой язык, на котором говорило все его окружение, он отрекался от французского происхождения.

В течение довольно долгого времени он, как мог, избавлялся от уроков немецкого. Тем не менее вынужден был уступить и в итоге стал говорить на этом языке и понимать его так же хорошо, как и родной французский.

Его личность постепенно формировалась. Спокойный, часто уходивший в себя, одновременно сильный и прямодушный, он не терпел лжи. Наставники рассказывали, что его никогда не привлекали сказки или басни. «Это неправда, — говорил он, — что тут хорошего?» Слово «правда» чаще других звучало в его речи.

Он обожал природу и постоянно искал уединения. Чуть выше Шенбрунна юный герцог обнаружил деревенский домик, который называли тирольским шале. Он стал любимым прибежищем юноши. Здесь он читал, размышлял, общался с хозяином дома, сыном камердинера Марии-Луизы, молодым французом Эмилем Гоберо, которого здесь называли Вильгельмом.

Его наставник Колен когда-то посоветовал ему прочитать «Робинзона Крузо», и мальчик представлял тирольское шале необитаемым островом, а себя — знаменитым отшельником. Он научился мастерить различную утварь, будто потерял все и, совсем как потерпевший кораблекрушение, вынужден был из всего извлекать пользу. Начал с шалаша, раздобыл попугая, затем соорудил навес. Все предметы, сделанные детскими руками, составили коллекцию, выставленную в тирольском шале, которое называют с тех пор павильоном герцога Рейхштадтского.

Его учили математике, истории, даже новейших времен, и составлению карт — он добился больших успехов в топографии. По случаю дня рождения деда юный герцог подарил ему карту местности, куда входили Вена, Нейдорф и Гумбольткирхе, изготовленную с большой точностью. Лекции по фортификационному искусству ему читал майор Вейс. Герцог успешно сдал экзамены комиссии под председательством полковника Шлиндера, профессора инженерной академии.

С большим старанием изучал он французскую и зарубежную литературу. Его гувернер Форести отмечал: «Он развивал свою память, уча наизусть фрагменты из „Генриады“, трагедий Корнеля и Расина. Особенно поразил его зрелый гений Корнеля, но, вообще, он был маловосприимчив к красоте поэзии, ценил

только истину (всегда „правда“!) и возвышенные помыслы. Не задумывался над тем, что есть своя прелесть в гармонии выражений и мощь в ритмической форме. Из французских авторов больше всего любил Лабрюйера, с удовольствием перечитывал его „Характеры“, восхищался глубиной наблюдений. Этого требовала природа его ума. Недоверчивый, возможно, из-за своего положения, которое весьма здраво оценивал, он направлял на людей пристальный, испытующий взгляд, умел склонить их к разговору, наблюдать за ними и распознавать».

Таков портрет сына Наполеона, написанный тем, кто знал его лучше всех, изучал, ни на мгновение не теряя из виду, — точное представление о бедном высокородном затворнике.

Его содержали как узника, охраняли от взглядов, весь двор, где его окружали только враги, занимался слежкой.

Вследствие этого юноша замкнулся в себе, глубоко запрятал свои чувства.

Под влиянием среды он стал мрачным и осмотрительным, как настоящий заключенный. Все его поступки были продиктованы осторожностью. Он никому не доверял.

С ним никогда не говорили об отце, и он никогда и никому не открывал своего сердца на эту тему, которая, однако, его увлекала. Франц перерыл все книги, где можно было прочитать о великом солдате. Он прилагал усилия к встрече с теми, кто принимал участие в войнах империи, и с жадностью слушал их рассказы.

Юность тем не менее требует свое, и очень рано он ощутил зов сердца.

У него было множество любовных приключений, на которые надзиратели охотно закрывали глаза.

Если герцог Рейхштадтский содержался в полном неведении относительно могущества своего имени и славы, звезда которой сверкала на Святой Елене, то в развлечениях он пользовался неограниченной свободой, а это что-нибудь да значило в таком удивительном городе как Вена.

Гувернеры, в соответствии с секретными инструкциями канцлера, помогали ему завязывать более или менее близкие отношения с самыми красивыми женщинами столицы. Возможно, они рассчитывали на то, что злоупотребление удовольствиями очень быстро разрушит личность молодого человека. Погубить с помощью сладострастия — один из способов, которым пользуются восточные властелины, чтобы освободиться от неугодного визиря или конкурента в борьбе за трон. Венские дипломаты, казалось, все прошли школу султанов.

Он произвел фурор на своем первом балу, где официально

появился в ранге эрцгерцога, и уже с этим титулом нырнул в интриги, к развязке которых его надзиратели относились равнодушно.

Однако очень скоро юный герцог ощутил усталость и пресыщенность, их бремя давило его. Он готов был волком выть на следующий день после оргий. Воспоминания о них вызывали горечь и отвращение, а ведь раньше Франц стремился в эту клоаку с восторженностью юного. Теперь его потянуло к приключениям, неизведанному, непредсказуемому, чего не встретишь в имперских салонах.

Он вспомнил о таинственных прогулках, соблазнительные картины которых рисовали арабские сказки о калифе Гарун-аль-Рашиде и его визире, гулявших переодетыми по ночным улицам Багдада. Франц представлял, как вместе с Вильгельмом они бродят неузнанными по Вене в поисках… чего? Счастья, быть может? Всего, что влекло за пределы двора — его тюрьмы.

Студент, ничем не отличающийся от своих собратьев и уж никак не похожий на члена императорской семьи, выходил то днем, то ночью, а чаще всего вечером, когда венцы отправлялись на Пратер, бульвар, столь же знаменитый, как и парижский Булонский лес.

Поначалу губернатор отправлял своих агентов следить за ним. Доклады этих шпионов не содержали ничего, вызывающего беспокойство, а потому наблюдение ослабили, молодой человек мог выходить без сопровождения. В силе оставалось только указание Меттерниха о возобновлении наблюдения и даже прекращении выходов, если будет замечено, что юный эрцгерцог посещает тайные сборища студентов или участвует в политических мероприятиях. Ну а если речь идет всего лишь о любовных похождениях, пусть себе развлекается. Полиции приказано было закрыть на все глаза и открывать их только в том случае, когда эрцгерцогу будет грозить реальная опасность для жизни либо он сам скомпрометирует себя как члена императорской семьи.

Однажды юный герцог Рейхштадтский, или попросту Франц, бродил в одиночестве по темным аллеям. Вечер был теплым, и, казалось, вся Вена высыпала на улицы. Время от времени присоединяясь к пившим пиво и кофе с молоком добропорядочным семействам, слушая оркестр, расположившийся под деревьями, он заметил девушку, которую сопровождала пожилая дама. Все в ней — приятное лицо, грация и скромность — произвело на него довольно сильное впечатление.

Франц пристально смотрел на этих двух женщин, определив по их виду и поведению, что принадлежали они к мещанскому

сословию. Он попытался представить их жизнь. Невзрачная одежда, сдержанность в манерах выдавали их явно небогатое существование.

Юный герцог решил проследить за ними, когда они, послушав музыку, отправились домой. Он шел тихо и осторожно, чтобы случайно не привлечь их внимания и не испугать.

Женщины жили в пригороде. Герцог увидел, как они вошли в небольшой домик рядом с Дунайским мостом. Он задержался, осматривая фасад и пытаясь заглянуть в окна, но ничего интересного не обнаружил. С виду дом был приличным.

Франц решил навести кое-какие справки. Рядом он увидел парикмахерскую. Герцог вошел и попросил причесать его. Парикмахеры болтливы в силу профессии и привычки, и Францу не составило труда, пока его причесывали, втирали душистое масло в белокурые длинные волосы, добыть сведения об этих женщинах.

— Вдова старшего офицера живет здесь несколько недель с дочерью, настоящей красавицей… Девушку зовут Лизбет… Они приехали из Праги: мать хлопочет о пенсии, а дочь — скорее всего о месте или какой-либо должности при дворе или в подсобных службах. Отец девушки был, кажется, одно время приставлен к персоне эрцгерцога Фридриха-Карла. Госпожа фон Ландсдорф, мать, — дворянка, у нее даже есть титул, но она его скрывает, так как живет в бедности. Знаете ли, бедность и дворянство плохо уживаются, и женщины правильно делают, что не задирают нос! — сделал заключение словоохотливый парикмахер, снимая салфетку с шеи клиента.

Герцога причесали и рассказали то, что ему было нужно. Он и виду не показал, что заинтересовался болтовней парикмахера, заплатил, сколько требовалось, и вышел. Первым делом следовало увидеть друга.

— Мне известно, кто она, — возбужденно выпалил он с порога. — Знаю, как ее зовут. Тебе, Вильгельм, нужно расстараться и найти способ проникнуть к ней в дом…

Стали обдумывать стратегию. Самым простым способом казался такой: герцог выдает себя за секретаря эрцгерцога Фридриха-Карла. Знакомится с петицией вдовы и прилагает усилия для ее удовлетворения. Составленное по случаю письмо должно было открыть дорогу дерзкому влюбленному.

Вернувшись во дворец, герцог впервые за долгое время почувствовал, что может, оказывается, улыбаться. Жизнь наполняла его. Юноша менялся на глазах.

Он быстро сочинил письмо подходящего содержания. Вильгельм должен был доставить его по назначению и сообщить о

предстоящем визите секретаря, господина Франца.

В эту ночь герцог Рейхштадтский спал плохо. Образ грациозной Лизбет стоял перед глазами и возбуждал его. Он предавался чудесным мечтам и с нетерпением ждал наступления утра, когда Вильгельм отправится на выполнение своей миссии.

Герцог приказал позвать его. Заспанный Вильгельм вошел в комнату. Ему стоило огромного труда заставить герцога понять, что к добропорядочным дамам ранним утром с визитом не ходят. Лучше подождать до обеда.

Франц подчинился его доводам и когда, наконец, пришел час, он подхватил Вильгельма под руку и потащил его к кварталу Асперн. Недалеко от дома, остановился, взволнованный, с бьющимся сердцем, и, в то время как доверенное лицо входило в дом госпожи Ландсдорф, спрашивал себя, как его там примут и какой ответ он принесет.

Примерно через полчаса посланник вернулся и рассказал о встрече.

Вильгельм видел только пожилую даму, которая приняла его с большой любезностью. Она посвятила его в свое плачевное положение и не удивилась по поводу интереса, проявленного к ней секретарем эрцгерцога Карла. Рассыпалась в похвалах своему мужу и долго рассказывала о его службе, пережитой им несправедливости, смерти при трагических обстоятельствах и препятствии, на которое натолкнулось ее прошение в канцелярии.

Главное возражение, выдвинутое на ее просьбу, состояло в том, что полковник Ландсдорф подал в отставку сразу после ссоры с одним из своих командиров, затем вызвал последнего на дуэль. Во время дуэли был ранен, что и послужило причиной смерти. Ситуация необычная: полковник в данном случае сам отказался служить императору. Он жертвовал жизнью в частной ссоре, хотя его жизнь принадлежала родине и императору. Однако госпожа Ландсдорф надеялась, что справедливость будет восстановлена. Ее муж не совершал преступления, ибо генерал обращался с ним плохо, даже грубо. Именно при таких обстоятельствах, как она их изложила, случилась роковая дуэль.

Вильгельм ответил, что секретарь эрцгерцога тщательно изучит дело, но ему, само собой разумеется, нужно побеседовать непосредственно со вдовой. Несчастная женщина заверила, что она с удовольствием примет неожиданного покровителя.

— Ну-с, дверь открыта, Ваша Светлость, — закончил Вильгельм, — вам остается только войти!

Франц не заставил повторять это дважды и сразу же с бьющимся сердцем бросился к лестнице дома, столь сильно его привлекающего.

Госпожа Ландсдорф с радостью приняла того, кто представился ей от имени эрцгерцога. Франц снова услышал рассказ, переданный ему Вильгельмом, однако она добавила, что ее положение усугублялось непрекращающейся враждебностью генерала. Исповедь продолжалась. Дело в том, что когда-то этот генерал, будучи еще в низшем чине, воспылал к ней страстью, которой она не смогла противиться. Тогда родители спешно выдали ее замуж за фон Ландсдорфа, тогда лейтенанта. В дальнейшем генерал захотел возобновить отношения, в чем она с возмущением ему отказала, ибо полюбила своего мужа и не собиралась изменять ему. Генерал перестал владеть собой и заявил, что Лизбет — его дочь, а не полковника, он в этом убежден.

Госпожа Ландсдорф отмела все притязания генерала и умоляла его молчать о любви, которую она испытывала к нему в прошлом. Все напрасно. Генерал не стал более искать обходных путей и с гнусной ухмылкой жестоко оскорбил беднягу полковника, бросив в лицо прошлое жены, до сей поры тому неведомое. Дуэль, таким образом, неизбежно привела к несчастью, правое дело проиграло. Полковник, вынужденный подать в отставку, чтобы иметь право драться на дуэли с офицером выше его по званию, оставил ее с дочерью фактически без средств к существованию.

Одна, без покровителей, несчастная женщина попыталась разжалобить императора или эрцгерцога. Для себя она просила пенсию, на которую имел право ее супруг, а для дочери — какое-никакое место при дворе, обещанное еще при жизни полковника.

Герцог Рейхиггадтский, взволнованный рассказом вдовы, обещал свое покровительство и заверил вдову, что пользуется некоторым расположением эрцгерцога.

Женщина еще раз горячо поблагодарила его, давая понять, что разговор окончен.

Однако Франц все поглядывал в сторону закрытой двери, за которой, как он предполагал, была та, ради кого он решился на этот шаг.

Он набрался смелости и спросил у госпожи Ландсдорф, не будет ли она столь любезна представить свою дочь, ему только хотелось поздороваться с ней. Та долго колебалась, но, наконец, глядя прямо в глаза «секретарю», сказала:

— Вы производите впечатление человека порядочного и честного. Я доверяю вам, Ваше Сиятельство. Мы беззащитны, без покровительства, у нас есть лишь наша репутация, к счастью, до сих пор не запятнанная, и я надеюсь, что, получив разрешение приходить сюда, поскольку будете заниматься нашим делом, вы

своим поведением не заставите нас пожалеть о доверии, которое я оказываю вам сегодня. Вы увидите мою дочь, и она подтвердит то, что я вам сказала, и, быть может, растроганный ее несчастьем, вы употребите больше рвения и самоотверженности в удовлетворении нашей просьбы.

Она позвала Лизбет. Первая встреча молодых людей была сдержанной, холодной, можно сказать, строгой, в присутствии обеспокоенной матери.

Лизбет не составило труда узнать в молодом человеке того, кого приняла за студента, так внимательно смотревшего на нее, когда они слушали музыку.

Девушка покраснела, заговорив с ним, срывающимся голосом поблагодарила за желание заняться ею и матерью. И добавила, улыбаясь, что обе они будут счастливы принимать его.

Франц лихорадочно искал средство более сблизиться с ними и предложил вдруг сопровождать их на прогулке. Они отказались.

— Впрочем, — заметила Лизбет, — если мама захочет, мы пойдем в воскресенье после обеда послушать музыку на Пратер, где вы уже видели нас однажды, и если вам захочется составить компанию, мы сможем вместе погулять по бульвару. Там ведь собирается вся Вена… Быть может, мы встретим кого-нибудь из старых товарищей и друзей полковника фон Ландсдорфа, которые подтвердят все то, что мы вам рассказали, и убедят вас помочь.

Настаивать более не имело смысла, и герцог Рейхштадтский поспешил откланяться.

В следующее воскресенье он явился на свидание минута в минуту, предложил выпить чего-нибудь освежающего за столиком под деревьями. Постепенно между ними установилась некоторая близость.

В течение месяца герцог Рейхштадтский и Лизбет встречались от случая к случаю. В делах, похоже, не намечалось никаких сдвигов, вдова полковника все время возвращалась в разговоре к своей петиции и несправедливости, проявленной к ней. Францу же никак не удавалось объясниться с Лизбет.

Девушка прекрасно понимала состояние молодого человека, такого предупредительного и любезного. Забавно, что она приняла его за студента, тогда как он служил секретарем во дворце.

Франц собирался поторопить события. Он разыскал своего дядю, эрцгерцога Карла, который был очень расположен к нему, и изложил все — о петиции вдовы, о том, что он заинтересован в благоприятном ходе дела. Эрцгерцог приказал принести бумаги, просмотрел их и через несколько дней вызвал племянника:

— Теперь мы можем поговорить. Полковник фон Ландсдорф в самом деле был убит на дуэли при досадных обстоятельствах. Он оскорбил офицера выше его по званию и, чтобы драться на дуэли, должен был подать в отставку. Таким образом он потерял право на расположение императора. Но поскольку ты заинтересован в этой семье, да и все документы подтверждают, что настоящим зачинщиком был генерал, а не полковник, я прикажу канцлеру издать декрет, по которому госпожа фон Ландсдорф будет иметь право на треть пенсии. Полную она получила бы при обычных обстоятельствах. Что касается дочери, то я рекомендовал ее второй чтицей при дворе, в следующем месяце она займет место первой… Беги сообщить добрую весть. Ты доволен своим дядей? Разве не исполняет он все твои желания, несносный мальчишка?! — добродушно рассмеялся эрцгерцог Карл, ведь вместе с императором они по-настоящему любили сына великого человека.

Франц горячо поблагодарил дядю и, счастливый, помчался в квартал Асперн.

Госпожа Ландсдорф сияла от радости, к которой, однако, примешивалась горечь: она должна была расстаться с дочерью.

Лизбет старалась утешить мать, говоря, что императорский дворец не на краю земли, что, имея пенсию, она сможет снять небольшой домик в предместье Асперн и что она, Лизбет, будет навещать ее так часто, как только позволит ей служба.

Признательность — самый верный путь к любви. Лизбет, уже находившаяся под впечатлением от любезности, тонкости и доброты того, кого она принимала за секретаря, начала испытывать все более сильное чувство к нему.

Ее удивляло только одно: с момента вступления в должность она не видела Франца.

Разве у секретаря нет обязанностей во дворце? Или он забыл ее? Должно же быть какое-то объяснение тому, что он не находит способа увидеть ее? Казалось, молодой человек проявлял несколько иные чувства, нежели расположение просто покровителя.

Она подумала, что в первое же свободное от службы воскресенье отправится послушать музыку одна. Может статься, там она встретит его?

Лизбет пришла на бульвар, где столько приятных вечеров провела в обществе Франца.

Однако столик, за которым они обычно сидели, был занят каким-то веселым семейством. Нигде не мелькало приятное, задумчивое лицо того, кто уже оказался на первом месте в ее сердце.

Опечаленная, она вернулась во дворец, заперлась в своей комнате и взяла в руки книгу. Надо отвлечься, не думать о молодом человеке, который всего лишь промелькнул в ее жизни.

Книга оказалась ежегодником двора с портретами, генеалогией, родственными связями, брачными союзами всех лиц, имеющих ранг во дворце или близких к императорской семье.

Она с интересом рассматривала портреты эрцгерцогов, принцев и родственников императора, и вдруг взгляд ее остановился на портрете молодого человека, под которым стояло: эрцгерцог Франц-Иосиф, герцог Рейхштадтский, внук Его Величества Императора.

— Как же он похож на него! — прошептала она. — Те же глаза, рот, черты. Можно сказать, что на портрете — его брат!..

Она смотрела на изображение, не подозревая правды. Просто похож!

— О, надо оставить у себя эту книгу! Буду думать, что это его портрет и он со мной…

Однажды, когда встречи и беседы с молодым секретарем уже казались ей сном, она получила записку от Франца. Он сообщал, что был вынужден по делам службы покинуть Вену, и спрашивал, не хочется ли ей прогуляться по бульвару, тому самому, где они встретились в первый раз.

Счастливая Лизбет прижала руку к сердцу, прошептав:

— Он не забыл меня! А может, он сомневается, что я его люблю…

Молодые люди встретились. На этот раз они были одни и могли говорить открыто о своих впечатлениях, желаниях, мечтах. Расстались довольно поздно. Приближалась ночь. Долгий поцелуй скрепил их союз.

Герцог Рейхштадтский впервые целиком отдался чистому чувству. Он нашел в любви к этой девушке то, что не дано ему было познать в его ранге. Она тоже страстно любила его, полагая, что юноша беден и существует на скромное жалованье чиновника в канцелярии. И это придавало их чувствам особое очарование.

Герцог, рано попав в салоны, испытал горькое разочарование и раздражение, обнаружив, что его успех там есть результат интереса и амбиций большинства женщин, стремившихся познакомиться, увлечь и, возможно, подчинить того, кто был сыном Наполеона. Он усматривал во всех женских взглядах в некотором роде лишь имперские притязания.

Поговаривали, что ему могла быть уготована счастливая судьба. Возможно, однажды к нему вернется французский трон. Возможно, в результате смерти эрцгерцогов, или специального выбора, или чрезвычайного императорского декрета Австрийская

империя перейдет в руки государева внука.

Величие имени, тайна, окружавшая его, славное будущее, которое, казалось, ждало его, — все это давало герцогу явное преимущество в дамском обществе. Он прекрасно понимал, насколько пустой и фальшивой была любовь, которую выказывали ему, насколько расчетливыми были знаки почитания, направленные на него. Обращая мысли к скромной чтице, которая любила его, не зная всего о нем, которая не ждала от него короны в награду за любовь, он говорил себе, что поступил правильно, пустившись в свое время на поиски счастья.

И дал волю мечтам: «Хорошо бы она никогда не узнала, кто я на самом деле, и продолжала любить во мне секретаря Франца».

Часть вторая
Замок Шенбрунн

Кафе «Прогресс»

На одной из мрачных и извилистых парижских улочек, в каменном мешке, чреве старого торгового центра, на углу улицы Мандар, находилось небольшое кафе, завсегдатаями которого были торговцы, мелкие предприниматели и служащие из округи.

Кафе «Прогресс» — именно так называлось заведение, — похоже, сохраняло все традиции прошлого: следы мух на грязных и изодранных обоях, паутина по углам и слои пыли, ставшей вязкой массой от осевшей на нее смеси дыма, пара, пота и дыхания, пропитавших стены зала.

Это было скромное и добропорядочное кафе, очень уютное, где подавали ликеры и пунши, никогда не шумели и вели себя в пределах дозволенного, не торопясь, спокойно просматривали журналы, попивая кофе, играли в карты или стучали костяшками домино.

В этом благодушном и безмятежном мирке с довольно странным названием, которое явно противоречило действительности, безраздельно царило некое существо. Усатое и хвостатое, оно, свернувшись клубком, предавалось спокойному созерцанию всего, что происходило вокруг. Время от времени глаза его начинали мерцать и источать магнетические флюиды. Выказав таким образом отношение к окружающему, существо снова напускало на себя обманчиво безразличный вид.

Обычно оно располагалось неподалеку от стойки, где держали головки сахара и ведерко с черпаками для пунша, лимонада и других напитков. Звали существо Картуш, или, сокращенно, Туш, и было оно домашним ангорским котом.

Люди предельно заблуждаются, если думают, что у всякого кота есть хозяин или хозяйка. Это животное, исключительно независимое, стремится к общению с человеком, или, вернее, желает заполучить человека в свое общество, с весьма корыстной целью, — чтобы развлечься, изучая его и выражая свое мнение о нем снисходительным урчанием, позволить почесать себя, услышать приятные его слуху слова, ну и, разумеется, не остаться голодным. Кот выбирает человека как хорошего, вышколенного слугу, от которого избавляется, как только надобность в том отпадает.

Хозяйка (если можно так сказать!) Туша величественно

восседала среди сахарных голов и многочисленных графинчиков, приводя окружающих в восторг своими пышными формами.

Госпожа Моран овдовела несколько лет назад. Сраженная горем и одиночеством, она хотела было продать кафе, но завсегдатаи, однажды уже осиротевшие, отговорили ее от этого шага, и госпожа Моран продолжала украшать собой велюровую банкетку за стойкой — оплот буржуазии.

Одним из клиентов, особо настаивавшим на этом ее решении, был декоратор Арман Лартиг. Родившийся на юге, но уже давно перебравшийся в Париж, он служил в армии и принимал участие в Испанской кампании. Весельчак, душа общества, мастер на все руки, примкнувший к буржуазии в силу своих отношений с распорядителями, архитекторами, владельцами особняков, Лартиг не был далек и от интересов рабочих, с которыми постоянно имел дело. Он-то и пообещал госпоже Моран обеспечить клиентуру из числа рабочих, занятых на стройке. Всем известно, что прежде чем приняться за работу, недурно прополоскать горло, но только не какой попало дрянью. Торговцы вином могут подсунуть такое, от чего голосовые связи придут в негодность. При чем тут связки? — спросите вы. Очень даже «при том», ведь всякий знает, что для работающего на стройке голос так же важен, как и для певца. А потому, если госпожа Моран станет брать с них чуть меньше, то по утрам, прежде чем карабкаться на леса, все они засвидетельствуют ей свое почтение.

Та, конечно же, с радостью согласилась, и ее заведение, до сих пор привыкшее к обществу чистеньких и немногословных соседей, теперь наполнялось по утрам небрежно одетой, шумной и веселой публикой.

— У меня теперь настоящий салон! — с гордостью говорила госпожа Моран.

Ее прежние клиенты, приходившие сразу после завтрака выпить чашечку кофе, поиграть в домино или бильярд, насладиться пивом с пышками, не заставали уже строителей, однако получали возможность общаться с представителями буржуазии, направленными сюда также с легкой руки Лартига.

Среди новых посетителей были врачи, учителя, бывшие военные, журналисты, два или три адвоката и другие люди неопределенных профессий.

— Каждый из них приведет своих друзей, госпожа Моран, — объяснял ей художник. — Все мы связаны друг с другом. Если нам понравится, то у вас от клиентов отбоя не будет…

Госпожа Моран, чья выручка ощутимо увеличивалась, полностью доверилась Лартигу. Последний начал с того, что предложил сменить название. Тогда оно называлось просто

«Заведение Морана». Лартиг пояснил, что поскольку Моран скончался, то кафе содержать не может, тогда все это выглядит по меньшей мере кощунственно. «Вдова Моран» тоже не подходит, в общем, требуется другое название. Госпожа Моран предложила: «Кафе молодежи».

— Неплохо, — оценил Лартиг, — но молодость проходит, а мы отпугнем пожилых и здравомыслящих клиентов, а они самые лучшие.

Мы уважаем молодежь, госпожа Моран, но не ей править бал в вашем заведении!..

И тут он предложил назвать кафе «Прогресс», пояснив, что слово это понятно всем и каждому в наше время, когда столкнулись между собой поборники старого режима, выбравшиеся из своих могил еще более озлобленными, чем когда-либо, и те, кто смотрит вперед, пионеры завтрашнего дня, жаждущие под грохот обломков прошлого выйти на дорогу светлого будущего.

Таким вот революционным пафосом Лартиг убедил госпожу Моран в злободневности предложенного им названия. Хозяйке ничего не оставалось, как воскликнуть:

— Так вы занимаетесь политикой, господин Арман? Вот никогда бы не подумала! А знаете, это вам подходит!..

Лартиг рассмеялся в ответ:

— Моя дорогая мамаша Моран, давайте условимся, что если я скажу: «Очко в вашу пользу, госпожа Моран!», значит вам не стоит слушать наши разговоры. Лучше подождать на кухне или еще где, пока кто-нибудь из нас не захочет пропустить стаканчик…

Так нужно будет… иногда. Не надо волноваться, для вас тут нет ничего предосудительного. Мы все знаем друг друга, и когда нам надо будет перекинуться словечком по какому-нибудь поводу, будьте уверены, что комар носа не подточит и муха не пролетит… Короче, имеющий уши да не услышит.

— Господи! Тайное общество!

— Угу! И не где-нибудь, а под крышей почтенного Морана! Он, верно, был ретроградом, ваш Моран? В тихом омуте, как известно, черти водятся, так, может, и он… того?..

— Что вы, господин Арман, Моран думал, как подобает… Он поддерживал правительство.

— И мы за правительство… только завтрашнее! Ну, мамаша Моран, до скорого! Главное, относитесь к нам как к добрым малым, какими мы и является.

Что ж тут такого — в картишки перекинуться и поболтать обо всем понемногу, не торопясь, после трудового дня.

И Лартиг отправился в свою мастерскую надзирать за подмастерьями, которые, оставшись без присмотра, не сильно утруждали себя работой.

Кафе «Прогресс» вскоре стало одним из тех тайных мест, где подготавливалась, бродила и ждала своего часа грозная революция 1830 года.

Те, кто раньше принадлежал к масонским ложам, вентам или карбонариям, образовали общество, названное «Помоги сам себе, а небо поможет тебе». Здесь рождались самые передовые идеи, направленные на то, чтобы покончить с Бурбонами. Этому обществу принадлежали сотни разбросанных по Парижу центров, которые только ожидали часа, чтобы поднять восстание одновременно во всех кварталах. Кафе «Прогресс» являлось одним из них. Стоило Карлу X, скрытному, ограниченному и обозленному, которому даже в голову не приходило, что он рискует троном, а быть может, и жизнью, в противовес Ассамблее представителей нации не придать значения обращению, подписанному 221 депутатом, — и разразилась настоящая война между Дворцом и Городом.

Таким образом, революция 1830 года, совершившаяся, по утверждению историков, в три дня, началась, однако, еще 18 марта, когда король ответил на переданное ему обращение: «Мы изложили нашу королевскую волю в речи на открытии сессии. Принятое нами решение не подлежит каким-либо изменениям, поскольку отражает интересы народа».

С марта по июль народ, чьи «интересы» так хорошо были известны королю, готовился к сражению. Прежде всего организовали предвыборную кампанию. Речь шла о том, чтобы вновь восстановить распущенный парламент и его 221 члена, подписавшего обращение, и добавить к ним некоторое количество либеральных депутатов.

Среди руководителей движения не было ярких личностей, завоевавших авторитет у народных масс и вызывавших симпатии. Более или менее известными оказались только Казимир Перье, Жак Лафит, Одран де Пуйраво Дюпен-старший и несколько других парламентариев. Большинство имели салонное влияние, кое-какой авторитет у коллег по парламенту, однако народ их не знал и действовал независимо. Перечисленные личности известны были лишь узкому парламентскому кругу, связанному с прессой, дворцом и учебными заведениями.

Как водится, в сознании молодежи бушевал вулкан. Студенческая среда охватывала всю гамму идей — от либерализма до республиканства. Среди студентов политехнической школы, гордившихся участием старших

товарищей в защите отечества 1814 года, было немало таких, кто объединял любовь к республике с культом Наполеона, — явление, впрочем, по тем временам весьма распространенное.

В среде мастеровых прокатывался глухой ропот недовольства и враждебности. Бурбоны всегда внушали недоверие: им не простили возвращения на казачьих штыках. Трудовой люд видел в них потомков средневековых баронов, с кем постоянно сводил счеты.

Пригороды по большей части пребывали в плену славных воспоминаний времен империи. «Если бы короля настигла смерть, тогда его место мог занять Наполеон II. Надо только вернуть его из Вены», — подобные разговоры возникали повсеместно.

Однако ни студенческая молодежь, представлявшая слой образованных, ни молодежь пригородов ничего не могли добиться без горстки официальных лиц, составлявших буржуазный костяк в руководстве, малодушных, способных на мерзости и годных только на то, чтобы идти на всевозможные компромиссы. Эти высокопоставленные и ограниченные люди признавали лишь одну силу, которая крепла день ото дня и представляла реальную угрозу, — этой силой была пресса!

В чем же заключалось ее вмешательство в борьбу и каким образом пресса могла манипулировать событиями?

Когда в результате новых выборов стало ясно, что королевской власти никогда не набрать необходимого количества голосов, король Карл X и его министры организовали настоящий заговор. Ими руководило безумие, а иначе как назовешь решение управлять Францией, создавшей Генеральные штаты, Законодательное собрание, Конвент, лишь самодержавной властью и волей старого подагрика?

Король отыскал в Хартии некий 14 параграф, который позволял, как утверждали придворные юрисконсульты, управлять с помощью ордонансов (королевских указов). Пагубная система, вызвавшая государственный переворот. Новый парламент был распущен, не будучи созванным, и опубликованные ордонансы крепко заткнули рот прессе.

Король вызвал к себе премьер-министра Полиньяка и спросил, какими силами тот располагает, чтобы обеспечить выполнение ордонансов. Премьер-министр ответил, что способен в течение нескольких часов стянуть в Париж 18-тысячную армию.

— Армии нужен командующий, — заметил король.

Следовало хорошенько подумать, поскольку требовался головорез, висельник и негодяй, который, не задумываясь, подрезал бы крылья всему благородному и отважному в стране.

Выбор пал на герцога де Рагуза, бесчестного Мармона, который покинул Наполеона и предал родину накануне капитуляции Парижа.

Этого проходимца облекли неограниченной властью и наделили военной силой, достаточными, чтобы образумить парижан, если те вздумают выступить против ордонансов.

25 июля министр юстиции передал полный текст ордонансов главному редактору газеты «Монитор». Он должен был занять первые полосы.

В понедельник, 26-го, проснувшийся Париж узнал, что государственный переворот если не завершен, то по крайней мере начат. Естественно, первыми в курсе событий оказались журналисты. Среди них — Арман Каррель, руководивший новым печатным органом, тон которого резко отличался от привычного педантизма официальных газет. Назывался сей печатный орган «Националь».

Редакторы «Националь», едва ознакомившись с текстом ордонансов, направились к Дюпену, знаменитому адвокату, на открытии памятника которому Виктор Гюго заметил, что «в бронзе ему удается стоять прямо, хотя всю жизнь он гнул спину и пресмыкался!»

Дюпен отказался от предложенной ему чести встать во главе движения, в успех которого не верил. Законопослушный, он не поддерживал тех, кто, фрондерствуя, стремился протест превратить в бунт. Таковы были его принципы: личные спокойствие и безопасность прежде всего.

Приняв на пороге своего кабинета представителей прессы и узнав, что его просят выслушать депутатов, приглашенных на собрание, Дюпен ответил:

— Господа, в моем кабинете я даю юридические консультации по вопросам права. Но для тех, кого интересует политика, смею вас заверить, он закрыт. Прощайте, господа! Всего хорошего!

И закрыл дверь перед их носом.

Собрание все же состоялось. Вечером в редакции «Националь» было принято решение выдвинуть протест. Энергичный коротышка, сновавший между столами, заваленными грудой бумаг, взобрался на один из них, потребовал тишины и начал читать проект протеста, который только что составил.

Это был редактор «Националь», марселец Адольф Тьер. Проект выслушали, обсудили и одобрили. Молодой человек с удовольствием принял похвалу в свой адрес. Однако, заметив, что многие присутствовавшие при создании этого зародыша революции, бросавшего вызов абсолютной монархии, начали

потихоньку рассасываться, Тьер, с присущей ему хитростью, не теряя самообладания, — сколько раз в течение своей долгой карьеры он еще продемонстрирует их — воскликнул:

— Подождите! Не уходите! Задержитесь! А подписи?! Нужно подписаться!..

Те, кто уже спускались по лестнице, испуганно остановились. Тьер снова вскочил на стол, расплескав содержимое чернильниц на зеленый ковер редакции.

— Под протестом, — крикнул он, — должны быть…

Он замолчал, пристально глядя на всех, будто гипнотизируя, и отчеканил:

— Здесь должны стоять подписи!

Спрыгнув на пол, взял перо и поставил первую подпись: Тьер. Рядом подписался Арман Каррель.

Об анонимности больше никто не заикался. Соблюдая очередность, подписались остальные — воистину стадо баранов, с той лишь разницей, что это были мыслящие бараны и каждый понимал, на какую бойню их ведут.

На следующее утро, 27 июля, во вторник, Мармон принял командование и приступил к охране порядка. Свой штаб он разместил в Карусели. Пока еще не было сделано ни одного выстрела. На перекрестках собирались толпы праздношатающихся рабочих, по большей части печатники. Они агитировали и подстрекали другие слои общества.

В пригородах еще не знали, что же решила буржуазия. Дело в том, что буржуазия сама точно не знала, чего ей хочется, кроме собственного блага.

Казимира Перье возмутил стиль протеста, он нашел его чересчур революционным.

Бойкий коротышка Тьер, обнародовав имена под протестом, прыгнул в дилижанс и укрылся в десяти лье от Парижа. Большинство депутатов, шкурой почувствовав приближение опасности, последовали примеру этого трусливого зайчишки.

По существу, ордонансы напрямую угрожали только прессе. Следовательно, можно было предположить, что трудящееся население останется безучастным и равнодушным к мере, которая, в общем, не ударяла по нему и не затрагивала его интересов.

Однако толпа подвержена изменчивости настроений, она способна возвысить одного и низвергнуть другого. Идеи, принципы — эти флейты и барабаны революционного периода — сами по себе не способны заставить кого-либо погибнуть во имя некой абстрактной цели. Только ради жизни конкретного человека, ради чести женщины или своей собственной бросались

в драку безрассудные, чаще всего горячие головы.

В июле 1830 года, когда узнали, что Мармон, гнусный Мармон, назначен Карлом X на роль главного живодера, народный гнев достиг точки кипения. Никто не знал, за кого надо драться, зато четко представляли — против кого. Против Мармона, конечно! «Долой ордонансы! Долой Рагуза! Долой министров!» — раздавались призывы. В умах происходило брожение и царил хаос. Мальчишки, услышав крики: «Да здравствует Хартия!», подхватывали: «И ее августейшее семейство!»

Призывы не являлись выражением политической направленности, однако народу было совершенно ясно, кого требовалось гнать из Парижа, да и вообще из Франции, — короля Карла X и его приспешника герцога де Рагуза.

Первые выстрелы раздались, когда комиссар полиции выписал сорок четыре мандата на арест тех, кто поставил свои фамилии под протестом Адольфа Тьера. Само собой разумеется, ни один приговор не был приведен в исполнение либо по причине восстания, либо в результате отсутствия лиц, подлежащих аресту. Впрочем, если бедняге комиссару и удалось бы задержать хоть одного из подписавших, находись тот поблизости от Карусели или Елисейских полей, его быстро освободили бы от арестованного или сам он стал бы умолять задержанного послужить пропуском в восставших кварталах.

Повсюду возводили баррикады, повсюду брали в руки оружие. Все шло в ход в этом котле сопротивления. Не было никакого руководства движением, ни единого военного. Командиров выбирали на баррикадах.

Впрочем, в некоторых кварталах чувствовалась сильная рука тайной организации. В окрестностях улицы Мандар, например, громоздились две баррикады, сооруженные с большим знанием дела. Они были составлены из всего, что попадалось под руку. Здесь можно было увидеть матрасы и подушки, переложенные булыжниками мостовой, бочки с водой и песком на случай пожара.

Все это приводило людей, не знакомых с искусством городского боя, в совершенное изумление. Учитель рисования, застывший перед баррикадой на улице Мандар, воскликнул:

— Прекрасно! Как сработано! Точно фарфоровая!

— И это пойдет под огонь, дорогой! — послышался чей-то голос.

Он принадлежал рослому парню, весело глядящему из-под фетровой шляпы с широкими полями, какие носили в то время художники. Грубые штаны, куртка с галуном, шейный платок,

трехцветный пояс, за который заткнуты пара пистолетов и сабля, бившая по пяткам, — да это же Арман Лартиг, одетый как повстанец!

Мастер только что закончил возведение своего детища, настоящего шедевра среди баррикад, и тут же позвал помогавших ему передохнуть в кафе «Прогресс», за дверью которого их ждала вконец растерянная госпожа Моран.

Кафе «Прогресс», как и задумывалось, стало штабом сопротивления в этом парижском квартале.

Лартиг все утро сновал по улицам, перебегая от группы к группе, отдавая распоряжения, сообщая новости, если не правдивые, то по меньшей мере правдоподобные, смеясь, предсказывал победу, не упуская возможности перецеловать всех женщин, которые только встречались ему. «Во имя Республики, гражданка!» — весело убеждал он их.

Студенты до поры до времени оставались в своем квартале.

Ни с той, ни с другой стороны не производилось никаких действий.

Во вторник, в пять часов вечера, Мармон решил разделаться с восстанием одним ударом.

А в это время у Казимира Перье собрались депутаты. В крахмальном пристегивающемся воротничке, напыщенный, претенциозный и торжественный, друг Луи-Филиппа напоминал кота, с вожделением созерцающего рыбок в аквариуме. Так бы и съел их — мешала вода. Он всеми фибрами ощущал власть совсем рядом, только руку протяни. Ах, какое великое наслаждение — заполучить трон! Удастся ли ему изловчиться и добраться до него, вожделенного трона, как вытаскивают из воды золотую рыбку. А если цель ускользнет? Если он упустит корону? Что станется тогда с ним? На карту поставлена жизнь, и это заставляло здорово призадуматься Казимира Перье.

Он, который постоянно, как утверждал Деказ, «рассматривал в зеркале свой язык», председательствовал на собрании и явно его затягивал, ссылаясь на необходимость получить дополнительные сведения. Коллега Берар выразил удивление.

— Неужели, господа, — ответил Казимир Перье с печалью в голосе, — вы не понимаете, какую смуту мы возбуждаем? И какой груз ответственности придется мне нести? Это чудовищно! Вы погубите всех нас, пренебрегая законностью. Из-за вас мы потеряем преимущество!

Пока собравшиеся пытались прийти к единому мнению, отчаявшиеся безумцы умирали на улицах. Нужно было много крови, красной и голубой, чтобы белое знамя вновь стало знаменем нации, трехцветным штандартом, с которым Наполеон

прошел по всему миру.

Три славных дня

В то время как Париж превращался в поле битвы, король Карл X в Сен-Клу продолжал требовать неукоснительного соблюдения придворного этикета.

Аудиенции и иерархию никто не отменял. Каждый, кто пытался разъяснить королю политическую обстановку, наталкивался на спокойную и холодную улыбку:

— Господа, вы преувеличиваете опасность волнений. То же происходит при всех режимах с населением большого города, особенно в жару, как сегодня. В обязанность герцога де Рагуза входит поддерживать порядок и при необходимости восстановить его. Он справится с делом, которое мы ему доверили.

Придворному, упорно пытавшемуся обратить внимание короля на огромную опасность и важность восстания, он ответил со строгостью в голосе:

— Возвращайтесь в Париж и скажите, что вы видели короля, решившего ни в коем случае не входить в соглашение с восставшими и придерживаться прерогатив монархии!

Столь энергичный приказ король отдал хранителю королевской печати господину де Смеонвилю, явившемуся к нему с просьбой переправить министерство в безопасное место и не осмелившемуся изложить свою просьбу до конца.

Закончив разговор, Карл X, игравший в вист, вновь взял карты в руки, уронил одну на ковер и продолжил партию.

Когда наступила очередь ходить его партнеру, герцогу де Дюрасу, король заметил, что тот совершил ошибку.

— Что с вами? — спросил Карл X. — Вы плохо играете сегодня! Сбросьте масть, — добавил он сухо.

В Париже между тем восстание набирало обороты. Оно охватило все стратегические пункты столицы. Лувр атаковала группа из 300 восставших, приведенных из квартала Тамплиеров банкиром Мишелем Гудшо и юным студентом политехнической школы.

Испуганные швейцарцы, охранявшие Лувр, не решились стрелять. Свежо в памяти Десятое августа. Все же они дают один залп, чтобы сдержать наступающих, но со вторым не торопятся.

Среди населения поползли слухи о прекращении вооруженной борьбы, дошли они и до швейцарцев, которые желали этого всей душой.

Толпившиеся на площади вдруг увидели, как на колоннаде внезапно появился мальчишка, парижский гамен, воробышек

революции. Он пробрался к спуску с колоннады и по этому необычному пути соскользнул на балюстраду.

Мальчишка показался восставшим и помахал кепкой, затем проскочил вперед, открыл дверь, ведущую к лестнице, и крикнул изо всех сил: «Да здравствует Хартия! Да здравствует свобода!»

Швейцарцы, толпившиеся на первом этаже перед дверью и ожидавшие наступления, пришли в ужас от идущего сверху голоса. Раздались голоса:

— Народ в Лувре! Спасайся кто может!

И, побросав оружие и боеприпасы, бедняги швейцарцы, вконец потерявшие голову (им показалось, что их преследуют призраки всех убитых в этом дворце), ринулись в ужасе через галереи, кулуары, лестницы, огромный двор Лувра и остановились только на площади Карусель.

Их отступление сопровождалось топотом ворвавшихся во дворец. Сигнал мальчишки был понят. Восставшие рванулись вперед и на этот раз на самом деле заняли Лувр. Они взламывали двери, срывали запоры, крича, стреляя из окон и галерей в сторону улицы, давая понять, что Лувр у них в руках. Несколько пуль попало в солдат, охранявших двор Тюильри, что напрочь деморализовало резервные батальоны Мармона. Солдаты метались, не зная, что делать.

— Парижане — хозяева Лувра, лучшей позиции им не найти, — шумели они. — Мы пропали…

В тот же момент, надеясь хоть как-то избежать паники, Мармон отдал приказ к отступлению. Принимались меры по эвакуации Тюильри.

Не успели последние солдаты выйти из ворот в направлении площади Людовика XV и добраться до Елисейских полей, в соответствии с приказом герцога де Рагуза, как на вершине центрального купола в старом дворце Валуа взвилось водруженное тремя смелыми и сообразительными горожанами Жубером, Тома и Гинаром, гордое и прекрасное знамя. Ветер развернул его, и все увидели трехцветное знамя Революции и Наполеона. Правящая монархия Франции низложена.

Во время сражения произошли события, которые изменили его характер. Массы вооружившегося народа, готового пойти в огонь и воду, не имели головы. Им ее дали. События разворачивались благоприятно, огонь на улицах усиливался, огромное число людей, не щадя жизни, чтобы опрокинуть монархию, клялись не складывать оружия, пока не добьются своего. Восставшие представляли реальную силу. И вот тогда-то в Париже снова зашевелились те, кто возбуждал народное движение. Их руководящая роль закончилась, как только они,

почувствовав опасность, решили до поры до времени унести подальше ноги.

29 июля состоялось собрание у Лафита. В большой зал на первом этаже особняка пришли пятьдесят человек.

Лафит заявил, что событиями необходимо управлять, чтобы поддерживать дух у населения, и предложил назначить командующего восстановленной национальной гвардией.

Кричали Лафайета, который обратился к собранию:

— Волей моих многочисленных сограждан на меня возложено командование национальной гвардией. В этих обстоятельствах я выступаю не как депутат, а как человек, участвовавший в событиях 1789 года. В поисках выхода мы должны защищаться. Генерал Лафайет остается в семьдесят три года таким же, каким был в тридцать два. Долг велит мне ответить на народное доверие и посвятить себя защите общества.

Бартен де Во воскликнул:

— Если с нами нет достопочтенного мэра Парижа 1789 года, всем известного Байи, поздравим себя с тем, что вернулся его славный командующий национальной гвардией!

Была сформирована комиссия из пяти человек, чтобы наблюдать за защитой и снабжением столицы.

Пока шло совещание, снаружи не утихало волнение. Народ желал знать, согласился ли Лафайет командовать национальной гвардией. Оставалось еще решить вопрос о командовании войсками.

Собрание постановило, что возложит это на генерала Жерара.

Внезапно раздались выстрелы, казалось, что стреляют со двора и около особняка Лафита. Это войска! Мы окружены! Все пропало!

Разом прекратились разговоры, собравшиеся, отталкивая друг друга, кинулись к дверям. Началась паника: «Нас предали! Нас арестуют!»

Как же они были похожи на швейцарцев, охранявших Лувр! Обыватели, возомнившие себя мятежниками, холодели от страха перед расстрелом и лихорадочно соображали, как вывернуться из сложившейся ситуации. В головах многих уже созрел план — клясться, доказывать, что они пришли сюда только для того, чтобы расстроить планы мятежников и вернуть порядок. Это было еще то зрелище! Толстопузые и тыквозадые члены собрания тщетно пытались просочиться в узкие двери шкафов, ползали на четвереньках между креслами, трясясь, как желе на блюдце, — вот-вот явятся жандармы. Те, кто полегче, вскакивали на подоконники и через открытые окна прыгали вниз, на розовые кусты и клумбы гелиотропа.

Четверо или пятеро доблестных защитников народа, по счастью, не слишком толстые, заперлись в уборной и ни за какие коврижки не желали выходить. Они вопили, что их хотят схватить и зарезать.

Лафит оставался в кресле, один, — зал опустел. Когда к нему присоединился секретарь собрания Дени де ла Гард, Лафит пробурчал:

— Для политика, особенно во время революции, важно уметь быстро бегать.

И показал на ногу, после недавнего вывиха ему было больно ходить.

Именно к нему и явилась группа офицеров 5-го и 53-го линейных полков, которые потребовали пропустить их на собрание.

Армия тоже хотела участвовать в Революции и отправила своих делегатов. Офицеры рассказали, что получили приказ рассредоточиться на Ванд омской площади. Их окружила толпа горожан, среди которых находились женщины и дети, они умоляли не стрелять. Сначала солдаты оставались глухи к просьбам, но люди не отступали и просили, просили… Защитники короля оглядывались вокруг и видели тех, кто так напугал Его Величество, — женщин, девушек, детей. Солдаты призадумались: значит, если прозвучит приказ, им ничего не останется, как пробить кровавую брешь в этой толпе, ставшей им уже почти родной?!.

Кроме того, они буквально умирали от голода и усталости, да еще изнуряющая жара… Население подбрасывало им кое-что из провизии и то, чем можно утолить жажду. Постепенно солдаты начали разоружаться, дисциплина падала. Теперь было очень трудно заставить их стрелять в народ.

Узнав, что в особняке Лафита собрались временное правительство и муниципальная комиссия, а генерал Жерар назначен командующим войсками, офицеры, чином ниже полковника, переговорив между собой, решили присоединиться к этому новому правительству и предоставить в их распоряжение свои шпаги. Посланный к барону Жерару младший офицер Ришмон вернулся с известием о согласии.

Войска подтянулись к особняку Лафита. Пока офицеры разыскивали Лафайета, солдаты 5-го линейного полка разрядили во дворе свои ружья, стреляя в воздух, чтобы успокоить толпу и показать мирные намерения.

Эти-то выстрелы и посеяли ужас в рядах собравшихся и вызвали панику.

Понемногу все разъяснилось. Парламентарии вернулись в

свои кресла. Толстопузые оставили шкафы, тыквозадые выползли из-за кресел, распахнулась дверь уборной. Лафит, так и не успевший покинуть своего места, спокойно произнес слова, которые вошли в историю:

— Господа, заседание продолжается!

Два полка, «обратившиеся», как говорили тогда, решили исход сражения. Не было больше за что бороться. Оставалось только собрать с кровавых полей красный урожай трех дней революции.

Само собой разумеется, жнецы-голодранцы, с беззаветной храбростью трудившиеся на полях-мостовых, проращивая победу, все те, кто, не жалея жизни, окрасили своей кровью знамя, чтобы оно получилось трехцветным, все они были отстранены от дальнейшего. Они прекрасно провели сев, вырастили урожай в тяжелых условиях, но оказались не нужны, когда настало время делить пирог.

Народ сделал свое дело. Ни единого представителя из народа не вошло в правительство, им созданное. Пирог достался буржуазии, представители которой, важные и напыщенные, подпирающие щеки крахмальными воротничками, с такой изобретательностью прятались в шкафы, уползали под кресла и запирались в уборной.

Буржуазия слопала его целиком, ни с кем не делясь, и не подавилась.

«Шарантонский сумасшедший»

Баррикады, даже во время сражения, то есть когда их поливал шквальный огонь, привлекали всеобщее внимание. Кроме их защитников всегда находились такие, кто пришел без оружия, просто посмотреть, раздумывая, стоит ли присоединяться к ним, или лучше подождать. На углу улицы Мандар в околобаррикадной толпе особенно выделялись двое, брызжущая энергия которых органично сочеталась с техническим талантом.

Как вы уже знаете, баррикада на улице Мандар сооружена под руководством мастера Лартига из булыжников, вывороченных из мостовой и сложенных так, чтобы между ними на трех уровнях были отверстия, на манер бойниц, дававшие возможность тройного залпа.

Огромную яму, откуда были выбраны булыжники, заполнили разбитыми бутылками, железными прутами и другими колющими и режущими предметами, чтобы остановить кавалерию.

Внутри импровизированной крепости царила более суровая дисциплина, чем в других местах. Ею командовал человек с

военной выправкой, нацепивший на старый выцветший мундир времен империи крест командора ордена Почетного легиона. Его с уважением называли «генерал».

Это действительно был генерал Анрио, постаревший, сгорбившийся, уже растерявший силы, но вдруг, быть может, лишь на короткое время, воспрянувший духом. Перед ним была цель, для достижения которой ему требовалось три дня.

Много лет его без суда держали в заключении за участие в заговоре, угрожавшем безопасности государства и готовившем возвращение императора Наполеона с острова Святой Елены. В один прекрасный день ему смягчили наказание. Но как! Генерала объявили сумасшедшим и поместили в Шарантонский приют. Когда же его друзья, маршал Лефевр и другие, попытались вступиться за него и доказать, что он в полном рассудке, префект полиции разъяснил им кое-какие тонкости дела:

— Если вам дорога жизнь генерала Анрио, отступитесь! Из приюта, где его охраняют только врачи, он прямиком попадет в Венсан под приговор военного трибунала, а это означает верную смерть, причем в короткий срок! Вам хочется, чтобы вашего друга расстреляли?.. Нет? Тогда, — добавил префект, улыбнувшись, — ждите! Может статься, однажды милость Его Величества соблаговолит снизойти на него.

Милость Его Величества никак не желала снисходить. Правду сказать, Анрио не так уж плохо устроился в приюте. Охрана и надзиратели были в прошлом солдатами империи. Тем не менее, узнав 26 июля о событиях в Париже, он, договорившись с охраной, покинул приют.

Анрио не в первый раз выходил из приюта на короткое время. Надзиратели закрывали на это глаза. Он обычно давал слово вернуться вечером, а слово генерала свято. Никому даже в голову не приходило, что он может нарушить обещание. Однако в этот вечер генерал Анрио не вернулся.

— Неужели сбежал? Может, его арестовали? — нервничал надзиратель, тревожась не только за свое место, но и за больного.

Регулярные выходы генерала заставляли задуматься. Надзиратель полагал, что его подопечный встречается со старыми товарищами, чтобы поговорить об императоре, его сыне и возможности бонапартистской реставрации…

Желая узнать что-нибудь о таинственных прогулках, надзиратель пару раз следил за Анрио. Генерал ни с кем не разговаривал, не было и ничего необычного в его поведении, если не считать того, что он устраивался в укромном месте около изящного особняка в квартале Мадлен и подолгу оставался там. Любовное свидание? Надзиратель предполагал, что Анрио

влюблен в замужнюю женщину, которая, быть может, не знала о его любви. И он надеялся увидеть ее, когда дама проходит мимо. В самом деле, ему даже показалось, что когда у двери особняка остановился экипаж, Анрио жадно смотрел на него, стараясь не попадаться на глаза кучеру.

Куда же пропал генерал Анрио?

Между тем над Парижем прогремел пушечный залп, и с террасы Шарантона можно было отчетливо расслышать неясный гул, нечто глухое и хриплое, как шум чудовищного прилива.

Закончилась среда, а Анрио все не возвращался. Несчастный надзиратель, рискуя потерять место, решился доложить о происшедшем. Он написал рапорт, чистосердечное признание в том, что разрешал генералу Анрио покидать приют для коротких прогулок по близлежащим улицам. Он признавал себя виновным в преступной оплошности, неосмотрительности, но ни в коем случае не в пособничестве побегу.

И сам отправился к начальству, бормоча:

— Мне конец, меня уволят! Что станется со мной в моем-то возрасте? Где я найду работу? Ну почему генерал так поступил со мной, ведь я всегда по-доброму относился к нему?!

Охваченный страхом, бедняга поскребся в дверь директорского кабинета и, услышав: «Войдите!», проскользнул внутрь.

— А, это вы, Борно? — директор, стоя перед зеркалом, внимательно разглядывал себя. — Что нового?

— Ничего, господин директор, разве что вот это письмо, которое объяснит вам…

И дрожащей рукой он протянул злосчастный рапорт, содержавший отставку, увольнение, конец.

— Недосуг мне сегодня читать рапорты, — ответил директор.

— Хорошо! Тогда я приду завтра, — прошептал надзиратель.

В глубине души он надеялся, что генерал вернется, сжалившись над ним, до смерти перепуганным, или, если он заболел, то черкнет словечко, чтобы успокоить его.

— Завтра тем более, — возразил директор, резко повернувшись. — А, Борно? Вам ведь не понять этого, верно? Вы старый шуан, да? И вас, конечно же, не устраивает то, что происходит в данный момент? Карлу X приходит конец! — И замурлыкал:

Когда старый король в своем бреду
Осмелился законами дразнить империю!..

Услышав слова из самой последней песни Беранже, Борно

поднял голову.

Он внимательно посмотрел на директора и обнаружил удивительные перемены в его внешности.

На директоре все еще был служебный редингот, но на голове вместо черной шапочки — фуражка с трехцветной кокардой. Борно углядел портупею, а также то, что рука директора тянулась к ружью, стоявшему в углу. Надзиратель не мог прийти в себя, настолько был ошеломлен.

— Да! Именно так, Борно! Я покидаю вас! Довольно с меня этой лечебницы. Надеюсь, вам будет не хватать меня, так что если я с моими товарищами останусь в живых сегодня вечером, обещаю вернуться, но только после того, как возьмем Тюильри, поскольку сейчас я отправляюсь брать Тюильри. Всего хорошего, Борно!

У надзирателя отпала челюсть, а директор, подхватив ружье, двинулся, чеканя шаг, к двери и, насвистывая марш, покинул кабинет.

— Чем все это закончится? — пожал плечами Борно, возвращаясь к себе.

Генерал Анрио примкнул к восставшим, потому что ему не давала покоя мысль отомстить Бурбонам, потому что он любил свободу, потому что сердце его оставалось молодым и кровь вновь забурлила в венах, когда он увидел, как восстали из мертвых три цвета, которые так долго вели его к победе. Наконец, он надеялся, что вспыхнувшая революция подомнет под себя Карла X с его присными и заменит правителем, чье имя многое говорило французам и о ком они помнили всегда, — Наполеоном II!

Еще генерал хотел отомстить за себя. Его предали, и он знал, кто. Подозрения закрадывались уже давно, только случай открыл ему, каким образом полиция узнала о его участии в заговоре, частью которого было снарядить капитана Латапи в Пернамбуку, чтобы с помощью пиратов организовать экспедицию на Святую Елену, похитить императора и отправить его либо во Францию, либо, в крайнем случае, в Америку, откуда нетрудно было бы при первой же оказии вернуться на берег бывшей своей империи.

Генерал ничего не знал о доносчике. Внезапный арест, скорый допрос — и вот он уже в тюрьме, где содержится в обстановке строжайшей секретности, ожидая суда. Вдруг за ним пришли, впихнули в карету с занавешенными окнами, долго куда-то везли. Наконец прибыли в не знакомый ему портовый город. Здесь его заперли в камере и отдали, как объявил начальник охраны, в распоряжение морского префекта.

В камере он провел долгие месяцы безо всякого сношения с

внешним миром. Лишь однажды начальник охраны вошел к нему и объявил, что заключенный встретится с инспектором, проверяющим тюрьмы. У генерала выяснили, не желает ли он чего-нибудь, и попросили повежливее говорить с инспектором об условиях, в которых содержатся заключенные.

Генерал Анрио спросил, нельзя ли ему получить чернила и бумагу, дабы написать прошение, которое он хотел передать инспектору. Ему принесли все, что требовалось, и вновь оставили одного.

Анрио подготовил длинную петицию против своего заточения, требуя суда и встречи с лицом, которое донесло на него, чтобы выяснить, какие факты повлекли за собой арест и длительное заключение.

Инспектор — чиновник, проникшийся сознанием собственной важности, чрезмерно устал от исходящих отовсюду нападок политических заключенных и чтения их петиций, в которых каждый утверждал свою невиновность и требовал объяснений, разъяснений, суда, всего того, в чем правительство им упорно отказывало.

Случилось так, что Анрио знал инспектора, который очень удивился, встретив генерала в тюремной камере. Они говорили о прошлых своих отношениях, к пущему удовольствию инспектора, хотя бы на этот раз избежавшего докучливых прошений, утверждений невиновности, требований суда и тому подобного.

Анрио очень часто встречал этого молодого чиновника у баронессы де Нефвиль. Первым побуждением было спросить о ней. Он так долго не видел и столько раз вспоминал ее, столько раз его спасали от приступов отчаяния воспоминания о счастливых вечерах, проведенных в обществе этой чудесной женщины!

Он умирал от желания спросить у инспектора:

— А госпожа де Нефвиль? Как она?

Однако, став заключенным, Анрио обрел хитрость и подозрительность. Всюду ему мерещились шпионы, враги, их уши и глаза, руки, готовые его схватить. И, разумеется, вызывал подозрение этот молодой человек, ставший инспектором тюрем и оказавшийся теперь в его камере. Неотступно преследовала мысль, насколько откровенен он был с ним когда-то? Возможно, эта откровенность и стала причиной его ареста?

О, зачем он так распускал язык в салоне баронессы де Нефвиль? Она восхитительна, но какое же подозрительное окружение было у нее! Красавица принимала людей, которые могли оказаться шпионами. Узнав о должности молодого человека, постоянно крутившегося в ее салоне, Анрио начал

лихорадочно вспоминать, кого встречал у баронессы. Среди них, определенно, был доносчик, человек, которому он обязан своим арестом и восемью годами мучений. Выйдя на свободу, он бы отыскал его и не стал тянуть с отмщением!

Итак, он не упомянул баронессу, но инспектор отнюдь не сдерживался. Он с удовольствием вспоминал прошлое, более или менее скрыто намекая на обходительность дамы, а поскольку Анрио хранил молчание, инспектор вскользь коснулся темы, интересовавшей их обоих:

— Ну конечно же! У вас зуб на бедную баронессу! Я понимаю вас, черт побери. На вашем месте я поступил бы так же. Простите, что напомнил вам о неприятных вещах.

Анрио это удивило:

— Если я не ошибаюсь, вы не осуждаете меня?

— Разумеется, нет. Не в моих правилах, и как человека и как инспектора, издеваться над заключенными. Оправдывая тех, кто виновен в их несчастьях…

С этими словами инспектор поднялся. Он был счастлив оттого, что генерал избавил его от тягостной сцены — выслушивать жалобные стенания по поводу несправедливости, допущенной по отношению к честному человеку. У генерала хватало ума не докучать людям. Он вроде бы даже не держал зла на ту, что упрятала его в каталажку.

Анрио побледнел, у него задрожали руки. Пару раз он провел платком по лбу, как бы вытирая несуществующий пот. Ему было страшно поверить тому, что он услышал от инспектора.

— Прошу вас, господин инспектор, еще одно слово, если возможно! Сказанное вами только что, надеюсь, не относится к баронессе де Нефвиль, у которой я столько раз имел удовольствие встречать вас?

— А к кому же еще это относится? Неужели, генерал, вы до сих пор сомневаетесь в том, кому обязаны своим пребыванием здесь, в тюрьме Его Величества?

— Нет, нет, я ничего не знаю точно, но очень хотел бы знать! Скажите же, прошу вас!

— Я и так слишком много сказал вам, генерал! Если до вас не дошло, то продолжайте относиться к баронессе, как раньше. Очень странно, что вы ничего не знали о самой опасной шпионке короля.

— О Боже! — Анрио почувствовал, как в его сердце вонзилось множество стрел.

— Я понимаю, вам хотелось бы надеяться, — невозмутимо заметил инспектор, — что ради дружбы, которой она, кажется, вас дарила, и большого доверия к ней с вашей стороны баронесса

забыла свои обязанности. И не думайте, мой бедный генерал!

Для нее и вы, и я, и все те, кто посещал ее салон, были всего лишь объектами наблюдения, и едва мы покидали обворожительную хозяйку, как доклад, составленный ее прелестной ручкой, доводил до сведения префекта полиции наши действия, слова и даже, возможно, наши мысли.

— Дрянь! — прошептал Анрио. — О, если бы она была здесь!..

— Если бы она была здесь, мой бедный генерал, то очень быстро убедила вас, что во всем виноваты вы сами, а пребыванием здесь обязаны только сложившимся обстоятельствам. Вы бы ужаснулись и снова воспылали любовью к ней…

Кстати, если вас это интересует, она теперь в фаворе как никогда, и будь на то ее желание, ибо правительство немало должно ей за оказанные услуги, она давно уже могла добиться вашего освобождения. Но ведь ей это даже в голову не пришло! Обещаю, вернувшись в Париж, нанести ей визит и рассказать, если позволите, в каком тяжелом положении вы оказались и как она осчастливит вас, приложив руку к вашему освобождению.

— Нет, нет, только не она! — вскричал генерал. — Значит, товарищи были правы! Слепец, безумец! Я не хотел видеть, кем она была! Попался как мальчишка, круглый дурак! Сам же дал отвести себя на заклание… Нечего сказать, хорошо наказан! Я выйду отсюда… но не с ее помощью!.. И я отомщу, и месть моя будет ужасна!

— Успокойтесь, генерал! Я, в самом деле, глубоко огорчен, что наш разговор принял такой оборот. Неосторожным словом заставил вас страдать. Прошу, забудьте об этом. Нет ли у вас еще каких-либо желаний? Тогда, с вашего разрешения, я продолжу проверку.

Анрио покачал головой в знак того, что более ничего не имеет к нему, и молодой чиновник, вежливо улыбнувшись, откланялся.

Генерал глубоко задумался. Надо же было прозвучать имени баронессы! Анрио наконец узнал о роковой роли, какую сыграла она в его аресте.

В Шарантонском приюте, куда его перевели в результате активной деятельности преданного ему маршала Лефевра, он был одержим только одной мыслью: наказать эту женщину. Прежде всего нужно было отыскать ее, захватить врасплох и вырвать признание. Анрио уже начал приводить свой план в исполнение с помощью ничего не подозревавшего надзирателя Борно. Именно к дому баронессы отправлялся генерал, воспользовавшись

предоставленной ему на время свободой. Он не терял надежды встретиться с ней лицом к лицу.

Однако пока такого случая не представлялось. Всегда кто-нибудь да и сопровождал баронессу. Захватить ее врасплох не было никакой возможности. Назначить ей встречу он не мог, опасаясь не столько того, что она не придет, сколько того, что, пользуясь влиянием в высших кругах, она устроит так, что генерал и носа не высунет из приюта. И пострадает хороший человек, надзиратель, выпускавший его от случая к случаю прогуляться по Парижу. Борно даже могут уволить.

Ну а когда в Париже прозвучали пушечные залпы и прошел слух, что народ взялся за оружие и начал борьбу, генерал понял, что пришло время осуществить две свои мечты: свергнуть Бурбонов, вернув трехцветное знамя и, возможно, Наполеона II, а также наказать баронессу.

С этими мыслями он появился на улице Мандар. Лартиг и все, кто собирался в кафе «Прогресс», увидев его в мундире с крестом командора, единодушно пошли к нему в подчинение. Приведя в боевую готовность баррикаду на улице Мандар, которая перекрывала выход к Центральному рынку, генерал Анрио отправил с Лартигом пакет в особняк маршала Лефевра на Вандомской площади.

Хотя маршал несколько лет назад скончался, а жена его, сильно сдавшая, вернулась в свои владения, Анрио знал, что хранителем особняка и поверенным в делах жены маршала оставался Ла Виолет. Лартигу было поручено найти его. В письме генерал просил Ла Виолета срочно прийти на баррикаду, ибо рассчитывал получить помощь в одном серьезном деле.

Лартиг вернулся ни с чем. Он не нашел Ла Виолета. Тот куда-то с утра ушел.

Анрио усмехнулся, поняв, куда именно отправился с утра пораньше старый товарищ по оружию:

— Он наш. Ла Виолет — стреляный воробей, пушки еще не заговорили, а ему уже захотелось принять участие в этом разговоре… Нужно, чтобы он прочитал мое письмо и пришел!

Генерал продолжал готовить баррикаду к защите, выглядывая наружу всякий раз, как поблизости раздавалась ружейная стрельба, чтобы узнать силы нападающих и укрепить уязвимые места.

К вечеру появился Ла Виолет — со стороны улицы Спасителя. Он был в гражданском, но вид имел воинственный: патронташ на поясе и ружье через плечо. На рединготе сверкал символ отваги — крест, полученный от императора.

Старые сослуживцы обнялись.

Как довольный хозяин показывает гостю свой дом, так и Анрио провел Ла Виолета вдоль баррикады, показал форпосты квартала.

Досконально проверив, все ли готово, чтобы выдержать внезапную атаку, и узнав, сколько патронов и ружей имеется в наличии, Анрио пригласил друга в кафе «Прогресс» поговорить с ним о деле.

Стрельба прекратилась. Восстание уже победило в центре Парижа. Вот-вот будет взят Тюильри. Говорили, что Мармон отступает, что линейные войска присоединились к народу и уже объявлено о низложении короля. Добрые вести придавали силу народу и деморализовали войска.

Наклонившись к собеседнику, ибо кафе «Прогресс» было полным-полно пьющих и ораторствующих борцов за свободу, Анрио обсуждал с Ла Виолетом задуманный им план.

Последний слушал молча, время от времени кивая головой.

Генерал закончил, ожидая, что ответит товарищ. Ла Виолет продолжал молчать. Анрио нетерпеливо спросил:

— Итак, ты со мной не согласен?

— Нет! — буркнул Ла Виолет.

— Значит, согласен?

— Ну, не совсем…

— И все же тебе нужно выбрать — «за» ты или «против».

— Это очень серьезно! Очень…

— Ты узнал о преступлении и отказываешься наказать?!

— Женщину?! Мой генерал, подумать только… это ведь женщина!

— Чудовище!

— Ну и что из того?.. Чудовище — женщина, и все тут!

— Так ты отказываешься? Ну ладно! Я пойду один… Но, будь добр, окажи мне услугу, последнюю, надо думать, потому что твоего друга завтра убьют…

— Все, что пожелаете, генерал! Я готов подчиниться, но прикажите что-нибудь… менее жестокое…

— В мое отсутствие здесь может произойти страшное… Я отвечаю за людей, которые поставили меня своим командиром… Ла Виолет, командир, оставивший баррикаду, пусть даже на короткое время, все равно что солдат, бегущий с поля боя. Ты должен заменить меня, пока я там, ты знаешь где, не сделаю того, о чем ты тоже знаешь… Ты примешь командование на себя…

— Но люди?!.

— Я представлю тебя им… Идем!..

Анрио и Ла Виолет вышли из кафе.

По приказу генерала, мальчишка с барабаном дал сигнал к

сбору.

Человек пятьдесят подбежали и окружили командира баррикады, Анрио коротко сообщил им, что необходимо разведать обстановку за границами квартала, узнать о положении на других баррикадах и определить, все ли готово к обороне.

Предложение было встречено глухим ропотом. Восставшим совсем не улыбалось покидать укрепления. Вне баррикады они чувствовали себя как рыба, выброшенная волной на берег. В своем округе им ничего не угрожало. Так же вели себя мятежники Вандеи. Каждый хотел драться у себя дома и умереть, если это будет нужно, у своего порога.

Генерал, рассчитывавший именно на это, успокоил их, добавив, что никого насильно отправлять не намерен. Опасное предприятие он берет на себя. Однако ему нужен сопровождающий из числа добровольцев.

— Я готов, мой генерал, если не возражаете, — выкрикнул Лартиг.

— Возражений не имею… Теперь же, — продолжил Анрио, — на время моего отсутствия прошу вас признать командиром баррикады гражданина Ла Виолета. Вот он, солдат Великой армии, храбрец… Лучшего трудно найти. Вы будете подчиняться гражданину Ла Виолету, как мне… А сейчас, граждане, отправляйтесь каждый на свой пост и да здравствует свобода!..

Восставшие разошлись по своим местам. Ла Виолет, пожав руку Анрио, который тотчас же ушел с Лартигом, отправился к проходу между домом и мостовой, откуда мог следить за обстановкой.

Он закурил трубку и глубоко задумался, покачивая время от времени головой, что означало большую озабоченность.

Бедный Анрио! Пребывание в Шарантоне не прошло для него бесследно… Он тоже повредился умом! Впрочем, было от чего! Выполнит ли он свой дьявольский план? Доберется ли до места? Почему я не остановил его? Смог бы я воспрепятствовать этому, если бы он находился под моим началом?

Ла Виолет, то забывая о своей трубке, то вновь зажигая ее, продолжал раздумывать, сидя с ружьем между ног в тени фантастического и грозного сооружения из камней, повозок, балок, матрасов, разбитой мебели — первого укрепления. А тем временем в темной и обманчиво тихой ночи от баррикады к баррикаде утробно прокатывалось:

— Часовые, не спать!

Баррикада

Ночь благополучно заканчивалась. Скоро Париж, встряхнувшись ото сна, возьмется за оружие. Над крышами домов небо уже светлело.

Со стороны Монмартра раздались шаги, насторожив Ла Виолета, только что проверявшего баррикаду.

По ступенькам из камней он проскользнул на Монмартр, где еще царил мрак.

Прямо посередине мостовой осторожно двигались три тени.

Вдруг одна из них, выступив вперед, махнула платком. Ла Виолет догадался, что это флаг парламентера.

Он окликнул приближающихся:

— Стой, кто идет?!

— Друзья!.. Лартиг и командир!

— Стоять на месте! Пока не опознают…

— Да это ты, Ла Виолет? — спросил Анрио, узнав голос. — Помилуй, не переполоши всех… Я здесь с гражданином Лартигом и еще одним человеком, за которого отвечаю… Пропусти нас!

Ла Виолет провел их на баррикаду.

В третьем он разглядел женщину.

Ла Виолет покачал головой и, не произнеся ни слова, скрывая мучительную досаду, доставил прибывших в кафе «Прогресс», двери которого на ночь не запирались.

В зале было темно. На стойке мерцал ночник — там, откуда Его кошачье Величество Туш, безмятежно раскинувшись среди головок сахара и графинчиков с коньяком, осматривал свои владения. Кот исчез, как только минули спокойные времена, и никто не смог бы сказать, где же нашел себе место философ, потревоженный гамом восставших.

На бильярде, накрытом чехлом, похрапывали два борца за свободу.

На банкетках, столах, где раньше доминошники разыгрывали свои комбинации, смачно припечатывая костяшки, теперь как убитые спали защитники баррикады, отличаясь от трупов лишь тем, что время от времени, кряхтя, поворачивались на неприспособленном для сна ложе.

В углу стояли пирамиды ружей.

Тяжелый дух, исходивший от немытых тел, наполнял это закрытое пространство.

Маленький зальчик напоминал морг. Ночник придавал ему еще более погребальный вид.

— Нам лучше пойти на второй этаж, — предложил Анрио.

Он извлек из кармана огарок свечи, который всегда носил с собой, и зажег его от трепещущего пламени ночника.

Прикрыв светильник ладонью, он направился к лестнице,

указав Лартигу:

— Идите первым!

Генерал пропустил женщину, до сих пор не проронившую ни слова и похожую на привидение. Затем, сделав знак Ла Виолету следовать за ним, поднялся сам.

Они вошли в пустовавшую комнату хозяйки кафе.

Госпожа Моран, по совету Лартига, съехала, как только в ее кафе разместились восставшие. Она забрала с собой лишь самые ценные вещи и укрылась у родственницы, живущей в пригороде.

Анрио поставил огарок в пустой подсвечник и, указав на кровать и пару кресел, стоявших в комнате, глухо сказал:

— Присаживайтесь…

Лартиг и Ла Виолет уселись на кровать.

Женщина неподвижно стояла и, казалось, ничего не видела и не слышала. Анрио повторил чуть громче:

— Присаживайтесь…

И указал на одно из кресел.

Так же молча женщина опустилась в него.

— Друзья мои, — начал Анрио, пытаясь сдерживаться. — Мы собрались вроде бы на военный совет… Позвольте мне, прежде чем вы услышите то, чего я жду от вас, для восстановления справедливости объяснить, кем является женщина, которую вы видите здесь. Вот она сидит перед вами, покорная и молчаливая, лихорадочно обдумывающая, как ускользнуть от нас и снова заняться любимым делом — шпионажем и предательством… да, нам конец, если она найдет способ бежать отсюда и мы встретимся с ней где-нибудь позднее…

Плащ на женщине едва заметно колыхнулся, легкое движение руки под ним выдало ее волнение.

Анрио продолжил:

— Эту женщину, друзья мои, зовут баронесса де Нефвиль. Она была очень красива, за ней увивались многие, она и сейчас все такая же соблазнительная и опасная… Из-за нее сгинул не один из моих друзей, не один из благородных и доблестных умов, которые служили славному делу свободы и подготовили рассвет, что мы видим сейчас… Тюрьмы полны ее жертвами… Она приложила руку к тому, чтобы отправить на эшафот многих, очень многих… Эта гадина сыграла свою роковую роль в том, что почти все смелые и отлично подготовленные заговоры закончились смертными приговорами в Сомюре, Безансоне, Гренеле, и эта сообщница палача…

Лартиг с отвращением вздрогнул, а Ла Виолет не смог сдержаться:

— Тварь!..

Анрио заговорил вновь:

— Она не сможет это отрицать. Она знает, что мне известно все о ее злодеяниях. Стоит ли добавлять, друзья мои, еще один факт, касающийся лично меня?.. Уж вы посмеетесь над моим безумием и достойно оцените мою слепоту… но должен признаться вам… По роковой случайности я встретил это создание на своем пути… Я поддался на ее улыбки, чарующий голос, милую беспечность, ее отношение ко мне, обещания… Она близко сходилась с бывшими офицерами императорской армии… Притворялась, что разделяет их сомнения, поддерживает их надежды, и все это для того, чтобы вытянуть из них побольше сведений… Я вам сказал, сколько благородных и дерзких проектов выдала, она вместе с головами тех, кто их разработал. Мне сохранили жизнь, но коварство этой женщины беспредельно. Если она и оставила меня в живых, то лишь для того, чтобы обречь на невыносимую бесконечную пытку заключения, на ужасное существование. Ты знаешь об этом, Ла Виолет, Лартиг — нет, и он должен понять, до каких пределов дошла эта гадина в своей гнусности…

Анрио замолчал, видимо, чтобы собраться с мыслями и оживить воспоминания.

— Я буду краток, — продолжил он, — ибо время торопит, скоро рассвет, и долг зовет нас на баррикады… Я уже говорил вам, что влюбился, глупец, в эту женщину… Мы стали близки… Я совершил ужасную ошибку, доверив ей тайну, которая принадлежала не только мне… Был организован заговор с целью освобождения императора Наполеона, узника англичан на Святой Елене… Не открывая имен главных заговорщиков… ты был среди них, Ла Виолет… я достаточно много сказал ей о плане, чтобы об этом узнала полиция и предупредила англичан о предстоящем побеге… Я был арестован… и упрятан в тюрьму на долгие годы… Наконец, мне смягчили заключение. Перевели в Шарантонский приют… Меня держали там как сумасшедшего, меня, Анрио, старого солдата, у которого не было другого безумия, а это можно назвать именно безумием, кроме любви к этой женщине и веры в ее любовь, ее красоту, ее верность… Благодаря известным событиям, я смог вчера сбежать из моего застенка… В первое мгновение я думал лишь о том, чтобы бороться за народное дело и умереть за свободу нации. Для этого пришел на баррикаду и принял командование ею… Но в канун сражения я думал… Душой и умом чувствовал, что эту женщину ждет наказание, а так как она, вероятнее всего, ускользнет от народного суда, то ей не избежать моего… Ее деяния должны быть раскрыты и наказаны… мной! Все мои товарищи, которых она бросила в тюрьму,

толкнула на эшафот, ждут отмщения. Я, единственный из выживших, судил ее… и приговорил! Единственно, почему я колеблюсь привести приговор в исполнение, так это потому, что являюсь и судьей и одновременно жертвой этой злобной женщины… Именно для этого я собрал вас здесь и привел сюда это ничтожество, которое смог бы убить как вредоносную тварь в любом темном углу. Восстание помогло мне с Лартигом проникнуть к ней, я захватил ее врасплох и привел к вам… Друзья мои, жду вашего решения…

— Ей поможет только пуля. Так я думаю! — сказал Лартиг.

— А ты, Ла Виолет? — спросил Анрио.

— Как и вы оба, я думаю, что эта особа — отъявленная гадина, — ответил солдат наполеоновской гвардии, — …и, как Лартиг, считаю небольшой потерей для общества пустить ей пулю в голову и подкинуть к тем храбрецам, что погибли вчера и позавчера… с обеих сторон баррикад… Н-да, там лежат более ценные, нежели она! Но я вам уже сказал, генерал, когда вы обмолвились о деле, всегда слишком тяжело убивать кого-нибудь вот так, хладнокровно, не в сражении и вдали от шальных пуль… Стрелять в безоружного мужчину противно, но в женщину…

— Остановись, Ла Виолет! Она не моргнув глазом отправила на смерть…

— Мне хотелось бы кое-что услышать от нее, — возразил Ла Виолет. — Раз мы судьи, а дама — обвиняемая, она имеет право защищаться… Ну-с, мадам, слышите? У вас есть, что ответить, может быть, опровергнуть сказанное только что?..

Баронесса де Нефвиль откинула вуаль и надменно оглядела судей.

— Мне нечего сказать, — проговорила она. — Ко мне проникли неожиданно, как злоумышленники. Схватили меня от имени так называемой повстанческой власти, которую я не признаю… Господа, вы привели меня сюда, угрожая пустить мне пулю в голову на первом же углу, если я буду сопротивляться, если захочу убежать… Я подчинилась силе… пошла с вами… Вы повстанцы, значит, разбойники. Вы сильнее меня, я не могу ни сопротивляться, ни протестовать… Делайте со мной, что хотите, но, надеюсь, вы недолго будете наслаждаться безнаказанностью. Войска еще вернутся… Придет подкрепление из Руана, Лилля, Орлеана… Париж окружат штыки и пушки. Вы не сможете устоять… Ваши баррикады будут разрушены, а бежавших защитников выловят и перестреляют… О! Вы можете убить меня, я буду отомщена!.. Ну же! Вас трое, да что это я говорю? Вас сто, тысяча против одной женщины, потому что весь квартал в вашей власти и внизу, в зале, через который мы прошли, вооруженные

мужчины только и ждут вашего приказа, чтобы ворваться сюда и поддержать вас в храбром сражении… Ну же! Не бойтесь, у меня нет оружия… Это же ваше ремесло — убивать!..

Она с вызовом взглянула на них, желая, казалось, привести их в смущение, спалить пламенем своего взгляда и подавить незыблемой твердостью характера.

— Да, — вновь заговорила она, — я прошу у вас милости… единственной… когда вы будете убивать меня, не стреляйте в лицо. Для этого есть грудь, сердце… Избавьте меня от посмертного уродства. Я не хочу выглядеть безобразной после смерти и перепугать тех, кто швырнет мой труп на мостовую… Считайте это женским капризом, последним желанием приговоренной к смерти. Такие желания обычно исполняют…

Мужчины смотрели друг на друга с явным недоумением. Хладнокровие и насмешливое спокойствие этой женщины останавливали их в выполнении принятого ими решения.

Анрио волновался больше всех. Когда баронесса подняла вуаль и он увидел ее лицо, так давно им обожаемое, лицо, которое, как она опасалась, обезобразят пули, генерал не смог сдержать дрожи. Ему казалось даже, что биение его сердца можно было услышать на баррикаде.

Красота ее немного увяла, но все еще вызывала желание, и, как прежде, эта женщина подчиняла своей утонченной грацией.

В ее присутствии он испытывал неожиданное волнение, его воля слабела, отступали ненависть и жажда мести. Все было так, как и раньше.

Генерал приложил бешенное усилие подавить эту слабость, которой он, казалось, захлебывается. Он судорожно пытался ухватиться за соломинку.

— Еще несколько слов, друзья — воскликнул он — они окончательно раскроют омерзительную сущность этой женщины… Когда мы с Лартигом и еще несколькими людьми с соседней баррикады, пришедшими нам на помощь, проникли в дом, мадам собиралась бежать и сжигала бумаги, компрометирующие ее… Мне удалось спасти один лист… Вот он…

Анрио извлек из кармана обгоревшее письмо и придвинулся поближе к свече:

— Это послание адресовано австрийскому правительству, Меттерниху… Из того, что осталось от гнусного письма, можно понять, что речь идет о заговоре, похожем на те, что мы раньше устраивали с Ла Виолетом. Ты помнишь, дружище, когда мы хотели забрать из Вены и привезти в Париж Марию-Луизу с королем Римским… Храбрые молодые люди, входившие в венту

ломбардских карбонариев, решили с первыми выстрелами нашей славной революции, теперь частично свершившейся, отправиться в Вену. Там они должны были объединиться с некоторыми посвященными… Эта гадина упомянула графиню Наполеон Камерата как руководителя карбонариев… В Шенбрунне они хотели встретиться с сыном Наполеона, которого там называют герцогом Рейхштадтским.

Они намеревались, напомнив ему о знатном происхождении, убедить юношу прибыть во Францию, предстать перед народом, который только и знает, что говорит о славе его отца. Это имя вызвало бы одобрение народа, всколыхнуло армию и решило выбор преемника Бурбона, которого мы сейчас изгоняем…

— Превосходная идея! — воскликнул Ла Виолет.

— Имя Наполеона дорого всем патриотам, — Лартиг стукнул себя по лбу, как будто сделал открытие… — Наполеон II, лучший из кандидатов… Черт побери! Я и не подумал об этом. Вы знаете, я республиканец, но если республика невозможна, если мы еще не созрели для народного правительства, то уж лучше сын Наполеона, чем кто-либо другой… Кого еще можно назвать?

— Ну-ну, остыньте, дорогой! Придется отказаться от этой затеи, друзья мои, — печально возразил Анрио. — Этот прекрасный план на сегодня уничтожен… Австрия предупреждена, полиция рыщет в окрестностях дворца Шенбрунн, сын Наполеона под таким надзором, что и мышь к нему не проскочит, не говоря уж о его отъезде во Францию… Наша дама, узнав о заговоре, сразу же все передала Меттерниху… Этот клочок письма только подтверждает, что секретные сообщения были переданы в предыдущем послании, до закрытия границы… Второе письмо, это, она собиралась отправить, как только восстановится связь…

— Так это письмо лишь подтверждает предыдущее сообщение? И в нем нет ничего нового? И она никого более не предает?

— Если бы… Судите сами, гнусности этой твари нет предела… Она пишет австрийскому канцлеру во второй раз лишь для того, чтобы сообщить имя одного из храбрейших граждан, отправившихся в Вену сблизиться с сыном Наполеона… Так вот, этот несчастный, кого она с присущей ей беззаботностью отдала на растерзание австрийским ищейкам и обрекла на строжайшее содержание в Шпильбергской крепости, влюбился в нее и признался ей в этом (глупость и неосторожность!). Она одаряла его ласками, как многих других… Теперь мы знаем имя этого молодого человека, австрийцы же — пока нет. Его зовут Андре Лефевр… Бывший моряк…

— Андре?! Андре Лефевр?!. И она его выдала?!. Несчастная! — выпалил Ла Виолет, угрожающе наступая на баронессу, будто хотел задушить ее собственными руками.

Тем не менее, успокоившись, он сказал Анрио:

— Вы правы, генерал, эта женщина не заслуживает жалости… Прикончить ее, как гадюку, после того что она сделала с Андре! Друзья мои, Андре — сын Шарля Лефевра, внук герцога Данцигского, о котором меня так просила заботиться его мать. И моего парня эта мерзавка хотела сдать австриякам?! А, тысяча чертей… Как хорошо, что вы вовремя вытряхнули из нее это письмо!.. А я, старый дурак, что делал я в это время?.. Мне доверили ребенка его мать и бабушка, а я позволил ему попасться в сети этой твари… Мальчишка тоже хорош, ничего не сказал мне о своем плане! Как здорово — вернуть молодого короля! Хоть я и старик, у меня еще есть порох в пороховнице и я охотно ввязался бы в авантюру, как раньше, когда мы хотели привезти его назад вместе с чертовски дрянной матерью. Вы помните, генерал?.. О, как бы мне хотелось отправиться вместе с моим дорогим Андре и увидеть Наполеона II! Только бы он согласился вернуться! Значит, пока я, сгорая от нетерпения пострелять, шатался по баррикадам, мальчишка, пообещав вести себя как следует… Бабушка оставила ему двенадцать тысяч фунтов… и он собирался учиться на адвоката, странно, не находите ли, для внука маршала? Да, так значит, когда я совсем не надолго оставил его, чтобы «потолковать» со швейцарцами, мой пострел удрал в Вену, без предупреждения… Черт, черт, черт! Он воспользовался тем, что я занят, и сказал себе: «Ла Виолет развлекается, паля из ружья, до меня ему и дела нет…» Нет, так не пойдет! Пожалуй, я все же догоню его в Шенбрунне… Но подождите! Полагаю, что Лартиг со мной согласится… Раз вы представили нас как военный совет, я выскажусь первым, как младший по званию, ибо вы генерал, а Лартиг вообще не военный… Правда, во время революции все гражданские становятся военными в чине офицера, потому что командуют постами, ротами… Ну ладно, мой приговор — смерть!

— А вы, Лартиг? — нетерпеливо спросил Анрио.

— Смерть!..

— Два голоса и мой — три! Единогласно! Вы приговорены к смертной казни, мадам, — сурово объявил Анрио, глядя прямо в глаза баронессе, которая, не дрогнув, выдержала этот взгляд. Казалось, даму вообще не трогала страшная участь, уготованная ей «революционным трибуналом».

Генерал добавил:

— У вас есть что добавить в вашу защиту?

— Ничего, кроме того, что я уже сказала… Нет, ничего, — повторила она низким голосом, в котором явно проступала угроза, — ваша пародия на правосудие не способна испугать и поставить меня на колени. Вы не являетесь представителями закона, я в ваших руках… Чем раньше вы освободите меня от жизни и вашего отвратительного присутствия, тем лучше! Давайте же! Быстрее! Чего вы ждете? Кстати, скажу напоследок: вы сильно заблуждаетесь, если думаете, что было два письма. У вас в руках не второе, а третье… Это только дубликат, отправленный на случай, если предыдущее письмо опоздало из-за восстания и непредвиденных задержек. Будьте уверены, его получат… О молодом человеке, которым вы интересуетесь, Андре Лефевре, известно полиции. Стоит ему прибыть в Австрию, его выследят и арестуют… Остальное зависит от императора Франца-Иосифа… Коль вы его друзья, то знайте — он мертв или навсегда потерян для вас… Я отомщена, господа!

— Гадина!.. — зарычал Ла Виолет. — Друзья, что же такое она мелет?! Надо спасать ребенка… Если что случится, меня никогда не простят ни его мать, ни бабушка — вдова маршала, ни прелестная девушка Энни, с которой он забудет эту гнусную тварь… Я отправляюсь в Вену, как только откроют границы и если меня не убьют сегодня вечером… Но давайте по порядку… Прежде надо наказать эту мерзавку! Пошли!..

— Минуту, — остановил его Лартиг, — нужно действовать не только по порядку, но и по закону… Еще не совсем рассвело! Ночью не расстреливают. Нужно дождаться утра… И потом, товарищи на баррикадах должны знать, что происходит… Когда им скажут, что мы схватили шпионку, сдававшую наших братьев полиции, они одобрят все действия, но нужно, чтобы они знали и видели!.. Это будет более законно, они дадут несколько человек для исполнения… Мы не убийцы, как утверждает мадам, мы совершаем правосудие… Правосудие не прячется в темноте… Дождемся утра!

Лартиг принадлежал к тем демократам-моралистам, которым любой революционный акт казался священнодействием, требовавшим неукоснительного соблюдения определенного ритуала.

Анрио согласился и отложил казнь до рассвета.

Он отправил Лартига и Ла Виолета на баррикаду, пообещав присоединиться к ним для исполнения только что вынесенного приговора. А сам пока будет охранять преступницу.

Друзья ушли, Анрио и баронесса остались один на один.

Оба молчали. Анрио подошел к кровати, где только что сидели Ла Виолет и Лартиг. Он избегал смотреть на баронессу

Она же, опустив голову, казалось, погрузилась в размышления.

Женщина уже не выглядела сильной, дерзкой и циничной, как несколько минут назад. Она не бросала вызов тому, кто схватил ее, привел в эту комнату и отдал под мстительный и злобный суд мятежников, рассказав о прошлом и раскрыв совершенную ею подлость. Перед Анрио сидела охваченная раскаянием, покорная и слабая женщина. По ее щекам текли слезы, которые она вытирала украдкой, будто стыдясь этой своей слабости и недостойно прожитой жизни.

Анрио смотрел на слезы и… ее грудь. Он почувствовал желание и усилием воли попытался подавить его.

Вдруг баронесса, сотрясаясь в нервном припадке и ломая руки, воскликнула:

— Я… умираю! Задыхаюсь!.. Воздуха!

Анрио, сам того не желая, бросился к ней:

— Что с вами? Что?..

— Воздуха! Задыхаюсь… Нечем дышать! Воздуха!

Она поднесла руку к корсажу, рванула его, открыв взору Анрио шею и ложбинку между грудей.

Это ошеломило генерала. Ему захотелось отвернуться. Он снова направился к кровати и сел.

Баронесса из-под опущенных ресниц следила за его движениями.

— Анрио! Анрио! — воскликнула она, как бы из последних сил, — неужели вы в самом деле позволите этим людям убить меня? Анрио, вы уже сжалились надо мной, когда я задыхалась… приблизились, а затем отступили… Я вызываю у вас ужас? Но вы же любили меня, Анрио! Неужели вы забыли, как любили меня?!

— Господи! Да не оскверняйте этого слова… Разве между нами была любовь? С вашей стороны — лишь коварство и предательство…

— Пощадите, друг мой, не обвиняйте меня! Я не знала, что делала, меня втянули, как я страдала, о, как я страдала! Анрио, сжальтесь!

— А где была ваша жалость, когда вы меня выдали… когда хотели навечно упрятать в тюрьму?

— Анрио! Анрио! Выслушайте меня… Всего пару минут, из сострадания. Говорю же, я не была вольна в своих действиях… Я подчинялась этим ничтожествам… Это они превратили меня в свою игрушку, инструмент… Вы не знаете, что могут потребовать те, кто держит вас в своей власти!

— И как же вы попали… в их власть?

— Однажды я допустила ошибку… Совсем незначительную! Они знали и, сильно преувеличив, угрожали разгласить тайну… Я

стала рабыней… Простите меня, Анрио! Я не хотела… Ну скажите, что прощаете! Это не помешает вам убить меня, но я умру спокойной, счастливой, если буду знать, что вы простили меня… Анрио, умоляю! Вы же меня любили и все еще любите, быть может! О, молчите! Нет! Сделайте это для меня — простите!

Теперь уже баронесса со знанием дела гипнотизировала Анрио, как удав кролика, медленно приближалась к нему. Расстояние между ними сокращалось. Анрио ощутил на своем лице теплое дыхание. Ее глаза блестели совсем рядом и зачаровывали его. Он почувствовал странное головокружение. Слова застряли в горле. Генерал забыл обо всем на свете и, казалось, ничего не видел. Анрио уже не соображал, где находится, не узнавал комнаты вдовы Моран, не понимал, почему он здесь. Он все забыл — баррикаду, кафе, участников восстания, спавших на банкетках и бильярдном столе, Ла Виолета, Лартига, граждан, ожидавших его для исполнения приговора…

Он не чувствовал ничего, кроме одного — эта женщина пела ему любовную кантилену голосом сирены, он любил ее… Вот она стоит возле него, изящная, по-кошачьи мягкая и гибкая, обволакивающая… и ее глаза, прекрасные, бездонные, незабываемые глаза… они совсем рядом. В них, как в зеркале, Анрио увидел себя молодым, влюбленным, страстным, доверчивым, захмелевшим… Исчезла комната госпожи Моран… Он снова находился в салоне, где пережил столько счастливых часов… Его уши ласкали слова из прошлого. Анрио не был больше командиром баррикады, сумасшедшим, заключенным. Он снова стал блестящим, еще молодым генералом, счастливым любовником далеких лет. А она, волшебница той поры? Вот она, рядом, как и прежде. Чары действовали на него, уводили за пределы реального. Какая разница в конце концов? Пусть это безумие, но какое безумие! Сладостное безумие! Счастье еще возможно, он любит ее, его влечет к ней, она безраздельно царит в его сердце, мыслях, крови, коже! А она?.. Да разве можно сомневаться в ней, такой нежной, доброй, преданной…

Баронесса неумолимо приближалась к изнемогающему от страсти генералу. Он уже в ее власти, иначе и быть не могло. Ей, колдунье, это ничего не стоило. У нее был талант, и баронесса знала, как им пользоваться. Черная бездна, разверзшаяся там, где положено быть душе, ликовала, предвкушая победу.

«Надо бы закачивать, — подумала эта ведьма, всматриваясь в приоткрытую дверь, выходящую на лестницу. С минуты на минуту могли ворваться те, кто без разговоров поволокут ее на расстрел. — Времени у меня нет!»

Она рванулась к Анрио и прижалась к нему со всей силой

своей страсти.

Растерявшийся генерал, неспособный сопротивляться и что-либо понимать, целиком отдался охватившему его опьянению, оглушившему сознание и подавившему волю. Власть над ним этой женщины вновь обретала силу, а возможно, никогда его не отпускала…

Опустошенный, расслабленный телом и душой, он как будто пробудился от глубокого сна, но еще не знал, на каком свете находится. Баронесса надменно и величественно смотрела на него. В глазах ее читался вопрос.

Окончательно побежденный, раздавленный, сломленный, Анрио не находил в себе сил подняться с развороченной постели. С трепетом он ждал, что прикажет ему та, кому снова принадлежали его душа и тело.

Она нежно ласкала его, все еще сжав в объятиях, потом шепнула, как если бы речь шла о чем-то незначительном, подарке или капризе очаровательной женщины, которая не приемлет отказа:

— Так неужели и теперь, друг мой, ты допустишь, чтобы эти люди убили меня?..

— Нет!.. Нет!.. Это невозможно… теперь! — лепетал Анрио.

— Ты скажешь им?.. Отправишь их?..

— Да… я скажу им… А что мне им сказать?

Баронесса замерла. Нельзя было допустить, чтобы Анрио пришел в себя. Надо быстрее уводить его, пока он не в себе под влиянием любовного яда, которым она отравила его.

Хватит уговоров, пришло время действовать.

— Быстрее! Идем!.. — она с силой дернула его за руку. — Уведи меня подальше отсюда… спаси меня!

— Да… конечно, — подчинился Анрио. — Уходим, пока они не вернулись!

На мгновение в нем проснулось раскаяние. Он представил себе Лартига и Ла Виолета, обнаруживших, что он увел пленницу безо всяких объяснений.

Генерал поднялся и последовал за ней. Она выскользнула на лестницу, прислушиваясь, не раздаются ли внизу шаги тех, кто идет расстреливать ее.

По-прежнему было тихо. Баронесса перевела дух. Еще несколько минут — и спасена!

— Идем! — шепнула она.

И схватив Анрио за руку, она увлекла его за собой. Как тени, пробрались мимо спящих. Никто не проснулся.

Рассветало. Серая дымка окутала печные трубы. Еще немного, и взойдет солнце, позолотит крыши, еще немного, и палачи

потребуют свою жертву.

Анрио взбодрил порыв свежего ветра. Он почувствовал себя лучше и понял, что делать.

Схватив баронессу за руку, генерал уводил ее. Только не шуметь, чтобы избежать тревоги! Он резко свернул направо, на улицу Мандар. Мостовая была разворочена, булыжники требовались на баррикаде.

Баронесса не отставала от него, тяжело дыша и не произнося ни слова. Она сознавала опасность — встреча с восставшими и их вопросы могли изменить настроение Анрио и тогда расстрела не миновать.

Однако самообладание ни на минуту не покидало ее. Она уверенно шла, иногда спотыкаясь о камни, но тотчас же нагоняя молчаливого проводника. Короткая улица Мандар показалась ей нескончаемой.

Дойдя до лаза в нагромождении камней, перегораживавших улицу Мандар на выходе к Монмартру, Анрио остановился.

Баронесса вздрогнула. С десяток мужчин сидели на камнях или опустившись на корточки. Один стоял на часах с ружьем. Это был аванпост, в задачу которого входило не допустить внезапного нападения.

Анрио сделал знак часовому.

— Я выведу даму за баррикады и вернусь, — сказал он.

— Будьте осторожны, гражданин… Я слышал со стороны Монмартра шаги и бряцанье ружей… Должно быть, там передовая линия…

— Да нет, я недалеко… только отведу гражданку до улицы Фоссе-Монмартр, она там живет…

— Удачи, гражданин! Когда вернетесь, не забудьте крикнуть: «Друг!», а то вас застрелят те, кто еще не спит… Они не видели, как вы уходили, и, проснувшись, могут поздороваться пулями…

— Спасибо за предупреждение. До скорого, гражданин!.. — поблагодарил часового Анрио, пропуская вперед спутницу.

Они вышли на Монмартр, пустынный и не загроможденный баррикадами. Путь их лежал по направлению к улице Фоссе-Монмартр. Так баронесса могла добраться до площади Победы и оттуда — до более спокойных кварталов…

На углу Анрио остановился и прислушался. Откуда-то отчетливо доносился глухой гул, который указывал на большое скопление людей. В спокойной тишине рассвета раздавались лязг клинков и щелканье затворов.

— Солдаты недалеко! — шепнул Анрио баронессе.

— Часовой был прав… Надо бы поосторожнее…

Баронесса даже не удостоила его взглядом и кинулась бежать

на улицу Фоссе-Монмартр к солдатам, ожидавшим сигнала атаки…

Она закричала изо всех сил:

— Ко мне! Ко мне! Друг!

Солдаты никак не ожидали увидеть перед собой одинокую женщину, которая, судя по одежде, принадлежала к высшему обществу. Они разомкнули ряды и указали на капитана, спешившего к ней с вопросами о том, что она делала на улице между двумя линиями огня и чего ей нужно.

— Там… там! — срывающимся голосом повторяла баронесса, показывая на улицу, откуда только что прибежала. — Повстанец… это командир… Он очень опасен… схватите его… и вы сможете застать врасплох баррикаду…

Капитан тотчас же отправил четырех солдат на поиски повстанца и, повернувшись к баронессе, приказал:

— Следуйте за мной, мадам, мне нужно услышать ваши объяснения.

Баронесса, не колеблясь, последовала за капитаном туда, где расположилось отделение с младшими офицерами.

Она не испытывала страха и чувствовала себя в безопасности среди защитников порядка. Во время короткого допроса ее занимало только одно: судьба повстанца, на которого она указала.

Ей не терпелось услышать, что Анрио поймали и расстреляли.

Бедняга генерал застыл на месте, когда понял, что баронесса бежала. Итак, она использовала его и покинула без единого слова благодарности, слова надежды, даже не попрощавшись.

Его пронзила страшная догадка: он снова стал жертвой этой коварной женщины. Жизнь ничему не научила его. Какая глупость!.. Поверить в ее любовь… Он ожидал хотя бы малой толики признательности за то, что спас ее от смертной казни, ничтожного знака внимания к влюбленному в нее идиоту.

Она бежала, как только ей представилась возможность.

Генерал понял все, услышав шум. До него, наконец, дошло, какая опасность угрожает ему…

«Она все такая же гадина, — подумал он, — я действительно сошел с ума! Надо же было дать одурачить себя еще раз… Конечно, мне самое место в Шарантоне, среди сумасшедших, и она подтвердила это. Отдаю ей должное!»

С этими мыслями он повернул назад, к баррикаде. Сон улетучился, вернулась горькая явь…

Все, хватит думать об этой женщине… она мертва и не существует для него… Он не может ни любить, ни даже

оплакивать ее…

Забыть, забыть! Сможет ли он? Клацанье затвора заставило его повернуть голову.

Он заметил нескольких солдат, которые осторожно следовали за ним, пытаясь не спугнуть…

За ними, шагах в пятидесяти, вырисовывалась темная масса наступающих пехотинцев…

Опасность вернула ему хладнокровие. Он был совсем рядом с улицей Мандар. Успеет добраться до первой баррикады…

Однако генерал вспомнил, что там едва ли наберется с десяток человек. Атаки с этой стороны не ждали. Если подавляющие силы противника захватят врасплох горстку защитников, которые частью еще спят, все будет кончено в считанные минуты. Как только солдаты овладеют улицей Мандар, то получат значительное преимущество и нанесут удар по главной баррикаде на углу Монторгей… Внезапное нападение скорее всего вызовет панику…

Генерал увидел, что солдаты рассредоточились и изготовились к бою, однако не стреляли. К ним подтягивался батальон пехоты, так же тихо, чтобы застать защитников баррикады врасплох, как кур на насесте.

Выхватив из-за пояса пистолет, Анрио наугад прицелился в солдат, идущих прямо на него, и выстрелил, вскричав:

— К оружию, граждане!

При звуке выстрела гребень баррикады мгновенно покрылся сражающимися. Раздался залп в направлении батальона — это ответили первые шеренги головной роты.

На подмогу им прибыли люди с других баррикад.

Началась бешеная пальба с обеих сторон. Монмартр утонул в дыму. Вскоре мостовая была усеяна трупами.

Среди них на этом поле чести лежал генерал Анрио, погибший от шрапнели. Бедный дон Кихот встретил смерть как герой.

Пока длился бой, баронесса де Нефвиль, выложив капитану все, что посчитала необходимым, благополучно добралась до своего дома в сопровождении двух солдат, которые, к несчастью, не знали, чем кончил повстанец, выданный ею на улице Монмартр.

Этот день, начавшийся в крови и ружейном грохоте, должен был стать последним для власти Бурбонов.

Вдруг стрельба прекратилась. Жирные буржуа, оказавшиеся против воли во главе движения, совершенно не поверили этой тишине.

Начались переговоры с герцогом Орлеанским. К принцу был

отправлен парламентер с приглашением от Лафита. Герцог Орлеанский ответил, что прибудет в особняк Лафита на следующий день утром.

— Не завтра, — возразил Лафит, — а сию минуту…

Собравшиеся у финансиста депутаты шептались, беспокоились, распространяли панические слухи. Поговаривали о переезде в Пале-Руайаль!

Если герцог Орлеанский испугался, тем лучше.

Постепенно все разошлись. Особняк Лафита опустел. Среди победивших, недоверчивых и неосознающих свою победу, распространялось мнение, что партия проиграна. Однако она была выиграна без возможности реванша.

К одиннадцати часам вечера Лафит, которого поврежденная нога удерживала в кресле, остался только с Бенжаменом Констаном.

— Ну, — спросил Лафит, — что станется с нами завтра?

— Завтра? — Бенжамен Констан ухмыльнулся. — Завтра нас повесят!

В лагере победивших еще не знали о победе, и даже узнай они о ней, то не поверили бы. Однако побежденные, король и его окружение, переживали смятение и растерянность, достигшие высшей точки.

Мармон издал приказ, в котором объявлял, что ордонансы, причина войны между армией и народом, отменяются; с утра начались переговоры, провести которые доверено господину Мортемару, назначенному премьер-министром; армия уже не воюет с народом, но обязана заботиться о защите короля и членов королевской семьи. Маршал добавлял, что не в его интересах допустить в Париже вторую Сарагоссу.

Дофина держали в заблуждении, что произошел всего лишь мятеж и только из-за чрезмерной мягкотелости и ошибочных действий Мармона парижан не образумили и не приструнили. По сему поводу наследник выпустил прокламацию, имевшую совершенно другой смысл.

В ней он приветствовал и благодарил солдат за их рвение и энергию, которые те проявили, защищая Францию от людей, чье исступление нарушило вдруг мирную жизнь страны. Он поощрял подавление и заканчивал с пафосом: «Солдаты Франции, будьте горды своей миссией. Европа смотрит на вас!»

Кичась своей абсурдной и кровавой прокламацией, дофин спросил у генерала Талона о произведенном ею впечатлении на войска в Сен-Клу, которые были с ней ознакомлены. Генерал ответил, что герцог де Рагуз сделал противоположное заявление.

Дофина охватила ярость. Он бросился на поиски Мармона и

встретил его в бильярдной, ожидающего аудиенции у короля. Увидев маршала, дофин вышел из себя, хватил об пол головной убор, который держал в руке, сделал знак Мармону следовать за ним и провел его в салон.

Едва за ними закрылась дверь, как все услышали шум. Дофин ругался, не выбирая выражений. Встревоженный офицер отправился на помощь. Маршал Мармон тотчас же выскочил, пятясь задом. Его преследовал дофин, оравший как резаный:

— Отдайте вашу шпагу!

Мармон протянул шпагу взбесившемуся принцу. Тот схватил ее и попытался сломать, но порезал пальцы. При виде собственной крови несчастный окончательно потерял самообладание и заверещал:

— Охрана, ко мне! Арестовать его!

Подбежавшие гренадеры взяли Мармона в штыки, едва не ранив. Маршала заперли в замке под неусыпным присмотром.

Тотчас же поползли самые тревожные слухи: открыт заговор во главе с герцогом де Рагузом… он выхватил шпагу против дофина и ранил его, когда тот защищался… Под сводами Сен-Клу разнеслось: «Спасайся кто может!»

Король, узнав о случившемся, навестил Мармона и попытался успокоить его:

— Мой сын был очень несдержан с вами, господин маршал.

— Слишком несдержан, Ваше Величество! — горячо возразил иуда, для которого наказание только начиналось. — Какие еще слова применимы к унизительному обращению, коему я только что подвергся? Я жертвовал большим, чем мог бы, только что не отдав своей жизни, и вот какими тяжкими оскорблениями меня отблагодарили!

Маршал Мармон посоветовал королю отступиться. Карл X еще колебался, но толпа, от полутора до двух тысяч человек, шла на замок.

Карл X стал умолять Мармона возглавить его личную охрану. Маршал согласился и тотчас же отдал приказ разобрать мостовую и перекрыть мост в Сен-Клу.

Ну прямо совсем как народ, строивший баррикады, чтобы защитить себя от королевской власти, королевская власть укрылась от народа в своем последнем бастионе.

Мармон собрал эскорт, и в половине второго ночи Карл X, герцогиня де Берри, герцог Бордоский и его сестра покинули замок в Сен-Клу, который им не суждено было больше увидеть.

Власть Бурбонов, детище эмиграции, установленная во Франции внешними врагами и внутренними предателями, перешла в разряд воспоминаний, особо неприятных для

французов. Отмщение великого мученика со Святой Елены не заставило себя ждать.

Меттерних и Бэтхерст

На следующий день после прибытия в трактир «Роза» графиня Камерата встала очень рано.

Из огромного кофра, составлявшего багаж, она извлекла амазонку и облачилась в нее. Бросив последний взгляд в узкое зеркало на свой туалет и обнаружив, что чего-то не хватает, она поискала в дорожной сумке и вытащила пару пистолетов, которые со знанием дела заткнула за пояс. Вот теперь туалет завершен.

Графиня Наполеон Камерата, дочь Элизы Бонапарт, являлась, таким образом, племянницей опального императора. Она очень гордилась своим родством.

Природа по странной случайности, которая заводит науку в тупик, подарила ей сходство с мужчиной, и каким мужчиной! Она была точной копией императора Наполеона, такой, что могла любого ввести в заблуждение: те же черные, живые и бездонные глаза, тот же широкий лоб, прямой нос — Цезарь да и только. Очень часто графиня Камерата забавлялась, изображая знаменитого дядю. Она заказала себе костюм, похожий на тот, что носил победитель при Аустерлице, и когда ее видели в нем, да еще в традиционной треуголке, многие чувствовали, что сходят с ума. Впрочем, умалишенной считали ее самое.

Выйдя замуж за старого итальянского аристократа, графа Камерату, которым она вертела, как хотела, несчастную жертву ее капризов и сумасбродств, графиня с некоторых пор возмечтала посадить шенбруннского затворника на трон, некогда занятый его отцом.

Она не была знакома лично с герцогом Рейхштадтским и знала о нем только, что он находится под постоянным и пристальным наблюдением и в полном неведении относительно славы его отца и судьбы Франции. Она знала также, что он был приятным и умным и в Вене его не просто уважали, но и любили.

Когда внук императора проезжал по городу, венцы мысленно желали ему подняться на трон, дабы Австрия увидела нового Наполеона.

Сумасбродная и взбалмошная, приняв собственные умозаключения за вполне реализуемые намерения, графиня окружила себя в своем венецианском дворце старыми солдатами Наполеона и Мюрата. Она разыскивала всех, кто по имени, службе или крови приближался к императорскому роду, представительницей которого считала себя. Среди них был, в

частности, один из наследников великого человека, сын королевы Гортензии, носивший титул короля Голландского, принц Луи-Наполеон Бонапарт, тогда студент в швейцарском кантоне.

В пылком и раздумчивом молодом человеке, несколько рассеянном, привносящем в разговор бессвязность и нестройность сознания, затуманенного мечтами, графиня Камерата усмотрела полезного помощника в ее великом намерении. Она откровенно изложила ему свой план.

Речь шла о том, чтобы организовать среди французов, живших за границей и благосклонно относящихся к реставрации Наполеона, нечто вроде заговора с целью воспользоваться первыми же начавшимися во Франции волнениями, принять в них участие, разжигая ненависть народа к Бурбонам. С помощью революции, если таковая потребуется, вернуть в Париж сына Наполеона и отдать ему трон отца.

Как только графиня узнала о событиях в Париже, об ожесточенных боях, которые разгорелись между народом и королевской гвардией, и о последовавших отречении и бегстве короля Карла X, то принялась за воплощение своих идей. Она спешно покинула Вену, не забыв предупредить принца Луи-Наполеона, чтобы тот был готов отправиться во Францию.

Сама она ехала в Шенбрунн с определенным намерением увидеть того, кого называли эрцгерцогом Францем, сослаться на родство, доказать ему, что его место в Париже, среди французов, и убедить тотчас же отправиться в Тюильри, вернув туда имя и славу Наполеона.

Графиня Камерата была несколько легкомысленна, и ей явно не хватало хладнокровия, без которого недостижим успех в такого рода предприятии. Прежде чем покинуть Вену, она не смогла удержаться и во время прощального обеда, данного небольшому кругу друзей, открыла часть своего плана.

На обеде присутствовал английский дипломат, сэр Уильям Бэтхерст, родственник влиятельного врага Наполеона. Англичанин демонстрировал полное безразличие ко всем политическим интригам. Обычно при нем говорили не стесняясь. Тем не менее его очень заинтересовало сказанное — а еще более недосказанное — графиней, и ему стало ясно, что поездка в Вену скрывала весьма серьезное намерение. С присущей дипломату проницательностью он догадался, что речь шла о шенбруннском затворнике. Бэтхерст содрогнулся при мысли Наполеона, о том, что сын взойдет на французский трон и его первой заботой будет, несомненно, отомстить за своего отца и взять реванш за Ватерлоо.

Никому ничего не говоря, но все же отправив в Министерство

иностранных дел сообщение о возможном заговоре с целью освобождения сына Наполеона из-под опеки Австрии и возвращения его во Францию с намерением, пока еще плохо оформившимся, но определенно опасным для Европы и угрожающим спокойствию Англии, сэр Уильям Бэтхерст спешно собрал чемоданы и последовал за графиней Камерата.

Приближаясь к Вене, он послал нарочного к Меттерниху и лорду Коули, английскому послу, предупреждая их о своем прибытии и сообщая, что обладает важной государственной тайной, открытие которой вызвало у него большое удивление и беспокойство.

Внезапно Бэтхерст увидел карету графини, за которой следовал от станции к станции, оставаясь незамеченным. Он послал разузнать. Оказалось, графиня, неважно почувствовав себя, решила передохнуть на постоялом дворе, прежде чем отправиться в Вену.

Сэр Уильям от этого известия тоже чуть не заболел: с одной стороны, нужно «присматривать» за дамой, а с другой — не терпелось переговорить С лордом Коули и Меттернихом. Блестяще решив задачу, он отправил новое послание, умоляя во имя самых серьезных интересов короны и спокойствия Европы найти его, и указал где.

К концу дня возле трактира остановилась почтовая карета и из нее вышли два человека: князь Меттерних и лорд Коули. Не называя себя, они попросили трактирщика отвести их к путешественнику, которого довольно хорошо описали.

Графиня Камерата намеренно остановилась в этом месте, чтобы герцог Рейхштадтский успел обдумать сообщение, которое она отправила ему и в котором просила о встрече. Шум почтовой кареты и приезд этих двух лиц застали ее врасплох и прервали мечтания о великом строительстве нового европейского здания, где она представляла себя на троне, рядом с созданным ею императором, можно сказать, духовным сыном.

Как все было красиво в ее восторженных мечтах — имперский орел, раскинувший крылья над Собором Парижской Богоматери; молодой Наполеон II, вступающий в столицу под колокольный звон и артиллерийские залпы!

Гром среди ясного неба! Один из приехавших в этот уединенный трактир оказался ни много ни мало самим князем Меттернихом, канцлером империи. Графиня Камерата глазам своим не поверила. Ну и ну! Какого черта ему понадобилось здесь? Из-за занавески она толком не смогла рассмотреть его спутника, наверняка из полиции. Это означало одно — ее выследили, собираются подвергнуть допросу и даже… арестовать!

Сердце готово было выскочить из груди. Графиня, прихватив с собой кое-какие бумаги, скользнула на лестницу, поднялась наверх и спряталась в пустовавшей комнате.

— Здесь они не додумаются меня искать! — размышляла она. — Канцлер и его спутник уедут ни с чем, а мне придется бежать, и быстро, не дождавшись ответа герцога. А может, лучше сейчас же отправиться в Шенбрунн и найти приют где-нибудь недалеко от дворца, Там мне больше повезет увидеть Франца, моего бедного затворника…

Прислушиваясь к шуму внизу, графиня с ужасом поняла, что кто-то вошел в коридор рядом с комнатой, где пряталась она. Шаги приближались. Если сюда войдут, все пропало. Где укрыться? Вдруг она заметила альков в глубине комнаты, нырнула туда и задернула занавеску, но так, чтобы можно было увидеть и услышать все, о чем станут говорить вошедшие. Дай Бог, узнает таким образом планы канцлера.

В комнату действительно вошли три человека, и графиня Камерата, оцепенев от потрясения, узнала среди них сэра Уильяма Бэтхерста, эту серую английскую мышку, гладко выбритого чистюлю с бесцветными волосами, большого любителя венецианских развлечений. И он здесь?! По какому случаю он следил за ней, ведь явно же следил, и что за дело у него к Меттерниху и человеку, который сопровождает канцлера?

Мгновенно собравшись, графиня Камерата уже не чувствовала страха.

— Спокойствие, прежде всего спокойствие! — сказала она себе. — Если меня спросят, я буду все отрицать. У них нет никаких доказательств против меня, никакого заговора не существует, весь план — в моей голове. Поскольку молодой герцог Рейхштадтский не принял короны, которую я ему поднесла на блюдечке, поскольку он не поддержал моей инициативы, меня нельзя ни в чем упрекнуть и обвинить… А все-таки интересно, что они задумали…

Вошедшие сели, и князь Меттерних обратился к Бэтхерсту:

— Мы, лорд Коули и я, поспешили сюда из-за содержимого вашей записки, где говорилось, что речь идет о важном деле.

— Очень важном, уверяю вас, господа!

— Вы действуете, — спросил лорд Коули, — по специальному поручению британского правительства?

— Нет, милорд, только по собственной инициативе. Однако должен вам сказать, что, направляя меня в Венецию, министерство иностранных дел поручило мне специальную миссию пристального наблюдения за всеми членами семьи генерала Бонапарта. Я не терял их из виду. У меня агенты

повсюду, где они живут. Мне известно, что делает экс-король Жозеф. Я имею сведения о сыновьях короля Мюрата. Мой человек служит при госпоже Летиции. У юного мечтателя из Тургау, сына королевы Гортензии, среди немногих друзей, отмеченных его особой близостью, есть один молодой англичанин, который направляет мне подробные отчеты обо всем, что тот говорит и думает, и о том, что говорят и думают в окружении экс-королевы Голландии. Наконец, недавно я пребывал при Пармском дворе, где, как известно Вашей Милости, Ее Высочество великая герцогиня Мария-Луиза глубоко скорбит в данный момент по поводу кончины своего премьер-министра, генерала Нейперга.

— Да, мы знаем об этом трауре, — прервал его князь Меттерних, у которого явно не было горячего желания выслушивать подробности о наследниках Наполеона. — Мы знаем все, что касается эрцгерцогини, и Парма не вызывает у нас беспокойства.

— Но, может быть, Ваше Сиятельство не знает еще, — Бэтхерст снисходительно усмехнулся, — что в Венецию, где я был неделю назад, приехал один французский дворянин, приятной внешности и уже в годах, но еще весьма представительный, смею вас заверить. Он оставался там недолго, прежде чем отправиться к великой герцогине Марии-Луизе, в Парму, исполнять при ней обязанности, которые до него были возложены на покойного Нейперга.

— Так-таки те же? — уточнил, улыбаясь, Меттерних.

— Именно так я имел честь сказать Вашему Сиятельству. Господин де Бомбель должен заменить Нейперга во всех ипостасях… Господин де Бомбель — мой друг, и через него, можете мне поверить, я буду в курсе всего, что происходит не только при дворе герцогини Пармской, но даже здесь. Пока же, надо думать, я не сообщу князю Меттерниху ничего нового, упомянув, что эрцгерцогиня приняла решение путешествовать…

— Путешествовать?! — воскликнул князь Меттерних, весьма удивленный.

— Да. Через несколько дней Ее Высочество будет здесь. Она хочет обнять своего сына, эрцгерцога Франца.

— Быть может, она хочет представить ему господина де Бомбеля? — предположил лорд Коули с убийственной иронией.

— Благодарю вас, — произнес канцлер, ничем не обнаруживая истинного отношения к дочери своего монарха, — за исчерпывающие данные и приветствую ваше рвение, с которым вы служите вашему правительству, а также Европе… Мы при случае выразим вам признательность, и я не премину довести до сведения Его Величества вашу преданность и ваше старание.

— В свою очередь я благодарю вас, Ваша Светлость, — ответил сэр Уильям Бэтхерст, — но я не достоин такой награды, я всего лишь пес, который охотится для собственного удовольствия, забыв о хозяине.

— Вы… охотитесь?

— Да, — высокомерно произнес Бэтхерст, меняя выражение лица. Глаза его сверкали, и он, изо всех сил сдерживая себя, почти кричал:

— Я ненавижу наполеоновское отродье всей душой, я поклялся уничтожить их! Пока будет жив хоть один отпрыск ненавистной семьи Бонапартов, даже отдаленно представляющий угрозу не только моей стране, но и всему человечеству, я буду стремиться стереть его с лица земли. Я раздавлю их змеиные головы, чтобы они никогда не посмели возродиться!..

Произнося эти слова, сэр Уильям Бэтхерст стал похож на фанатиков прошлого, тех, кто не боялся пустить в ход кулаки или яд, служа делу, поддерживая культ, подчиняясь пророку или клятве.

— Значит, это вашей ненависти к семье Бонапарта мы обязаны сделанным нам только что предупреждением? — уточнил князь Меттерних все так же холодно и без какого-либо выражения. — Мы признательны вашей ненависти…

— Так Наполеон причинил вам много зла? — тихо спросил лорд Коули. — Вы кажетесь слишком молодым, чтобы пострадать от этого головореза, от которого наше правительство освободило Европу… Вы не знали это чудовище… Только когда он испустил дух, все смогли успокоиться. Пока же его держали на Святой Елене, никто ни в чем не был уверен. Какое счастье, что он больше никого не держит в страхе!..

— Пусть он не причинил зла лично мне и не уничтожил кого-нибудь из моей семьи, я все равно ненавижу его! — выкрикнул дипломат. — Точно так же ненавижу всех его потомков и родственников… Самое омерзительное, милорд, что Наполеон дешевой демагогией, подкрепленной авторитетом победителя, завоевателя, растлил человечество и нанес немалый вред всем нациям… Народ постоянно пребывает под влиянием идей этого проходимца, подкинувшего им революцию как способ бытия. Сражения, победы, захват территорий — вот дурман, которым он наполнил головы тех, кто были его подданными, а также тех, кто будут их потомками… Еще немного и, вспомнив о своем великом победителе, французы бросят вызов Европе, попытаются вновь расшатать согласие между нациями, с таким трудом налаженное на Венском конгрессе. Эти победы преходящи, они рассеялись, как дым, их материальное влияние исчезло, но дух остался — и

он опасен. Единственно правлению этого сумасшедшего мы обязаны тем, что по всему миру расползлись идеи вольнодумцев, этих еретиков-просветителей XVIII века. Нечего и говорить, что попав на благодатную почву, возделанную Наполеоном, они пустили корни и теперь пышные цветы источают яд. Он пресек нормальный ход обогащения Англии континентальной блокадой. Если бы это было только временное бедствие! Нет, Наполеон посеял в мире бунт против легитимной власти, который подорвет королевскую мощь. Помните, он предсказал, что еще до конца века Европа окажется не казачьей, не австрийской или английской, а республиканской… Этот авантюрист расшатал все троны. Народы требуют конституций, ждут спасителей, героев, феноменальных чудовищ, подобных ему…

— Эта опасность нам не угрожает… пока, — возразил Коули.

— Она близка, милорд! Через всю Европу Наполеон пронес кровавый штандарт революции… Он научил народы избавляться от легитимной власти; он показал, что можно безнаказанно попирать божественные законы и все, что есть святого; он бросил в грязь и унизил знать, отобрав у нее титулы и присвоив их людям самого низкого происхождения. Одни стали известными под гром сражений, другие, получив захваченные территории, возомнили себя королевской властью.

— Это происходит оттого, — разъяснил Меттерних, — что разбойник воспользовался нашими владениями, как будто имел на это право. Откуда взялись князь Эсслинг, герцог Ауэрпггадтский, герцог Данцигский? Тревизо, Беллуно, Таранто, Гаэта, двадцать других городов итальянской земли, часть которой принадлежит нам, послужили апанажами, к счастью, такими же иллюзорными, как и его власть, всем солдатам, отличившимся на полях сражений.

— Англия, слава Богу, не испытала такого оскорбления… Ее миновала подобная пародия на знатность… — вмешался лорд Коули, — но этот молодой человек прав: добрый англичанин должен ненавидеть не только Бонапарта, на которого сэр Хадсон Лоу постоянно жаловался в бытность свою губернатором на Святой Елене, но также всех из его племени. Опасность от их происков, интриг, авантюрных выходок представляется немалой. Одно имя Наполеона — клеймо для всех, кто его носит.

— Вы правильно поняли меня, милорд, — обрадовался сэр Уильям Бэтхерст. — Пока живут и здравствуют Бонапарты, Европе не видать покоя.

— Думаете, вам удастся отправить в могилу всех, в ком течет его кровь, всех родственников Бонапарта? — в голосе Меттерниха прозвучала ирония.

— А почему бы и нет? — парировал фанатик. — Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь из этих авантюристов поднялся на трон Франции… или какой другой, — мрачно добавил он.

— Не думаю, что подобная опасность существует, — медленно начал князь Меттерних, стараясь не показывать, что понял зловещий намек, — ни один из членов семьи Бонапарта не претендует… Нет того, кто мог бы мечтать о каком-либо троне, даже незначительном герцогстве…

Меттерних напомнил присутствующим, что герцог Рейхштадтский, которого касались угрозы Бэтхерста, был объявлен лишенным права наследовать своей матери и ему не достанется даже маленькое герцогство Парма.

— Прошу прощения, князь! — прервал его Бэтхерст. Он настолько был охвачен ненавистью, что забыл об этикете. — Вы так не думаете, потому что прекрасно осведомлены, что по меньшей мере один из этих опасных наследников может претендовать… и если вы не подозреваете об опасности, события, только что произошедшие во Франции, должны вас просветить…

— Не вам, молодой человек, — осадил его канцлер, — подозревать и обвинять особу королевской крови, который к тому же, поверьте мне, совершенно вне революций и смены династий.

Князь Меттерних склонился к уху лорда Коули и шепнул:

— Наша уверенность в отношении сын Наполеона безгранична. Вам ясно? Безгранична…

— Он достаточно умен для этого? — спросил лорд Коули.

— Как Соломон… Я хочу сказать, — канцлер улыбнулся, — герцог Рейхпггадтский молод… У него есть свои интересы… А почему нет? Пусть наслаждается двадцатилетним возрастом… Так вот, сейчас, представьте себе, у него развивается роман с придворной чтицей, некой Лизбет… впрочем, довольно приятной особой, из благородных, но разорившихся дворян. Мы закрываем на это глаза и откроем их, если только герцог или девица решатсд оставить любовные утехи ради политических интересов.

— И будете правы, князь… Ваш герцог вызывает беспокойство только своим именем. Устройте так, чтобы он забыл о нем, окунувшись в развлечения, свойственные возрасту, и Европе обеспечено спокойствие… Однако… — обратился лорд Коули к Бэтхерсту, — мы, конечно, разделяем ваши чувства, которые вы только что выразили. Тем не менее хотелось бы узнать, по какой причине нам привилось проделать сюда путь в почтовой карете? Вы имеете сообщить нам нечто более серьезное?

— Да, милорд, и я приношу свои извинения, вам и канцлеру, что не начал с изложения того, что должен довести до вашего сведения… Хотя, возможно, лучше сначала открыть свое сердце.

Мне нужно было посвятить вас в свои мысли и мечты всей моей жизни. Само же дело можно изложить в двух словах… вы только что сказали, что особу, на которую я намекнул, не интересуют ни политика, ни революция, ни династические игры. Согласен, однако у этой особы есть друзья, весьма неблагоразумные и безрассудные. Имеет место заговор. Объектом его является эта особа, в него не посвященная…

— Заговор?! — воскликнул Меттерних.

— Да, с целью похищения… этой особы.

— Герцога Рейхштадтского хотят похитить?! Но кто?

— Заговорщики съезжаются отовсюду… Из Парижа, Болоньи, Венеции. Карбонарии тоже в деле. В ближайшее время они начнут действовать…

— Меня известили из Парижа о некоторых вещах такого рода… французские авантюристы якобы направляются сюда, чтобы обмануть герцога… У меня нет точных деталей. Второе сообщение, которое должно было содержать имя главного эмиссара, благодаря чему мы смогли бы захватить и арестовать всех соучастников, не было отправлено или не дошло… Вероятно, помешало восстание, ведь у французов теперь другое в головах, более важное, нежели везти из Вены короля, дабы он занял освободившийся трон.

— Не только французы заинтересованы в герцоге Рейхштадтском…

— Кто еще?

— Достаточно назвать одно имя. Человек неуправляемый и опасный. Вы ее хорошо знаете… Известно ли вам, что графиня Наполеон Камерата, вбившая себе в голову восстановить императорскую династию, прибыла…

— Она покинула Венецию?

— Со мной одновременно! Она живет здесь, на постоялом дворе, и если Ваша Светлость захочет убедиться в этом, остается только пригласить ее…

— Нет необходимости… Лучше наблюдать за ней, но так, чтобы она ничего не подозревала. Пусть думает, что ее не раскрыли. Я благодарю вас за сообщение, но, право же, не стоило нам с лордом Коули мчаться сюда по вашему вызову…

— Мне казалось, что так будет лучше, — ответил Бэтхерст, задетый упреком, — я не хотел терять из виду графиню Камерата… Пока бы я испрашивал аудиенции у Вашей Светлости во дворце, то мог упустить ту, за кем следил от самой Венеции. Теперь, если Ваша Светлость собирается уходить, думаю, момент благоприятный… графиня Камерата вышла, но может вернуться с минуты на минуту…

— Мы уходим, — сказал Меттерних. — Еще раз я благодарю вас за ваше рвение, сэр Бэтхерст… Когда бы вы ни пожелали поговорить со мной об этом деле, которое будете выполнять так же старательно, как и до сих пор, я всегда приму вас.

— Ваша Светлость слишком добры… Однако, — добавил сэр Уильям Бэтхерст, пристально взглянув на Меттерниха, — вы не дали мне инструкции… Если я правильно понял, вы, князь, и вы, милорд, не ограничиваете меня в действиях, которые мне придется совершить по собственному усмотрению и на благо Европы и Англии…

— И что же вы подразумеваете под этим?

— Ничего, кроме того, что я уже имел честь высказать в самом начале. Безопасность Австрии, а также будущее Англии зависят от того, сможет ли кто-либо из Бонапартов проснуться однажды императором…

— Рискованный ход…

— Все может подтвердиться уже завтра.

— Завтра?

— Разумеется! Во Франции революция… Вполне возможно, там согласятся на сомнительную монархию в лице герцога Орлеанского… объявленного королем Луи-Филиппом I. Скорее всего этот режим долго не продлится… Влияние имени Наполеона на воображение французов таково, что пока жив хоть кто-то, носящий его, этого человека станут поддерживать либо на баррикадах, вряд ли уже разрушенных после Июля, либо на выборах. Европа будет в постоянной опасности… Что же касается конкретно Австрии, может вновь начаться итальянская кампания и Ломбардия, Милан, Венеция при новом Бонапарте ускользнут от нас…

— Вот это уже маловероятно, милейший, — отметил лорд Коули. — Хотя, по сути, вы, возможно, и правы, видя опасность в том, что кто-либо, носящий имя Бонапарта…

— Сын королевы Гортензии! — живо подсказал Меттерних.

— Нет, герцог Рейхштадтский, князь! — возразил Бэтхерст.

— Скажите на милость, чего вы хотите?

— События… которое освободило бы Австрию, Англию и всю Европу от страха увидеть возрождение династии Наполеонов… Мало ли на свете случайностей, вдруг из-за чьей-то внезапной смерти неожиданно внесут изменения в закон о наследовании королевской власти, порядок передачи короны… Было же, что внуки, например, король Людовик XV, подбирали наследство деда… Сын Наполеона, внук нашего императора, мог бы однажды наследовать не только Луи-Филиппу…

— Остановитесь! Герцога Рейхштадтского во Франции никто

всерьез не примет. Он не наследник австрийской короны.

— Господа, — предупредил Бэтхерст, почтительно склоняясь, поскольку Меттерних и лорд Коули направились к двери, — как в Австрии, так и во Франции невозможным претендентом может стать только покойник. Помните, что я вам сказал: пока в живых остается хоть один Наполеон, он может стать королем, императором — как его бишь? — президентом республики или диктатором… Пока это выглядит химерой. Что же, Ваше Сиятельство, дай Бог, чтобы впоследствии вам не пришлось обвинить меня в том, что я, увидев опасность, не предупредил вас о ней. Хотя, возможно, если мне удастся, я постараюсь избавить вас от нее… Навсегда!

Меттерних устремил на Бэтхерста пристальный взгляд.

Дипломат выдержал этот инквизиторский прием не моргнув глазом. Они поняли друг друга.

В этой комнате только что произошло нечто ужасное. Без единого слова стороны заключили между собой соглашение в преступной деятельности, отвечавшее их обоюдным желаниям.

Лорд Коули, садясь в карету, заметил Меттерниху с чисто английской флегматичностью:

— Как вам понравился это молодой Бэтхерст? Светлая голова! Решительности не занимать… Жаль, что он не появился несколькими годами раньше…

— Почему же, милорд?

— Он смог бы оказать большие услуги… Скажем, если бы занял место этого идиота Хадсона Лоу на Святой Елене…

— И что бы ему удалось лучше вашего губернатора?

— Думаю, он бы не стал так носиться с «мучеником Наполеоном»… Он бы в зародыше уничтожил эту легенду скал… Я рад тому, что вы заинтересовались этим молодым человеком… У него есть свое мнение по поводу опасных претендентов и, что немаловажно, методы их сдерживания, кстати, удачные и легко осуществимые…

Меттерних не ответил. Посол Англии умолк, и оба, погруженные в свои размышления по поводу сказанного сэром Уильямом Бэтхерстом и дальнейшей судьбы герцога Рейхштадтского, достигли Вены. Каждый задавал себе вопрос, на самом ли деле Уильям Бэтхерст приведет в исполнение свой дерзкий и страшный план, который он набросал перед ними.

Графиня Камерата наконец-то выбралась из алькова.

— Какая подлость, — не могла успокоиться она, — это же убийство! Нет, господа, я приложу все усилия, чтобы спасти его.

Она быстро сбежала по лестнице и заперлась в своей комнате. Было слышно, как сэр Уильям отдал распоряжение

слугам принести обед.

Графиня сделала то же самое и стала с нетерпением ждать ночи.

Пришла служанка приготовить постель. Графиня предложила купить у девушки платье за хорошую цену, обещая увеличить сумму, если та будет молчать и завтра утром отправит ее багаж в Вену, куда именно, она укажет.

Девушка охотно согласилась. Графиня, одетая в ее платье, проскользнула незамеченной мимо Бэтхерста, который устроился с ужином около окна, наблюдая за движением во дворе и с особым вниманием за воротами.

Ему и в голову не пришло заподозрить в служанке, выскочившей из трактира, должно быть, на свидание, графиню.

Спокойно закончив ужин, он отправился спать, обдумывая планы.

Спал Бэтхерст чутко. Однако никакого движения в комнате графини Камерата не производилось. Скорее всего, она в самом деле устала и рано легла спать.

— Только утром, да и то не сразу, он обнаружил, что графиня исчезла, оставив его с носом.

Совершенно рассвирепев, дипломат потребовал лошадей и отправился к канцлеру доложить о побеге графини и потребовать подключить к ее розыску полицию.

Графиня остановилась у людей, знакомых с ее друзьями. Она выложила им, как по дороге на карету напали разбойники, все забрали, кроме вещей ее служанки. Надо же было объяснить некоторую странность в одежде! Багаж, отправленный ей вслед, должен прибыть с минуты на минуту. Как только он был доставлен, графиня уехала. Нужно было спешить и перехватить герцога Рейхштадтского во время его прогулки, а может быть, переодевшись, даже проникнуть в замок Шенбрунн. Так она оказалась на постоялом дворе трактира «Роза».

Лавка Мелхиседека

В одном из пригородов Вены, в бедной лавке старьевщика, среди нагромождения вещей, которые уже отслужили свой век, можно было увидеть женщину, когда-то красивую, но теперь уже поблекшую, с черными, все еще полными огня глазами.

Лавка принадлежала еврею Мелхиседеку, а женщина, казалось, знавала роскошь и счастье, унесенные жестокими житейскими бурями. Теперь ее иссушила нищета.

В Вену она прибыла в лохмотьях, грязная, голодная, поскольку сутки ничего не ела. Совершенно обессиленная, она упала, тогда ее и подобрал полицейский патруль.

Назвать свое имя женщина отказалась. Ее продержали несколько дней в участке, затем, не найдя, что можно было бы вменить ей в вину, выпустили, потребовав покинуть Вену, если она не сможет подтвердить места своего проживания.

Она пошла куда глаза глядят, вопрошая Господа, есть ли такое место на земле, где она могла бы дальше влачить свое жалкое существование и надеяться на удачу.

Бродя по венским бульварам, она заметила вдруг у себя под ногами на земле что-то блестящее. Наклонилась и подобрала колечко. Зажав его в руке, она бросилась бежать, боясь услышать за спиной окрик. Ноги привели ее в пригород. Заметив лавку старьевщика Мелхиседека, женщина вошла. Она показала старому еврею колечко и попросила купить у нее.

Мелхиседек, погладив длинную бороду, проверил его, взвесил и, вернувшись к женщине, спокойно спросил:

— Где ты это украла?

Несчастная встрепенулась. От негодования и протеста ее глаза заблестели, она гордо выпрямилась. К убогой побирушке на мгновение вернулся былой благородный вид.

— За кого вы меня принимаете? — надменно произнесла она. — Я не крала этого украшения, я его нашла.

— Тогда его нужно было отнести в полицейский участок. И хватит придумывать, — ответил еврей.

— Но ведь я голодна! Эта находка поможет мне прожить несколько дней. Благородный человек, будьте так добры, купите его у меня, за сколько можете. Это будет достойный поступок!

Мелхиседек с интересом посмотрел на так необычно говорившую женщину. Он взял ее за руку и, подведя к окну, внимательно рассмотрел, как рассматривал золотые или серебряные предметы, которые ему хотели продать, чтобы определить их стоимость и вес.

— Вы явно не здешняя, — утвердительно сказал Мелхиседек. — Вы хорошо говорите по-немецки, но с акцентом… итальянским или французским.

— Я прибыла издалека. Какая вам разница? Представьте, что я жила в Италии, во Франции, если хотите! Зачем вам знать, кто я? Не в ваших привычках всегда общаться с честными людьми. У вашей лавки такой… вид. Вы говорите о полиции, но, возможно, больше, чем я, не желаете встречаться с ними. Если бы кто-нибудь из них появился здесь сию минуту, скорее всего он не ограничился бы мной… Кажется, здесь немало предметов, чье происхождение ему показалось бы подозрительным… Не тяните время! Я умираю от голода, говорю вам! Сколько вы даете за это кольцо? Если не хотите брать, отдайте назад… В Вене есть и другие старьевщики…

— Минутку, — возразил еврей, снова поглаживая бороду. — Я не говорю, что не буду иметь с вами дела, но я расспрашиваю в ваших же интересах… Осторожность не помешает, ни вам, ни мне. В городе столько бесчестных людей! Представьте только, я остался совсем один в моей лавке… Увы! Один, совсем один…

Мелхиседек провел рукой по глазам, как бы стирая слезу, затем вновь заговорил унылым голосом:

— Со мной здесь жила племянница, Рахиль, чудесная девушка, которая помогала мне в моих делах и оказывала неоценимые услуги в некоторой части моего предприятия… Хочу вам сказать, что я продаю, главным образом молодым господам и молодым дамам, иногда также и пожилым благородным людям, кое-какое средство. Оно пришло ко мне от моих предков и передавалось от отца к сыну с древними формулами, имевшими происхождение в Аравии… Несравненные эликсиры, которые дают силу, молодость, мужество, любовный напиток, как говорят здесь… Видите ли, они верят в его силу, а вера — это же половина успеха в такого рода делах…

Еврей приоткрыл шкаф и показал стоявшую на деревянных полках шеренгу флаконов, бутылок, заткнутых пробками и обернутых бумагой, на которой были начертаны таинственные знаки.

— Вот что помогала мне продавать Рахиль… Однажды эта несчастная девушка влюбилась в военного, проходимца, я думаю, и последовала за ним… Где они теперь? В какой гарнизон увлекла девочку ее доверчивость? Так, определенно ж, он ее бросит. Я боюсь узнать! Но я страдаю и, повторяю, я остался совершенно один… Мне кто-нибудь здесь нужен… А может, останетесь в этой лавке? Вы не будете раскаиваться, обещаю вам… Вы показались мне честной, а честность — это то, что

требуется в коммерции. Думаю, вам не занимать рассудительности, когда нужно… Я дам вам еду, кров… Здесь можно прекрасно обзавестись недорогими тряпками, и в качестве платы вы будете иметь два флорина в неделю, не считая небольших чаевых с продаж, которые вы сделаете напрямую… Вы соглашаетесь?

Незнакомка недоверчиво посмотрела на старого еврея, который ждал ее ответа, и решилась:

— Почему бы и нет? Впрочем, если мы не поладим, я всегда смогу уйти, не так ли? Вам нужен кто-то в вашей коммерции, а мне нужно жить и ждать. Итак, я остаюсь с вами и буду помогать в ваших делах, но это не мешает вам купить у меня колечко…

— По рукам! — обрадовался еврей. — Это будет задаток нашего договора. Держите десять флоринов.

Он протянул банкноту незнакомке, та ему — кольцо, которое старьевщик спрятал в шкаф.

— Ну, — осведомился он, — так когда вы хотите начать?

— Сию же минуту. Только надо сходить поесть, я же вам сказала, что умираю от голода.

— Идемте, — предложил Мелхиседек. — Сохраните ваши деньги, я дам вам что-нибудь выпить и поесть… Пройдемте за лавку… Здесь у меня маленькая комната, где я обедаю и держу некоторые товары, которые не должны видеть кто попало…

Она последовала за ним в комнату, пропитанную разнообразными запахами, где были свалены старая одежда, оружие, кофры. На столе тонкой работы из редкого дерева, но грязном и заваленном всяким хламом, еврей расчистил место. Поставил туда тарелку с холодным мясом и хлебом, кружку пива.

Съев все, они попросила:

— Моя одежда превратилась в лохмотья. Нет ли у вас какого-нибудь тряпья, которое вы могли бы дать мне?

— Дать — нет, моя дорогая. Но поскольку у вас есть деньги, что-нибудь найдем… Делайте почин сегодня… Чувствую, что мы договоримся!

Ткнув пальцем в корсаж необычной клиентки, куда, как он видел, она положила десять флоринов, вырученных за кольцо, добавил:

— Мы можем совершить маленькую сделку. Будьте спокойны, я дам вам по хорошей цене хороший товар! Вы нигде не найдете такого выбора…

Он порылся в куче разносортной одежды и достал еще вполне приличное платье, корсаж и шляпу. Передал все это новой компаньонке со словами:

— Я возьму с вас только шесть флоринов.

И опустив руку в карман, достал оттуда четыре флорина, которые протянул ей, требуя назад банкноту в десять флоринов.

Когда банковский билет перекочевал в его карман, рука стала веселее поглаживать серебряную бороду.

Переодевшись, незнакомка ногой отшвырнула свои лохмотья, но еврей старательно собрал их, заметив:

— Не надо бросаться вещами. Всегда найдется кто-нибудь, кому они подойдут. Я рассчитаюсь, когда продам их. Мой дорогой компаньон, вы же не сказали вашего имени.

— Какое вам дело до моего имени?

— Нужно все же вписать имя в мою книгу, чтобы было что ответить полицейским, когда им вздумается спросить.

— Ладно! Меня зовут Лидия.

— Просто Лидия? А дальше?

— А дальше, простите, вам знать не обязательно.

И маркиза Луперкати, ибо это была она, оказавшись в состоянии крайней нужды, поблуждав по Европе после разрыва помолвки с Шарлем и его смерти, начала работать у старьевщика Мелхиседека.

Она довольно быстро вникла в его тройную коммерцию.

Прежде всего были продажа и покупка всякого рода старых товаров, украшений, оружия, мебели, одежды, посуды. Еще еврей занимался хранением краденого с ловкостью, помноженной на осторожность. Наконец, продажа любовных напитков, эликсиров, снадобий, которым его венская клиентура рьяно отдавала должное. Папаша Мелхиседек был известен еще и как знахарь, имеющий всевозможные лекарства от недугов, не поддававшихся врачам. Шла молва о чудесных излечениях, и еще поговаривали, что у него молодые люди могли получить зелья, от которых возгорались холодные женщины и строптивые девицы.

Молодым девушкам он также мог дать снадобья, возвращавшие им энергию, жизненные силы, когда апатия или природная слабость, казалось, навсегда лишила их радостей любви и материнства.

Его репутация знахаря, целителя, костоправа, а также предсказателя была известна далеко за пределами пригорода, и очень часто возле его лавчонки останавливались кареты с занавесками на окнах, откуда выскальзывали знатные дамы, благородные господа, приехавшие за дьявольской наукой еврея, — либо для того, чтобы заставить полюбить себя, либо вернуть потерянное здоровье.

Через несколько недель Лидия полностью освоилась с особым предприятием своего патрона, и постоянные клиенты Мелхиседека, казалось, уже не верили, что Рахиль вообще куда-то

уезжала.

Однажды, когда Лидия была в лавке одна, перед ней предстал молодой человек с угловатыми и резкими чертами лица, пронизывающим взглядом. Он огорчился, не найдя еврея, и объяснил Лидии, что многие из его друзей уже прибегали к услугам Мелхиседека и он тоже, когда настал момент, пришел попросить у него помощи. Посетитель добавил, что придет позже.

— Мелхиседек должен вернуться ближе к ночи, — ответила Лидия, — но он доверяет мне, и вы можете объяснить, чего желаете. Речь ведь идет о продаже мебели или украшений, под которые вы хотели бы просить взаймы?

— Ни в коем случае… Мне не нужны деньги… но, я думаю, Мелхиседек охотно оказывает и другие услуги… То, что требуется мне, трудно объяснить, впрочем, речь вот о чем. Моя знакомая девушка очень любит молодого человека.

— А молодой человек любит ее?

— Думаю, что да, но девушка боится. Она не уверена, что может удержать сердце того, в кого влюблена. Они не равны по положению. Молодой человек принадлежит к среде, где он в центре внимания и объект притязания знатных дам, богатых, обворожительных, желанных во всех отношениях. Девушка, в которой я принимаю участие, боится, как бы скромность ее положения не стала препятствием. Она хотела бы посильнее привязать к себе любимого.

— Какая-нибудь служанка, влюбленная в своего хозяина?

— Около того… в общем, она услышала о превосходном средстве, которое держит в своей аптеке Мелхиседек… Ну вроде бы у вас здесь есть приворотные зелья, напитки, которые вызывают любовь и непреодолимое влечение любовников друг к другу?

— Точно, — сказала Лидия. — Мелхиседек сохранил традиции кудесников Востока, которые умели готовить из растений сильнодействующие напитки.

— Я слышал о Хозяине Волшебной горы, — сказал, улыбаясь, молодой человек, — и о напитках, которыми он потчевал тех, кто попадал к нему… Один глоток — и ты готов… что-то вроде гашиша… Но не этого я ищу… Я не собираюсь кого-то убить или заморочить до кошмаров… Хочу просто-напросто вернуть здоровье и счастье девушке, которая сохнет от любви… Мне нужно приворотное зелье…

— Вот этого у нас полно! — сказала Лидия, гордая тем, что может предложить богатый выбор эликсиров, продлевающих жизнь и возбуждающих чувственность.

— Вы можете дать мне один из этих флаконов?

— Конечно! Но нужно договориться о цене и не распространяться об этом.

— Понятно. Однако, — нерешительно добавил молодой человек, — нет ли здесь опасности? Можно ли спокойно пить эти зелья?

— Не все, — сказала Лидия. — В некоторых сильные и горькие соки, полученные от растений, по большей части ядовитых. Пользоваться ими нужно очень и очень осторожно…

— Правда? Так эти чудодейственные средства ядовиты?

— Смертельно… Несколько капель, принимаемых регулярно, производят желаемый эффект и совершенно безопасны. Если же, наоборот, выпить сразу полфлакона, по венам господина Торопыги сразу же начнет разливаться, медленно и незаметно, отрава, которую никто не сможет распознать, и только через какое-то время наступит смерть.

— Понятно. Немного снадобья дает возбуждение, надежду, счастье… Это именно то, что мне нужно… Я не забуду ваших инструкций и передам их особе, которая должна будет воспользоваться этим питьем.

Молодой человек вынул золотую монету из своего кошелька и передал ее Лидии в обмен на флакон.

Как только он переступил порог, Лидия схватила шаль, заперла лавку и последовала за незнакомцем. Он шел пешком и выглядел озабоченным, не оглядывался и не подозревал, что за ним следят.

Она увидела, как незнакомец пересек площадь и вошел во дворец. Лидия подошла к рассыльному, стоявшему на углу и поклонившемуся молодому человеку. Она спросила, кто это, объяснив свое любопытства тем, что хотела передать ему прошение, так как считала его важной особой.

— Это англичанин, — ответил рассыльный. — Его зовут сэр Уильям Бэтхерст. Племянник премьер-министра Англии.

Та, что была когда-то маркизой Луперкати, вздрогнула, услышав это имя. Она знала лорда Бэтхерста, знала также, какого непримиримого врага имел Наполеон в лице английского министра, и сказала себе, что, возможно, нашла бы средство выйти из глубокой нужды, если бы ей удалось узнать, для какой цели сэру Бэтхерсту понадобился эликсир Мелхиседека.

Тайны богатых являются золотыми приисками, которые надо уметь разработать. Главное — найти жилу. Лидия, готовая на все, чтобы выйти из нищеты, решила проследить за сэром Уильямом Бэтхерстом.

Она ничего не сказала о своем открытии Мелхиседеку, а лишь сообщила ему о покупке. Заглянув в шкаф и увидев, какого

флакона не хватает, еврей спросил:

— Вы сказали клиенту об опасных свойствах этого эликсира? Вы сказали, что принимать надо очень маленькими дозами?

— Успокойтесь, добропорядочный Мелхиседек, — ответила Лидия с улыбкой, — этот господин далек от того, чтобы отразиться. Я думаю, что он хочет заставить влюбиться в него молодую девушку, которая водит его за нос, и если оба примут этот напиток, то позаботятся отмерить дозу.

— Влюбленные иногда очень неосторожны! — проворчал Мелхиседек.

— Можете спать спокойно, ничего не случится. Купивший этот флакон иностранец… будет далеко отсюда пробовать ваше лекарство.

— Вы бы лучше дали ему более безопасное средство. Есть эликсиры, лишь придающие видимость уверенности и отваги в осуществлении их планов. Лицо же, которому они дают выпить несколько капель, зная о великолепном свойстве напитка, воображает, что испытывает чудесное воздействие и в конце концов сам перестает сопротивляться и уступает настойчивому влюбленному. Вот и весь секрет этих приворотных зелий.

Мелхиседек засмеялся, поглаживая бороду, и добавил:

— Большая часть этих флаконов, Лидия, признаюсь, потому что вы мой компаньон, мой сообщник, на самом деле содержат составы, не представляющие никакой опасности. Это соки безвредных растений — бадьяна, дудника. Таким образом я до сих пор избегал каких-либо неприятностей с полицией. Много раз приходили проверяющие, но находили в зельях лишь сиропы, составленные из благотворно влияющих на человека растений, которые придают крепость мускулам, активность мозгу, в общем, снадобья целительные, укрепляющие и безвредные…

Совсем не такие флаконы вы видите тут, на этой полке. Они, как я уже вам указывал, предназначены для определенных, совершенно особых случаев. Тут, Лидия, сильнодействующие яды. Их нужно использовать только с очень большой осторожностью, и я сожалею, что вы без меня дали молодому человеку одно из этих приворотных зелий…

Мелхиседек задумался:

— Так вы понятия не имеете, кто этот таинственный клиент? Если бы знать, откуда он пришел, кто он?! Можно было бы предупредить его об опасности и избежать большого несчастья.

— Об опасности я его предупредила, — ответила Лидия.

— Вы умно поступили. Будем надеяться, что ничего ужасного не произойдет и мы не будем замешаны из-за вашей ошибки в какое-нибудь преступное дело.

Лидия пожала плечами и принялась наводить порядок в лавке, не обращая, казалось, никакого внимания на беспокойство и брюзжание Мелхиседека, который ходил взад-вперед, повторяя сквозь зубы:

— Только бы не произошло несчастья и полиция не стала выяснять, откуда этот яд! Если молодой человек будет пить сам и давать девушке по нескольку капель с интервалами, может, ничего и не произойдет… Но если, к примеру, выпить сразу половину флакона, начнется медленное, прогрессирующее и неизбежное разрушение организма… Бог Авраама и Иакова, сделай так, чтобы никто и никогда не узнал, что этот сильный яд — из моей лавки и продан женщиной, за которую я отвечаю!..

Чтобы немного успокоить его страхи, Лидия отдала Мелхиседеку золотую монету, полученную от молодого англичанина. Вид и осязание благородного металла не смогли рассеять беспокойства еврея. Быть может, впервые в своей жизни старьевщика и знахаря он ощупывал золотую монету, не испытывая радости.

Тронный зал

С некоторых пор Лизбет стала замечать, что один молодой человек, который появился при дворе по рекомендации английского посла, ищет любого удобного случая, чтобы улыбнуться ей и заговорить. Все действия выдавали в нем влюбленного.

Она избегала его, насколько могла. Поклонник вызывал у нее лишь смутное беспокойство. Не без страха девушка замечала силу его взгляда. Чего хотел от нее этот англичанин? Уж точно не любви. Огонь в глазах выдавал человека злобного или мечтающего о мести.

Однажды, когда Лизбет была одна в комнате эрцгерцогинь, гулявших в это время со своими гувернантками, она вдруг снова увидела молодого англичанина, направлявшегося к ней. Девушка вздрогнула и сделала вид, что погружена в книгу, которую держала в руках, стараясь не замечать упорного преследователя. Англичанин, приблизившись к ней, назвал себя и спросил, в чем причина ее неприятия?

Лизбет ответила, что не имеет к нему ничего подобного, однако ее скромная должность не позволяет ей общаться с лицами, появляющимися при дворе, и попросила его проявить понимание и не вызывать у окружающих недовольства ее поведением. Не очень благородно с его стороны смеяться над бедной девушкой, когда есть столько прекрасных особ, готовых

принять ухаживания молодых людей. Она закончила, объяснив, что по долгу службы должна находиться возле эрцгерцогинь и не может больше продолжать разговор с ним.

Лизбет встала, но сэр Уильям задержал ее, сказав с дьявольской улыбкой:

— У вас скромная должность, но я знаю, что ваши притязания намного более высоки, чем кажется на первый взгляд.

— Что вы хотите этим сказать, Ваше Превосходительство?

— Не сердитесь! С вами говорит друг, настоящий друг… Мне все известно о вас и ваших несчастьях. Я знаю, сколько вы и ваша мать выстрадали, и особенно счастлив видеть вас на достойном месте, которое вы занимаете, впрочем, с одобрения всех. Но если я и позволил себе нарушить ваше уединение, то только для того, чтобы дать совет… в ваших же интересах, клянусь вам!

— Я не совсем понимаю!

— У вас есть враги здесь, в этом дворце.

— У меня? Разве я кому-то причинила вред? Кто может ненавидеть меня?

— Двор, — холодно объяснил Бэтхерст, — место, где недоброжелательство и зависть царят во всех. Ваши изысканность и обаяние породили много завистников и завистниц.

— Хотелось бы знать, у кого я могла вызвать ненависть… Я вам сказала, что как можно лучше выполняю свои обязанности и ничто другое меня не занимает. Я не знаю, что вы хотите сказать, и не верю в существование этих врагов, которых вы мне приписываете.

— Вы заблуждаетесь, фрейлейн! Скоро вы воочию убедитесь в злобности придворных кавалеров и ненависти дам, которые завидуют той, что может оказывать влияние на персону, достаточно известную…

Лизбет покраснела:

— Повторяю еще раз, я не понимаю ваших слов!

— Я объяснюсь, фрейлейн. Говорите со мной открыто, как с другом. Говорю же я с вами со всей искренностью о том, что знаю, заметил и о чем догадался. Вы влюблены в кого-то при дворе, фрейлейн Лизбет!

Девушка покраснела еще больше и прошептала:

— Прошу вас не говорить со мной подобным образом!

— Это в ваших же интересах! Полноте, не пытайтесь обмануть меня. Разве у вас не было любовных свиданий с молодым человеком на Пратер, городском бульваре? Нужно ли называть вам его имя? Полагаю, что для вас он — Франц… Видите, я хорошо осведомлен… Кроме того, я иногда бываю недалеко от трактира «Роза».

Лизбет опустила голову:

— Я не знаю, с какой целью и каким намерением вы появляетесь возле трактира «Роза». И почему чувства такой бедной девушки, как я, к молодому человеку, с которым вы определенно не знакомы, могут заинтересовать вас?

— С чего вы взяли, что я не знаю вашего друга Франца?

— Это он вам рассказал?

— Нет, фрейлейн! Я узнал сам, да еще слухи при дворе… Вам ведь известно, что Франц, раз вы сами признаете, что речь идет именно о нем, иногда появляется при дворе?

— У него здесь должность. Он секретарь эрцгерцога. Но я никогда не встречала его во дворце.

— Вот как, вы никогда не встречали его здесь? Вы никогда не видели секретаря эрцгерцога? Я думаю! — Бэтхерст усмехнулся и подмигнул ей.

— Да, чистая правда. Я ничего не знаю о нем, кроме того, что его зовут Франц и его жалованья хватает на жизнь. И раз уж вы все знаете, я вовсе не постесняюсь признаться вам, что люблю его! А он говорит, что любит меня.

— Видите, фрейлейн, не было необходимости притворяться и все отрицать. Я знал обо всем, что вы мне сказали, и знаю еще кое-что, что вам тоже необходимо знать.

— И что же, Ваша Милость? Это касается Франца?

— Именно! Я позволил себе обратиться к вам в этой галерее и прервать ваше чтение именно для того, чтобы поговорить с вами о нем и объяснить, кто он на самом деле.

— Не имею никакого желания знать то, что Франц счел необходимым скрыть. Когда ему захочется познакомить меня с его настоящим положением, которое, по вашим словам, не то, что открыто мне, я уверена, он сам скажет об этом. Вам не поручали быть посредником, не правда ли? Так что я подожду его собственного признания.

— Разумеется, фрейлейн, Франц не просил меня об этом, но я действую в ваших же интересах и чтобы оградить от нависших над вами опасностей. Вам все станет ясно, когда узнаете, кем является тот человек, которого вы называете Францем.

— Вы намекаете на какую-то тайну, но не продолжайте, прошу вас. Не буду скрывать, что сегодня же после обеда я должна встретиться с тем, о ком вы говорите, и непременно сообщу ему о нашем разговоре.

— Пожалуйста! — улыбнулся сэр Уильям Бэтхерст. — Но поверьте, гораздо лучше, если бы он оставался в неведении относительно того, что вам известно его настоящие имя и положение. Вы получите большое преимущество и когда-нибудь

поблагодарите меня за то, что я открыл вам глаза…

Лизбет теперь уже побледнела и поднялась. Она едва держалась на ногах. Слова англичанина глубоко встревожили девушку, что-то произошло в ее душе, сердце трепетало. Не обманывал ли ее Франц? Что означает тайна, касающаяся того, кого она любит? Из полунамеков Бэтхерста выходило, что Франц был не тем, кем она его себе представляла. Она считала его добрым, нежным, услужливым, благородным. Любит ли он ее на самом деле? Быть может, она обманывает себя? А вдруг она ошиблась в нем, и теперь ей хотят показать его таким, каков он на самом деле?

Внезапно ее пронзила мысль, что он любит другую женщину. Скажем, у него есть пассия при дворе и сэр Уильям хочет предупредить ее о сопернице. Теперь она хотела знать все. Англичанин слишком далеко зашел, чтобы так сразу прекратить откровения. Лизбет не могла оставаться в неопределенности. Она настаивала, чтобы он закончил то, что начал, умоляла открыть ей все, что он знал о Франце.

— Начало положено, — обрадовался сэр Уильям, — вот она уже и пришла к тому, чего я хотел. Остальное не составит труда.

Он вновь заговорил, стараясь придать голосу больше любезности:

— Поскольку вы, наконец, поняли, фрейлейн, что я действую в ваших интересах, и желаете получить от меня разъяснения тому, что я вам нечаянно открыл, прошу вас пройти со мной в зал.

— Но почему в зал? Сегодня у императора прием высокой особы. Свои верительные грамоты должен представить посол Франции маршал Мезон. При дворе парадный прием. Что мне там делать? Я не могу идти с вами.

— Разумеется, вы не можете находиться среди знатных лиц, окружающих императора, когда он принимает посла Франции. Но я, как вы знаете, отношусь к посольству Англии и как секретарь лорда Коули могу бывать при дворе в любое время, поскольку нынешний посол — самый влиятельный из всех европейских у князя Меттерниха.

Так вот, рядом с тронным залом, где австрийский император будет принимать французского посла, находится небольшой зал для дипломатического корпуса. Мне известно, что во время церемонии там никого не будет. Вы сможете войти туда со мной, совсем ненадолго, и увидеть, быть может, кое-что для вас интересное…

Ну как, идемте, фрейлейн? Я слышу барабаны и трубы: карета посла въезжает во двор. Через несколько минут он

встретится с императором. Все! Нельзя терять ни минуты, если вы собираетесь увидеть интереснейшее зрелище, которое я вам обещал.

Он схватил девушку за руку и буквально потащил ее по коридору.

Растерянная, подчиняясь гипнотическому напору сэра Уильяма, Лизбет последовала за ним. Они вышли из галереи и попали в небольшой зал для дипломатического корпуса. Он был пуст, как и говорил сэр Уильям. Персонал дипломатической миссии, обязанный присутствовать на приеме посла Франции, толпился в глубине тронного зала. Укрывшись за портьерой, можно было видеть весь зал.

Сэр Уильям сначала сам внимательно посмотрел на присутствующих, затем сделал знак трепетавшей от страха Лизбет. Разыгрывая из себя гида, он давал краткие характеристики присутствующим на церемонии.

— Смотрите, сейчас войдет посол. Император на троне, рядом эрцгерцоги, эрцгерцог Карл справа, другие — за ним, справа и слева.

Лизбет никак не могла сосредоточиться, испуганно глядя на море мундиров, парадных платьев, сверкающих драгоценностей. Сначала ее взгляд привлек император, затем инстинктивно она поискала в толпе придворных, среди офицеров и атташе, того, кого хотела найти, — Франца.

Сэр Уильям тронул ее за плечо:

— Вы хорошо посмотрели, фрейлейн, на трон, окружение императора, на тех, кто там находится?

— Да, — ответила Лизбет, все еще пытаясь найти любимого.

— Плохо смотрите, — вновь заговорил инквизитор-англичанин. — Вы хорошо знаете эрцгерцогов? Тогда посмотрите вон туда, наверх, место слева от императора!

— Я смотрю…

— Последний в ряду, в мундире полковника, такой бледный и худой! Ну как, узнаете?

— Боже мой, это он!

Сэр Уильям быстро опустил портьеру и успел подхватить девушку, чуть не потерявшую сознание. Не медля, вывел ее из зала дипломатов в галерею, посадил в кресло и, отвесив поклон, сказал:

— Теперь вы поняли, фрейлейн, кто такой Франц? Это герцог Рейхштадтский, внук императора… Осторожность вам не повредит. Как я говорил, вы — объект большой зависти и ненависти! Не отказывайте мне в проявлении преданности, когда возникнет необходимость. Я ваш слуга, фрейлейн!

Еще один поклон, и сэр Уильям вышел из галереи, оставив Лизбет одну, подавленную, оглушенную, шепчущую:

— Эрцгерцог! Внук императора!.. Все пропало… Он никогда не сможет полюбить меня!

Любовный напиток

Герцог Рейхштадтский был удивлен и обеспокоен, не найдя Лизбет в урочный час в комнате, где вот уже некоторое время они обычно встречались. Приют влюбленные нашли совсем рядом с замком Шенбрунн, в трактире «Роза», куда тайно, сговорившись с одним из претендентов на руку дочери доброго трактирщика, проникал герцог.

Молодой теолог, близко сойдясь с Францем, дал ему ключ, чтобы незаметно входить и выходить. Он рассчитывал, таким образом послужив любовным делам герцога Рейхштадтского, навсегда захлопнуть божественные трактаты и прочие опусы, сменить сутану и четки на замшевые штаны и охотничий нож привратника. Благодаря таинственному покровителю он скорее добьется места, о котором мечтал будущий тесть.

Герцог ждал уже долго. Лизбет не приходила. Заболела? Может, ее задержали во дворце? А может, она не в настроении, если только не почувствовала охлаждения к нему…

Герцог вернулся во дворец Шенбрунн весьма огорченным. По дороге сорвал раздражение на бедняге теологе, который в очередной раз клянчил у него место привратника, — рявкнул ему, что, мол, недосуг сейчас заниматься ходатайствами. Парень отстал от него, сильно расстроившись, а тут его совсем доконала сцена, которую он застал при возвращении на постоялый двор: Карл Линдер, столяр, склонился к Эльзе, ощипывающей петуха, и что-то шептал ей на ухо. Девушка, не оставляя работы, хихикала и была явно довольна.

Весь вечер герцог, обычно пребывавший в меланхолии, рвал и метал. Слуги не знали, что и думать, а его камердинер даже взял на себя смелость предупредить дворцового врача, который вскоре был тут как тут, вроде бы случайно проходил мимо.

— Да ничего у меня не болит, совершенно ничего, доктор! — Герцог никак не мог от него отделаться.

— Знаете ли, у вас жар, — заключил мастер лечебных дел, взяв герцога за запястье и нащупав его пульс. — Ложитесь и выпейте успокоительного, я вам сейчас пропишу. Вы носитесь по лесу, промочили ноги — трава, мокрая от росы… Немедленно лечиться, Ваше Высочество! Мне, знаете ли, поручено следить за вашим здоровьем. Но я впервые вижу такого несговорчивого

больного!

— Не болен я! Я здоров, здоров, доктор! — взвился герцог. — Ладно, чтобы доставить вам удовольствие, ложусь спать и выпью ваше лекарство.

На следующий день здоровехонький герцог проснулся еще более озабоченным поведением Лизбет. Что же случилось? Явно случилось, но что, хотелось бы ему знать?

Самым ужасным было то, что без сопровождения он не мог никуда улизнуть. Утро — не ночь.

Герцог решил потерпеть до обеда. Едва с обедом было покончено, он взял книгу и, как всегда, одетый студентом, с фуражкой на голове, отправился гулять под высокими деревьями Шенбрунна. Скоро его скрыла густая листва.

Обычно, дойдя до круглой поляны, он резко поворачивал, крался вдоль стены до маленькой дверцы, от которой у него был ключ, открывал ее и оказывался вне замка. Затем шел к аллее, выходящей к трактиру «Роза», добирался до лестницы во дворе, и, если его случайно замечали, он давал понять, что идет к Фридриху, другом которого считался.

На этот раз, прокравшись вдоль стены парка до аллеи, ведущей к трактиру, он пошел не обычным путем, а по узкой тропинке добрался до пригорода и переправился через реку.

Франц шел по городу, счастливый оттого, что его никто не узнавал. Он смотрел по сторонам и видел, как горожане, закончив работу, направлялись к пивным и кафе, чтобы предаться дополнительному десерту — кофе со взбитыми сливками, удивительно вкусному. В «ресторациях», развлекая клиентов, сидящих под деревьями, звучала музыка. Кареты доставляли элегантные пары в театр. Герцогу легко дышалось среди веселой и беззаботной толпы. Люди скинули с себя заботы дня и не думали ни о чем, кроме приятного времяпрепровождения.

Вот он уже в пригороде Асперн, где все еще жила мать Лизбет. Единственная надежда — через нее узнать, что с девушкой. «В крайнем случае, — думал Франц, — можно отправить госпожу Ландсдорф во дворец за новостями».

Волнуясь, вбежал он по лестнице этого скромного дома, где впервые встретился с Лизбет. Герцог вспоминал начало их дружбы, волнение девушки, неуверенность, которая охватила его в первый день, когда он оказался в ее обществе. Прошлое промелькнуло перед ним, одновременно такое близкое и такое далекое. Он сказал себе с горечью: его положение, ранг, имя были препятствием спокойному счастью, которое уже отведал и которым хотел наслаждаться еще. С тревогой и тоской он думал о том, что придет момент, когда все это резко оборвется.

Сможет ли он когда-нибудь чувствовать себя свободно? Позволит ли судьба продолжать любить тайно, без чьего-либо ведома, девушку, по положению такую далекую от него самого? «Разумеется, — думал он, — полицию невозможно долго водить за нос, они наверняка в курсе, хотя, нужно отдать им должное, видимо, потому что в моем поведении нет ничего такого, что могло бы угрожать государству, они создают для меня видимость спокойной жизни.

Сколько времени они будут терпеть? А может, уже все закончилось? Да еще Лизбет пропала, а она еще не пропустила ни одного свидания. Нас окружают враги. За бедной девочкой так же шпионят, как и за мной.

До сих пор канцлер закрывал глаза на мои похождения. Неужели, когда пришло настоящее счастье, он решится вдруг все поломать? Его не должно беспокоить это, здесь не замешана политика.

Какое зло причиняем мы, любя друг друга? Каким честолюбивым планам мешает наша любовь? Меня держат в стороне от всех политических дел. Никакие страсти двора не проникают в мои апартаменты, похожие на золоченую клетку. Меня держат в неведении обо всем, и только вчера, случайно, я узнал во время приема посла Франции о важных событиях, произошедших в Париже.

Что для меня революция? Отзвук далекого грома. Мне хочется жить вдали от бурь. Я молод, но как же я устал! Почему мне нельзя жить просто, спокойно, неприметно, тем более меня заставили забыть, что я сын Наполеона?

Они, даже мертвого, боятся отца! Может быть, они так же боятся и меня, того, кто представляет собой лишь его жалкую тень! И из-за этого они ударят по несчастному ребенку, единственным преступлением которого в их глазах является преданность мне? Они отстраняют от меня всех, кто мог бы ободрить меня, придать мне смелости, зажечь пламя в моем сердце, которое равнодушно ко всему, за исключением Лизбет. Они хотят моего одиночества?» И в горькой безнадежности герцог прошептал:

— Господи! Какой же я несчастный! Какое тяжелое бремя имени я ношу! Почему небу не угодно было, чтобы я родился в простой семье? Почему я на самом деле не тот, кого любит Лизбет, не студент Франц, чиновник в секретариате эрцгерцога? Однако мне нужно знать, что происходит. Если Лизбет угрожает несчастье, я не буду сидеть сложа руки, я начну действовать, ведь во мне дремлют силы моего отца. Я им покажу! Я как-никак сын Наполеона!

И тогда держитесь, канцлер и все мои враги, которых я угадываю во всех придворных, окружающих трон, если только они захотели разлучить меня с моей дорогой Лизбет! Если они осмелились, ибо они способны на все, друзья Меттерниха, состоящие на службе у англичан, палачей моего отца… Они жизнью своей поплатятся за нее, и ничто не остановит мою месть!

Возбужденный и злой, герцог стремительно влетел к вдове полковника Ландсдорфа.

Мать Лизбет была дома, спокойно сидела за пяльцами и вышивала.

Она давно уже догадывалась об отношениях ее дочери и этого приятного молодого человека и, увидев его одного, испугалась:

— Господин Франц! Что-то с Лизбет?

— Нет, матушка, насколько мне известно, — ответил герцог. — Только я беспокоюсь за нее, так как давно не видел и не знаю, что с ней. Я и пришел сюда, полагая, что вы сможете если не ободрить меня, то хотя бы немного успокоить. Не больна ли она?

— Нет-нет! Наш сосед, англичанин, сэр Уильям Бэтхерст, говорил мне, что видел ее вчера во дворце после приема в честь французского посла, если я правильно поняла.

— Не можете ли вы, матушка, сообщить ей, что я удивлен ее молчанием и хотел бы знать, что случилось?

Вдова подумала, затем сказала очень серьезно:

— Мне не трудно выполнить ваше поручение, господин Франц. Вы очень обеспокоены. Впрочем, кажется, это ничем не оправданно, так как если вы не видели Лизбет, значит, ее скорее всего задержали на службе. Однако я бы хотела получить некоторые разъяснения о ваших отношениях с моей дочерью. Они длятся уже давно, тем не менее Лизбет отказывается говорить об этом.

Герцог кивнул, несколько смущенный строгим тоном вдовы.

— Раз вы пришли сюда, — вновь заговорила мать Лизбет, — то, думаю, наступило время для решительного и откровенного разговора…

— Говорите, матушка, я слушаю вас, — проговорил Франц, все больше волнуясь.

— Когда вы явились к нам случайно, я и моя дочь… мы были тронуты вашей готовностью быть нам полезным и испытывали большую признательности за все, что вы сделали для нас после этой встречи.

Моя дочь обязана вам своей достойной должностью, так как это пребывание при дворе. Всю свою жизнь я буду вашей должницей, потому что благодаря вам смогла добиться

справедливости и получить часть пенсии, на которую имела право.

Напоминая вам о ваших благодеяниях, я только подтверждаю истину и в то же время уверяю, что с нашей стороны не было никакой задней мысли, никакого расчета, когда мы приняли ваше благородное вмешательство…

Герцог кивнул.

Госпожа Ландсдорф вновь заговорила дрожащим от волнения голосом:

— Обстоятельства сложились так, что Лизбет и вы сблизились, чего я не предвидела и что произошло помимо моей воли… Я не порицаю мою дочь и вас. Вы оба молоды, ваши сердца устремились навстречу друг другу…

Вас не занимало, что тогда происходило со мной… Мои страхи, печаль, даже стыд, нисколько не заботили вас… быть может, вы не ведали, что я страдала за вас и из-за вас… Вы были полностью поглощены страстью…

Теперь вы оба свободны — как от моей власти, так и от моего надзора. Я не виню вас и не жалуюсь. Я знаю, что моя дочь счастлива, а вы честны и добры… Никто не в силах был помешать тому, что произошло, ни вы, ни я. Я лишь хочу задать один вопрос… Мне нужен ответ.

— Спрашивайте, матушка… я постараюсь ответить!

— Так вот! Если вы любите Лизбет и она любит вас, если вы оба, похоже, желаете продолжать эту связь, как будто счастливую, почему вы не сделаете ее благопристойной, открытой, приличной и достойной уважения для вас двоих и для меня?

Госпожа Ландсдорф помедлила, ожидая, что молодой человек прервет ее.

Однако герцог молчал, оставаясь неподвижным и не сводя с нее глаз. Он, казалось, так ни о чем и не догадывался.

Мать Лизбет продолжила уже суше и с раздражением:

— Вы до сих пор ничего не поняли, не правда ли? У вас скромное положение, не знаю уж, какое жалованье вы получаете на своем месте, ни его важности, ни отношений со служащими дворца, но все же мне кажется, вы равны с моей дочерью. Когда вы занимались нашими бедами, то узнали, что наша семья благородна и, несмотря на бедность, дочь полковника может без стеснения и без того, чтобы муж краснел за нее, стать женой почтенного служащего при эрцгерцоге, кем вы, похоже, являетесь. Франц, почему вы не женитесь на Лизбет?..

Загнанный в угол, герцог не мог отделаться неопределенным обещанием. Будь он студентом, не задумываясь, женился бы на Лизбет. Ему не хватало смелости открыть, почему эрцгерцогу,

внуку императора Австрии, наследнику империи, нельзя было жениться на дочери простого полковника. Он опустил голову и молчал.

— Почему вы не отвечаете мне, господин Франц? — спросила вдова, чувствуя себя оскорбленной. — Вас обижает мое требование, оно вам кажется чрезмерным? Может быть, вы видели в этой связи всего лишь развлечение? По вашему мнению, мы недостойны вас? Или вы убедили себя, что для вас это только легкая влюбленность? Лизбет никогда не была откровенна со мной на эту тему! Она любит вас и ничего не видит, кроме своей любви. Она счастлива, когда видится с вами, и довольна своей судьбой, потому что вы говорите ей, что любите ее. Она ничего не требует и ничего не ждет. Поверьте, не она поручила мне это ходатайство!

Я мать и говорю так, как должна говорить мать. И поскольку ваше молчание — весьма красноречивый ответ, признаюсь, что мне не хватит сил рассказать Лизбет о нашем разговоре… Да нет же! Я не смогу сказать ей. А я-то надеялась… Простите меня, я давно уже была готова к этому, и все равно вы разбиваете мне сердце… Я буду вам очень благодарна, если вы оставите меня одну… Мне нужно собраться с силами… Должно быть, я никогда не дождусь, что моя дочь когда-нибудь выйдет замуж за мужчину, которого она любит, и перед ней откроется достойное и надежное будущее.

Госпожа Ландсдорф явно не хотела продолжать этот мучительный разговор.

— Не огорчайтесь так, матушка, — взволнованно проговорил герцог. — Я понимаю ваши материнские страхи. Мне тоже не безразлично будущее Лизбет. Ваше предложение мне очень нравится. К несчастью, я не могу прямо сейчас дать вам ответ, которого вы ожидаете. Не обвиняйте меня! Не думайте, что мне все равно!

Да, я люблю вашу дочь, и моим самым большим желанием было бы объявить перед всеми ее своей женой, но я не волен в поступках… У меня ведь есть семья, родственники… я не могу не считаться с ними. Я скован всем этим больше, чем вы можете себе представить. Цепи, сковывающие меня, очень крепкие, и никакая сила не может их разорвать.

Не требуйте от меня большего! Я не могу дать вам других объяснений, кроме того, что я не свободен…

— Великий Боже! Вы женаты?!

— Нет, клянусь вам, нет. Но тем не менее моя свобода ограничена… Дайте мне время… хотя бы один день. По крайней мере вы узнаете причину, по которой не может произойти то, о

чем вы говорили… Вы поймете, я в этом не сомневаюсь, и посочувствуете мне. Не тревожьтесь, и особенно, прошу вас, не беспокойте и не путайте Лизбет!

— Я прекрасно понимаю, что сын должен исполнять волю отца. Мне не известно, кто ваши близкие. Вы никогда не говорили о них, как не говорили им о нас. В мои намерения не входит силой принуждать вас к браку. Если верить вам, он невозможен по семейным соображениям. Однако дайте мне слово, что попытаетесь объяснить все вашим родителям и убедить их дать разрешение на брак с той, которая достойна вашей любви! Можете ли вы пообещать это?

Герцог некоторое время помедлил, не желая лишать мать своей возлюбленной последней надежды, и наконец ответил:

— Обещаю вам, что при первой же возможности поговорю с родственниками и сделаю все, что будет в моих силах, чтобы заставить их признать мою дорогую Лизбет… А сейчас, матушка, умоляю, пойдите во дворец и скажите вашей дочери, что я жду ее здесь. Если вы пожелаете, мы продолжим разговор, так как я хочу, чтобы она знала ваше мнение по этому поводу.

— Нет, господин Франц, не говорите ничего моей дочери. Пусть все останется между нами, ибо бедное дитя очень испугалось бы, подумав, что своим вмешательством я разрушила ее счастье. Я пойду во дворец, коль вы просите, но для меня это очень мучительно! Однако я чувствую, что вы, как мне кажется, очень обеспокоены ее отсутствием. В другой раз, прошу вас, увольте меня от столь неприятной миссии!

Госпожа Ландсдорф, чопорно присев перед герцогом, набросила накидку и пошла за дочерью.

Скоро пришла Лизбет, одна, без матери. Выполнив свою миссию, та быстро ушла. Выходя из дворца, она прикладывала к глазам платок, вытирая долго сдерживаемые слезы, которые градом катились по щекам.

Герцог попытался обнять девушку и узнать, почему ее так долго не было. Лизбет отводила взгляд, старалась не смотреть на него, уворачивалась от поцелуев, не решаясь заговорить.

Когда мать пришла за ней, девушка ничего не сказала. Не хватало еще, чтобы госпожа Ландсдорф узнала страшную тайну. Лизбет не была готова к расспросам, переживая острую боль оттого, что Франц, секретарь эрцгерцога, оказался не кем иным, как внуком императора. Известие о пропасти, разделяющей молодых людей, могло убить мать. Хотя та и не говорила об этом открыто, но достаточно прозрачно намекала на надежду, которой тешила себя, — однажды Лизбет станет женой Франца.

Сказать матери о высоком положении своего любовника

означало убить ее. Девушка решила молчать (пусть все идет как идет), отказаться от свиданий с Францем, возбудив в нем подозрения, самой спровоцировать ссору, вслед за которой порвать отношения. Таким образом, она хранила молчание и, чтобы не расстраивать мать, согласилась пойти домой, где ее ждал Франц.

Однако в его присутствии она не сдержалась и разразилась рыданиями. Лизбет не могла успокоиться. Студент в черной куртке и фуражке — что из того? Он представал перед ее взором во всем великолепии своего рангами августейшего родства, каким был в тронном зале во время церемонии. Она все еще любила Франца и убеждала себя, что не смогла бы любить в нем эрцгерцога. Они были как небо и земля!

Соскучившийся по ней герцог прижимал девушку к груди, целовал, спрашивал, что случилось, — все напрасно. Лизбет молчала, и в этом молчании было что-то тревожное. Она отвечала лишь «да» или «нет», отворачиваясь и не поднимая головы.

Когда уже, наверное, в двадцатый раз герцог спросил, любит ли она, и привлек к себе Лизбет, рука его наткнулась на странный предмет у нее за корсажем. Франц удивился:

— Что это ты там прячешь? Любовное письмо?

Девушка резко качнула головой и снова расплакалась. Какое нелепое обвинение! Как он может сомневаться в ней? Разве не понимает, что она любит только его? Зачем он наказывает ее подозрением?

И поскольку герцог настаивал, стремясь узнать, на что наткнулась его рука, она быстро расстегнула корсаж и вытащила оттуда флакончик.

Это был любовный напиток, который сэр Уильям Бэтхерст взял в лавке Мелхиседека, роковая и опасная покупка, сделанная у Лидии.

Сэр Уильям Бэтхерст, после того как вывел подавленную, совершенно обессилевшую, не способную слова промолвить девушку из дипломатического зала, где показал ей любовника рядом с императором на троне, проводил Лизбет в ее комнату, окружив заботой и вниманием. Для девушки он уже стал верным и преданным другом.

Бэтхерст стал приходить к ней каждый день в качестве наперсника и советчика. Он пустил в ход весь свой изворотливый ум, чтобы утешить ее, нашептывая ей обнадеживающие советы, затем, как бы в шутку, заговорил об удивительных возможностях некоторых знахарей, которые продают эликсиры, вызывающие любовь. Девушка ничего не знала об этом. Неужели действительно есть любовные напитки? Бэтхерст утверждал, что

сила у этих замечательных напитков невероятная, и добавил вскользь, что у него имеется одно из таких любовных зелий, привезенное с Востока знакомым, тоже английским дипломатом. Ну и, конечно же, показал ей флакончик от Мелхиседека.

Лизбет с любопытством взяла его, а сэр Бэтхерст, заметив, что его ожидают неотложные дела, поспешил откланяться, сказав на прощанье:

— Пусть это чудо останется пока у вас. Почему бы, кстати, не испытать его магическую силу? Тут нет ничего опасного. Дайте его тому, кого любите… только весь флакончик. Сами увидите, что его чувства к вам… сохранятся навечно. Никогда уже он не сможет полюбить другую женщину, будет принадлежать лишь вам, телом и душой! Любовному эликсиру ничего не стоит заставить сердца биться в унисон…

Лизбет хотела было возразить, что вряд ли любовный напиток способен помочь в ее положении, однако, поразмыслив, решила оставить флакон у себя. Оставила — и забыла о нем.

Направляясь домой, где ее ждал Франц, Лизбет машинально засунула флакончик за корсаж, скорее, из опасений, что без присмотра с ним может что-то случиться. Дворец ведь — большой проходной двор.

Итак, вопросы герцога об этом флакончике становились все настойчивее. Лизбет, не упоминая, естественно, сэра Уильяма Бэтхерста, так как тогда Франц мог сразу догадаться, что его тайна раскрыта, рассказала, что сей стеклянный сосуд содержит эликсир, который имеет магическое свойство и может заставить любить тех, кто не любит. С его помощью мимолетное увлечение перейдет в вечную любовь.

Герцог очень потешался над суеверием и доверчивостью девушки, которая, кажется, и впрямь верила в способности этого амулета. Выхватив флакончик у нее из рук, открыл и поднес к губам.

Прежде чем она успела что-нибудь сообразить, Франц проглотил половину содержимого и весело сказал:

— Несколько горьковато… но пить можно! Ну, моя дорогая Лизбет, теперь ты спокойна, надо думать? Благодаря магу, который дал тебе это причастие вечной любви, мы никогда не расстанемся и будем любить друг друга всегда… Теперь ты мне веришь, после того как я выпил чудодейственный эликсир? Только что же, я один буду вечно любить? Смотри-ка, тут еще половина флакона, как раз для тебя. Представляешь, что произойдет, если только один я буду страдать постоянством?

Не переставая смеяться, Франц притянул девушку к себе, поднес к ее губам горлышко флакона и заставил выпить остатки

приворотного зелья. Затем, отбросив пустой флакон, наполовину шутя, наполовину серьезно, проговорил:

— Теперь, моя Лизбет, мы объединены навечно, не так ли? В наших сердцах пылает один и тот же пожар любви, который никто не в силах потушить!

Происшедшее совсем изменило мысли и чувства Лизбет. Она забылд об эрцгерцоге и вновь обрела Франца, ее Франца.

Так как за любовной размолвкой обычно следует примирение, они решили не изменять этому правилу и помчались в трактир «Роза». День был на исходе. Предупредительный теолог оставил дверь открытой, и в их комнате, где столько раз соединяли они сердца и тела, оба совершенно забыли обо всем. Он — о предложении жениться, сделанном матерью Лизбет, и своем замешательстве, так как не мог сознаться в причинах, мешающих ему сделать это; она — что Франц, вместо скромного служащего, которого она полюбила, оказался внуком императора, одним из возможных наследников австрийского престола.

Влюбленные отдались двойному опьянению чувств, оставив на потом размышления, заботы, страхи. Расставаясь, условились встретиться среди недели. Прием в честь маршала Мезона требовал присутствия герцога. После страстного поцелуя на прощанье герцог Рейхштадтский сказал Лизбет:

— Думаю, у нас не было никакой необходимости в эликсире. Но черт меня побери, если я не прав, — у этого зелья есть определенно прекрасное качество, ведь это оно помешало нам сегодня рассориться и способствовало такому чудесному примирению.

Сходи к этому знахарю, Лизбет, и передай, что его напиток дал нам не любовь, так как ничего — ведь правда же — не могло разрушить ее. Он дал то, что поддерживает и возбуждает любовь: уверенность в себе и надежду на совместное и счастливое будущее.

Видение

Графиня Наполеон Камерата, используя все возможности проникнуть к герцогу Рейхштадтскому, решилась на смелое предприятие.

Она приметила молодого человека, Альберта Вейса, который часто приходил в трактир «Роза», поскольку ухаживал за дочерью трактирщика. Остановив его однажды, графиня спросила, правда ли, что он вхож в замок Шенбрунн.

Альберт Вейс ответил, что он столяр и сейчас занят на работах внутри замка, таким образом, может входить туда в

любое время. И добавил, что работа у него временная. Он надеется жениться на дочери трактирщика Мюллера, красавице Эльзе. Тогда бросит столярничать и станет управлять трактиром. Но, к несчастью, есть одно условие, от которого зависит его будущее. Чтобы получить руку девушки, нужно стать привратником, то есть потеснить своих соперников Фридриха Блюма и Карла Линдера, так как они тоже добиваются у суперинтенданта этого места и ухаживают за Эльзой.

Графиня пообещала Альберту Вейсу помочь в получении желаемой должности, если он согласится содействовать ее планам. Она попросила его облегчить ей проникновение в замок, чтобы ее никто не увидел, и добавила, что он не только получит плату, но определенно добьется назначения, к которому стремится.

Счастливый, что сможет переиграть своих соперников и получить должность, позволяющую ему стать супругом Эльзы, Альберт Вейс ни в чем не видел препятствий и был уверен, что ему не составит труда удовлетворить просьбу графини. У него как раз сегодня работы в парке — на одной из аллей, выходящих к воротам. Он назначил графине встречу слева от привратницкой, возле дверцы в стене, говоря, что она будет открыта. Ей останется только идти прямо, пока не встретит его. Он-то и проведет ее в замок.

Графиня поблагодарила молодого столяра и заверила, что будет точна. Вечером, в условленное время, она оказалась около маленькой дверцы, которая действительно была открыта, прошла в указанном направлении и увидела Альберта, работающего или делающего вид, что прибивает какие-то доски.

Графиня набросила широкую накидку и осталась без головного убора. Столяр вздрогнул, увидев ее и не сразу признав. Она сняла парик, который обычно носила, открыв довольно коротко подстриженные волосы. Мужская прическа подчеркивала энергичный профиль и сильные и решительные черты лица.

Под накидкой графиня, казалось, прятала какой-то предмет. Вместе с Вейсом они отправились к апартаментам герцога Рейхштадтского. Недалеко от них она попрощалась с проводником, попросив его оставить приоткрытой дверь, через которую только что вошла.

Альберт Вейс, нисколько не обеспокоенный тем, что собирается делать эта искательница приключений во дворце, думал лишь как напомнить графине о ее обещании. Вдруг она сама, подтверждая, что ничего не забыла, сказала ему:

— Молчите и помогите мне! Обещаю, вы получите место привратника.

Это заверение поддержало соискателя руки прекрасной Эльзы, однако теперь он задался мыслью: что случится, если во дворце обнаружат эту женщину со стрижеными волосами? Вдруг суперинтендант начнет расследование, чтобы узнать, как она могла попасть во дворец? И что тогда станется с ним?

Оставшись одна, графиня сбросила накидку. Оказалось, что она была одета как Наполеон I: зеленый сюртук, белый жилет, белые штаны и чулки, открытые туфли. Под мышкой спрятана традиционная треуголка, которую она водрузила на голову. Графиня смело подошла к двери, за которой находился ничего не подозревавший герцог.

Она дважды легонько стукнула, оглядевшись предварительно, нет ли поблизости кого из слуг, и вошла в комнату, где, удобно расположившись в кресле, сын Наполеона читал книгу.

Графиня, прикрыв за собой дверь, остановилась неподалеку от знаменитого кузена и стала ждать.

Герцог вдруг поднял голову и увидел ее. Он растерянно дернулся и поднес руку ко лбу. Перед ним явилось видение его отца, портрет, который он столько раз разглядывал с любовью и нежностью. Он отшатнулся, решив, что сходит с ума, затем поинтересовался:

— Кто вы и по какому праву на вас этот костюм?

Разум подсказывал ему, что перед ним переодетый человек. Он знал, что призраки бывают только в легендах, и никогда не верил в привидения. Герцог собрался позвонить, убежденный, что его кто-то так зло разыгрывает, но графиня остановила его:

— Погодите, принц! Я ваша кузина — графиня Наполеон Камерата. Я надела этот костюм, который должен воскресить в вас приятные воспоминания. Хотя вы и были совсем малы, но, конечно же, не забыли того, кто его носил. Позвольте объяснить вам все.

— К чему, мадам, этот дешевый фарс? — спросил герцог. — Если вы не дадите мне удовлетворительного объяснения, предупреждаю, я позову охрану и воздам по справедливости за подобный маскарад.

— Нет, дорогой кузен, мой принц, не надо охраны! То, что я хочу вам сказать, требует строжайшей секретности…

Я прибыла из Венеции, чтобы напомнить вам не только о нашем родстве, но и о вашем знаменитом происхождении…

— Я не нуждаюсь, мадам, в том, чтобы мне напоминали, чей я сын. Перейдем к делу. С нетерпением жду ваших объяснений!

— Хорошо, принц. Это переодевание задумано было лишь для того, чтобы поразить вас, напомнить, кто умер там, на острове Святой Елены, чтобы спросить у вас, не задумывались ли вы о

мести, не готовы ли к великой роли, которую вам суждено сыграть как сыну и наследнику Наполеона?

— Возможно, мадам, у меня есть такие мысли, — сухо сказал герцог, — но нет ни малейшего желания быть с вами откровенным. Вы моя кузина, как утверждаете, я и вправду слышал ваше имя. Но вам не следовало так наряжаться, чтобы напомнить мне отца, память о котором, уж поверьте, я храню в своем сердце!

— Ваш отец, дорогой кузен, — сказала графиня с силой, — если бы он сам явился сюда вместо меня, если бы мог говорить с вами, то сказал бы, что вам не должно оставаться в этом дворце, вас ждут во Франции, друзья уже готовы отвезти вас туда, что весь народ будет радоваться вам, что вы ради себя самого, ради памяти о своем отце должны пойти по его славным стопам, показать себя достойным наследником Наполеона. Вам, дорогой кузен, предстоит исполнить великий долг перед французским народом. Вы его император, так идите править!

Герцог слегка пожал плечами:

— Предполагаю, мадам, — сказал он, — что вы действуете под влиянием временного безумия, что я вполне могу простить, однако не желаю вас больше слушать, уходите!

— Так вы считаете меня сумасшедшей?! — яростно выпалила графиня. — Потому что я заставила вас устыдиться вашего безразличия к наследованию империи, которая вам принадлежит? Сумасшедшей, потому что я заявляю, будто французы всеми мыслями стремятся в Вену, чтобы напомнить вам о чаяниях этой страны, которой столько лет управлял ваш отец?!

Нет, кузен, я не сумасшедшая! Я верю в династию Наполеона. Но раз вы стали австрийцем, раз ничто не отзывается у вас в сердце при имени вашего отца, при воспоминании о Франции, вы правы, я не должна более носить этот костюм, в таком случае годящийся лишь для маскарада! Ничего больше не осталось от того, что было Наполеоном, я вижу, к несчастью, что великий человек умер, не оставив потомков!..

Прощайте, кузен! Для меня вы мертвы и больше меня никогда не увидите. Разве что в день, когда жизнь начнет покидать вас, вы, может быть, произнесете слова раскаяния и захотите завещать кому-то, носящему ваше имя, корону, которую вы не пожелали принять, империю, которую вы покинули… Прощайте.

И прежде чем герцог пришел в себя от удивления, графиня Камерата ринулась к лестнице. Укрывшись накидкой, она без помех добралась до дверцы в парк, оставленной открытой, промчалась по тропинке, ведущей к трактиру «Роза», той самой,

по которой герцог столько раз ходил на свидания с Лизбет.

Она влетела в трактир, как фурия, отчаявшаяся, злая. Сорвав с себя одежду Наполеона, графиня облачилась в пеньюар. Вдруг в дверь громко постучали. Она открыла. На пороге стояли пять или шесть человек, и один из них, с бумагой в руке, спросил:

— Графиня Наполеон Камерата?

— Да. Что вам от меня нужно?

— Я старший инспектор имперской полиции, у меня приказ на ваш арест. Прошу следовать за мной!..

Воля народа

Войска отдавали последние почести генералу кавалерии Зигенталю. Было холодно. Церемонию прервало неожиданное происшествие.

Герцог Рейхштадтский находился во главе своего полка. Когда он начал отдавать приказание, голос вдруг отказал ему, лицо побледнело. Один из офицеров заметил, что герцог едва держится в седле и свалился бы на землю, если бы его вовремя не поддержали.

Его Высочество привезли во дворец с уже начавшимся жаром. Личный врач, доктор Мальфатти, распорядился уложить герцога в постель и определил состояние больного в целом очень плохим, поскольку жар вызван упадком сил и угасанием, причину которых он понять не может. Врачи собрались на консилиум и сделали вывод, что здоровье герцога сильно подорвано, его органы расстроены, главным образом грудь и внутренности, и нужно опасаться дальнейшего ухудшения и осложнений.

Изучили образ жизни герцога и признали, что охота, длительные прогулки, военные экзерсисы, которым он предавался с такой страстью, не соответствовали его силам. Резкие движения послужили причиной болезни и ослабления больного.

— Думаю, — говорил доктор Мальфатти своим коллегам, приглашенным для консультации, — что в этом молодом человеке есть некое начало, толкающее его к сумасбродству, так что рассуждения и предосторожности были напрасны против неизбежности, к которой оно его привело.

Несчастный герцог был уже приговорен. Никто не мог догадаться о причине болезни, поразившей его, о яде в крови. Разрушение организма было лишь вопросом времени. Ни один врач не посчитал бы себя вправе отвечать за его жизнь.

Когда прошел первый приступ лихорадки, охватившей его в день похорон, непосредственная опасность миновала, врачи рекомендовали ему быть очень осторожным, не выходить часто и

без сопровождения, особенно по вечерам. В результате этих мер, к которым его вынудила болезнь, он оказался под большим наблюдением, чем когда-либо, и несколько недель не виделся с Лизбет.

Ему было трудно связаться с ней, герцог не осмеливался спросить о юной чтице у персонала дворца. Беспокойство за девушку ухудшало его состояние. Он говорил себе:

— Лизбет, наверное, думает, что я забыл ее. Конечно, она уверена в моих чувствах к ней, но когда встретиться мешают обстоятельства, срабатывает воображение, в одиночестве и тоске рождаются химеры, являются страхи, вокруг себя видишь только одни несчастья. Мне обязательно нужно как-то передать Лизбет, что я хочу ее видеть. Я должен объяснить, почему не могу встретиться с ней и она ничего не знает обо мне.

Герцог справедливо опасался, что в Вене понятия не имели о его болезни. Врачам был отдан приказ не разглашать диагноз. Для всех он простудился во время похорон генерала, а затем отправился с инспекцией войск в Тироль. Чистый горный воздух поможет ему восстановить силы. Эти сведения, повторяемые персоналом дворца, опубликованные в газетах, определенно должны были достичь тех, кто его знал. Лизбет, в первую очередь, должно было прийти в голову: почему она не получает от него писем? Может быть, она приходила к Фридриху в трактир «Роза», чтобы узнать о нем?

Герцогу Рейхштадтскому как-то после обеда удалось ускользнуть из дворца в сопровождении лишь одного слуги. Он направился к трактиру, но вместо Фридриха нашел молодого человека, также увлеченного дочерью трактирщика, прекрасной Эльзой. Это был Карл Линдер, один из претендентов на руку девушки и наследство трактирщика Мюллера.

Узнав герцога, Линдер почтительно поклонился и с непринужденностью в обращении, которую венские горожане усвоили со времен прогулок в народ Иосифа II, обратился к нему.

Молодой столяр спросил герцога, как он себя чувствует и полезна ли ему прогулка.

Герцог, поблагодарив, попросил стул и сел перед дверью в трактир, так как почувствовал, что устал. Он заговорил с Карлом Линдером о его работе и положении дел. Молодой человек чистосердечно и наивно отвечал ему, что хотел бы жениться на Эльзе и ждет только одного: места привратника при дворце.

Он умолял Его Высочество соизволить помочь ему. Одним словом тот мог решить его счастье.

Герцог ответил, улыбнувшись:

— Если бы зависело только от меня, то вы бы немедленно

были назначены привратником дворца, поскольку я не из тех, кто мешает молодым людям любить, но, мой бедный друг, я уже почти что дал слово.

— Кому же? — спросил Карл, бледнея.

— У вас есть здесь, — продолжал герцог, — парень, которому не дается теология, но он стремится, как и вы, стать мужем Эльзы. Ему тоже нужно место привратника.

— Фридрих! — взволнованно воскликнул Карл.

— Он самый.

— Ваше Высочество его знает? Тогда у меня точно не будет этого места, — опечалился Карл.

— Не стоит отчаиваться, — ответил герцог. — Даже если у меня и есть некоторые обязательства перед Фридрихом и если я расположен выделить его, то не считаю справедливым, будто от решения суперинтенданта, дающего вам или ему должность, которой вы добиваетесь, может зависеть счастье или несчастье вас обоих. Я не буду вмешиваться в дела суперинтенданта, но если бы и вмешался, друг мой, то начал бы с того, что спросил мнение Эльзы.

Герцог умолк, затем, как бы почувствовав боль в груди, протянул руку в сторону сопровождавшего его слуги и приказал:

— Немедленно возвращайтесь в мой кабинет. Возьмите на столе маленький флакончик с желтой этикеткой и принесите сюда.

Слуга тотчас же ушел, и герцог остался наедине с Карлом.

— Вы же, друг мой, — попросил герцог, — в свою очередь окажите мне услугу.

— Всегда готов, Ваше Высочество!

В спешке написав несколько строк в своей записной книжке, герцог протянул вырванный листок молодому человеку:

— Отнесите записку по этому адресу. Идите и помните, привратники во дворце не из числа болтливых.

— Ваше Высочество может рассчитывать на меня, — с готовностью ответил Карл и тотчас умчался.

Уже должен был вернуться камердинер, и герцог собирался продолжить прогулку, как заметил в нескольких шагах от себя двух человек, которые низко поклонились ему и явно хотели подойти поближе.

Он спросил себя, кто бы это мог быть. Мелькнула мысль об убийцах или шпионах, но достаточно было одного взгляда, чтобы выбросить из головы это предположение.

Один из незнакомцев — просто гора какая-то, одетый в длинный редингот, в руках — тяжелая трость; другой — молодой, с решительным и бравым видом, лицо открытое. Создавалось

впечатление, что они иностранцы.

Как только герцог ответил на их поклон, эти люди приблизились к нему, и тот, что повыше и постарше, быстро сказал:

— Ваше Высочество, мы французы: я — старый солдат вашего отца. Нельзя ли поговорить с вами часок без свидетелей? Мы прибыли к вам из Франции, с очень важным посланием.

Герцог подумал, что эти люди — те самые посланцы, о которых говорила сумасшедшая графиня Камерата. Стоит ли вообще разговаривать с ними? А почему нет, если есть большое желание узнать что-нибудь о Франции… и потом этот старый солдат служил его отцу: можно ли вот так резко оттолкнуть его?

Слуга возвращался, он был уже в нескольких шагах. Герцог подумал о свидании, которое назначил Лизбет, и решил, что можно бы определить тот же день и то же место для встречи с двумя посланцами.

Он предложил им прийти на следующий день, в тот же час, в этот трактир и спросить Фридриха Блюма.

Герцог быстро попрощался с французами и, выпив для виду несколько капель мышьякового настоя, который ему принесли, взял под руку слугу и медленно направился в сторону Шенбрунна.

На следующий день он заявил, что находится в прекрасной форме и хотел бы нанести визит императору. В сопровождении врача и шталмейстера герцог направился в Хофбург.

Во дворце он изо всех сил старался показать, что хорошо себя чувствует, весел и доволен жизнью. Он расточал улыбки и приветствовал всех, с кем встречался и кто спрашивал его о здоровье, независимо от их положения при дворе.

Встреча с дедом была очень сердечной. От Франца-Иосифа скрывали, насколько серьезно болен внук. Старый император, услышав о простуде, добродушно сказал:

— Мальчик взрослеет! В его возрасте у меня часто бывали лихорадка и ломота в суставах. Со временем это пройдет.

Император Австрии не имел ни малейшего представления о медленной смерти, которая притаилась в его внуке.

Распрощавшись с дедом, герцог Рейхштадтский выразил желание пройтись по галереям дворца, говоря, что он давно тут не был и совсем недурно пропитаться духом императорского дома. Нечего и говорить, зачем ему понадобилось «пропитаться духом». Конечно же, его интересовала только юная чтица. Но напрасно он переходил из зала в зал, веля открывать двери апартаментов, спрашивая о той или иной картине или мебели, расположение которых ему хотелось бы вспомнить. Лизбет не

было нигде.

Он не осмеливался спросить о ней, сердце жгли зловещие предчувствия. Пора было возвращаться в Шенбрунн. Вдруг он вспомнил о назначенном в трактире «Роза» свидании с двумя французами.

Безрассудно, конечно, одному, без сопровождения, отправляться на подобную встречу, тем не менее герцог решился. Шталмейстер и врач отстали от него, когда он вошел к деду, так как предполагали, что он возвратится в сопровождении офицера дворцовой охраны. Слава Богу, от этого-то он быстро избавился. Один и свободен, чего же еще надо!

Он добрался до знакомой аллеи в парке, ведущей к дому Фридриха Блюма, и нашел его в коридоре, будто тот стоял на часах.

— Ваше Высочество, — сказал он, — два иностранца ожидают вас, утверждая, что вы назначили им встречу. Я не хотел оставлять их одних.

— И правильно сделал, — похвалил его герцог, — оставайся у двери. Если вдруг ты мне понадобишься, я позову тебя.

Герцог Рейхпггадтский вошел. Ждавшие его поднялись и почтительно поклонились. Он пригласил гостей в соседнюю комнату. Ему не хотелось, чтобы их с Лизбет гнездышко было занято. Ведь может статься, что девушка, получив записку, которую он отправил с Карлом Линдером, все же не пропустит назначенного свидания.

Французы представились герцогу.

Это были Ла Виолет и Андре.

Каждый в свою очередь рассказал, что вследствие событий, которые только что произошли в Париже, победивший народ более или менее смирится с наместничеством герцога Орлеанского и, возможно, с временным его повышением до конституционного монарха. Таким образом, перед сыном Наполеона открывается возможность сыграть свою роль и занять подобающее ему место. Речь шла о том, чтобы вернуться во Францию, заявить о себе, представиться французам и предложить возродить наполеоновские традиции. Памяти о его отце, блеске его славы будет достаточно, чтобы уничтожить буржуазного представителя Луи-Филиппа. Весь народ станет приветствовать Наполеона II.

Андре заявил, что как студент он знает умонастроения молодежи в учебных заведениях и большая часть образованного населения Парижа считает необходимым возродить бонапартистскую партию и представить вооруженную Республику, победоносную Республику. И добавил, что в вентах, в которых он

принимает участие, герцогу обеспечено большое количество сторонников. Карбонарии располагают значительными силами, особенно в гарнизонах. Если бы он открыто появился в таких французских городах как Гренобль, Безансон или Страсбург, на его выбор, ему не только бы открыли ворота и приветствовали его, но к нему бы еще примкнул солидный контингент солдат, а потом и единодушно присоединилась вся армия. Достаточно двум полкам, будь то в Гренобле или Страсбурге, высказаться за него, как все, кто носит оружие во Франции, бросятся к Наполеону II. Извлекут из сундуков бережно хранимые старые патронташи и орлы.

Ла Виолет гарантировал герцогу Рейхштадтскому поддержку старых солдат его отца, кто еще способен драться. Все те, кто пострадал от сурового режима Реставрации, все те, кто ненавидел монархию Бурбонов, все те, кто взял в руки оружие во время трех славных дней Июля, встанут за него и дадут материальную и моральную поддержку, достаточную, чтобы опрокинуть временный и плохо укрепленный трон Луи-Филиппа.

Герцог внимательно выслушал предложение. Он поблагодарил смелых французов, которые, не побоявшись австрийской полиции, такой бдительной, смогли добраться до него и представить доказательства преданности его сторонников во Франции. Однако добавил, что очень сожалеет, ибо они напрасно подвергали себя такому риску. Он более чем кто-либо уважает славу и традиции своего отца, боготворит знаменитого воина, о котором вспоминает с нежностью. Помнит, как тот поцеловал его в последний раз перед походом в Россию. Он любил отца, от него долго скрывали его историю, но теперь он знает ее всю. Знает, при каких обстоятельствах Наполеон, дав народу гарантию дополнительного акта, был вынужден отречься, бежать, прибыть в Англию, которую считал лояльной.

Герцог объяснил, что не хочет влезать в авантюру, в которой Наполеон потерпел поражение. Хватит ли у него авторитета, чтобы победить сопротивление Палаты депутатов? Как ему противостоять давлению общественного мнения, уже благоприятного по отношению к герцогу Орлеанскому, в котором видят лучшего из республиканцев? Какие ресурсы в людских силах и деньгах мог бы он положить на чашу весов против тех, кому финансисты, политики, генералы, дипломаты доверили корону и судьбу Франции? Он присутствовал на приеме маршала Мезона, посла Франции. Он смог поговорить с его окружением и узнал, что, несомненно, во Франции устали от Бурбонов, но совершенно новая конституционная монархия еще не породила ни раздражающего сравнения, ни обвинений, ни враждебности.

Он считает себя, конечно, выразителем идей своего отца, а потому не намерен начинать гражданскую войну во Франции.

Страна едва оправилась от страшных потрясений Июльской революции. Вправе ли он принести ей новые разногласия, ненависть, борьбу? Если бы отец был здесь, он наверняка заставил его отказаться от этого временного предприятия, которое привело бы к роковому концу.

— Не предлагали ли ему, господа, — заметил герцог с горечью, — сбежать из этой ужасной тюрьмы на острове Святой Елены, где англичане издевались над ним? Он не захотел вернуть трон, вновь взбаламутив Францию и всю Европу. Вам хорошо известно, что он отказался. Он счел за лучшее продлить свои мучения, чем развязать гражданскую войну во Франции, и пожертвовал жизнью, отказавшись от любого плана побега…

— Да, я знаю об этом, Ваше Высочество, — сказал Ла Виолет, — так как был на Святой Елене, я даже один из тех…

Он не смог закончить.

Герцог Рейхштадтский с чувством сжал ему руки, переспросил:

— Вы были на Святой Елене? Вы видели моего отца?

— Да, я имел эту честь и эту радость, и малыш, вот этот, тоже, Ваше Высочество.

— Как, этот молодой человек? — удивленно спросил герцог, с любопытством глядя на Андре.

Тот быстро извлек из кармана небольшой предмет:

— Ваше Высочество, я был тогда лишь ребенком, но тоже имел счастье встретиться с великим Наполеоном. Он даже дал мне поручение к вам.

— Ко мне?

— Посмотрите на портрет, Ваше Высочество. Он дал мне, чтобы я… ведь вы мне вернете его?! показал вам и сказал, что он вас очень любил!

Герцог схватил табакерку, которую Наполеон дал юнге, встретившись с ним на тропинке в Лонгвуде.

Он поцеловал миниатюру, представлявшую императора в его бессмертном костюме, затем долго рассматривал черты великого человека, чья кровь текла в нем, и глаза наполнились слезами.

Герцог снова сжал руки Андре и Ла Виолета, спрашивая у них малейшие детали того, что они видели на Святой Елене, что они узнали, как в то время чувствовал себя отец, как он выглядел, и особенно, что говорил о нем.

Ла Виолет не мог в полной мере удовлетворить любопытство герцога, ибо, как он объяснил, его отношения с узником Наполеоном ограничились простым взглядом и поклоном.

Недреманное око англичан мешало общению более тесному. Только Андре, которого Ла Виолет представил как внука одного из храбрейших маршалов империи Лефевра, герцога Данцигского, смог поговорить с Наполеоном. А тот, тронутый его юностью и благородством, сделал ему подарок в виде этого портрета, обмолвившись, что, быть может, однажды в Вене он увидит его сына и сможет поговорить с ним о нем…

Волнение герцога было очень сильным, настолько сильным, что сердце его билось как бешеное, перед глазами все поплыло и он приложил руку к груди, боясь, что она сейчас разорвется. А ему еще нужно было так много сказать им:

— Друзья мои, дорогие мои друзья, вы не можете себе представить, как счастлив я видеть вас и говорить с вами о моем отце. И именно потому, что я отдаю себе отчет в дружбе и признательности, которые испытываю к вам, мне нужно действовать быстро и решительно…

Вы не должны задерживаться здесь. О вашем присутствии скорее всего уже знают, и ничто не спасет, если вас арестуют и будут допрашивать. Вас ждет самое суровое наказание, предусмотренное австрийской полицией для тех, кто признан виновным в покушении на безопасность государства. Я буду бессилен защитить вас. Мое вмешательство только усугубит ваше положение и вызовет противоположную реакцию. Значит, вам нужно отправляться тотчас же. Обещайте покинуть Вену немедленно. Вы сделаете это?

— Ваше Высочество, мы должны выполнить свою миссию, — сказал Ла Виолет. — Мы знали, на что идем, когда отправлялись сюда. Для нас уже большое счастье, что мы смогли приблизиться к Вашему Высочеству. Мы останемся здесь, пока вы не примете окончательного решения.

— Оно принято, друзья мои. Я прошу вас еще раз и даже приказываю: покиньте Вену немедленно!

— Ваше Высочество, — сказал Андре, — мы обязаны привезти вас в Париж! Почему бы не ответить на желание тысяч французов, которые зовут Наполеона II в свои ряды?

— Раз вы настаиваете на четком и твердом ответе, который, быть может, принудит вас подчиниться мне и немедленно вернуться в вашу… в нашу страну, друзья мои, — вновь заговорил герцог, — хорошо! Я отвечаю вам откровенно и прямо: нет, я не последую за вами! Я люблю Францию, я хочу, чтобы она была счастлива. Я не чувствую себя способным взять силой трон, который уже занят. Я не хочу, чтобы из-за меня пролилась кровь французов… Луи-Филипп I — французский король, выбранный народом. Если воля народа обратится против него и прикажет

прийти мне, я приду… Сын Наполеона не может пренебречь волей народа, но нужно, чтобы народ заговорил… И приказал! Нет! Даже не подумайте клясться, что мое имя было предложено на народное голосование… Обо мне забыли… И не нужно заставлять французов вспоминать. Вы предлагаете мне завоевать трон, я предпочту, чтобы мне его дали… И еще, друзья мои, могу ли я попросить вас?.. Мой отец говорил вам, мсье, — он обратился к Андре, — что как только встретите меня, покажете портрет… Можно ли мне оставить его у себя?

— Ваше Высочество! — срывающимся голосом начал Андре. — Я хотел бы ценой своей жизни сохранить этот портрет, но мне кажется, что император давал мне его не без задней мысли. Он надеялся, что я оставлю его вам.

Храните же его, Ваше Высочество, и поскольку сейчас не хотите следовать за нами, может быть, глядя на этот портрет, вы однажды измените свое решение и вспомните о нас. Дайте только знать… И спаси нас Господь, чтобы не оказалось слишком поздно.

— Не нужно об этом, — возразил герцог, нахмурившись. — Признаюсь вам, как своим самым близким друзьям… Вам придется поверить этому. Даже если бы не было политических мотивов и гуманных резонов, которые не позволяют мне взять на себя роль авантюриста и проникнуть во Францию в качестве заговорщика, пусть даже для того чтобы победоносно войти в Тюильри, есть еще одна причина, которая заставляет меня отказаться… Эта причина… да разве вы не видите ее на моем лице, в моих чертах? — герцог сильно побледнел.

— Нет, Ваше Высочество, я ничего не вижу! — пробормотал Ла Виолет.

— Ну-ну! Мои дорогие соотечественники, мои дорогие друзья, должен вам сказать, что через несколько месяцев меня уже не будет. У меня в груди тлеет огонь, и совсем скоро вы узнаете, что сын Наполеона присоединился к своему славному отцу…

— Ваше Высочество, зачем эти жуткие предчувствия! Вы будете жить! Вы молоды, Франция ждет вас, надеется на вас! Вам нельзя падать духом. Такие мрачные мысли не пристали молодому человеку, сыну Наполеона!

— Я знаю, что говорю, друг мой, как знаю, что чувствую! Я не должен, стоя на пороге смерти, толкать Францию на новую революцию… Полагаю, что, отказываясь и оставаясь здесь, я лучше послужу нации, которую люблю и на земле которой, на берегу Сены, хотел быть похоронен мой отец… Довольно!

Еще раз говорю, пришел час нашего расставания. Что я могу сделать для вас?.. К несчастью, ничего. Вы отдали мне портрет

отца и должны получить взамен другую реликвию…

У меня есть несколько строк, написанных отцом, которые были переданы мне очень давно моей гувернанткой, госпожой де Монтескье. Возьмите этот драгоценный лист, он послужит подтверждением для ваших друзей, что вы исполнили свою миссию и сделали все, что смогли…

Герцог вынул из бумажника старательно сложенное письмо, содержавшее наставление императора своему малолетнему сыну и бережно сохраненное госпожой Монтескье:

> *Хочу, чтобы мой сын, если он когда-нибудь будет у власти, правил бы только для народа и с народом. Хочу, чтобы, получив трон от меня как наследник по крови, он никогда не забывал, что только воля народа должна поддерживать его, и не делал ничего против воли народа.*
>
> *НАПОЛЕОН*

Наставление, которое он вписал почти теми же словами в свое завещание…

Герцог поднес письмо к губам, прежде чем расстаться с ним, и взволнованно сказал, протягивая его Андре.

— Это наставление, друзья мои, я доверяю вам, ибо считаю, что в данный момент воля народа состоит в том, чтобы я оставался в Вене… Скажите вашим друзьям, что хотя я остаюсь здесь, мое сердце и моя любовь — с ними. И еще скажите, что здесь, в этом дворце, наполненном воспоминаниями о моем отце, я думаю только о Франции, а также, что я склоняюсь перед волей народа… Он не выбрал меня! Быть может, еще не пришло время и не мне судьба уготовила возродить имя и династию Наполеона… Господа, мы должны ждать и не совершать насилия над народной волей, которую я предвижу и угадываю, но которой не могу приказывать. Долг сына Наполеона и всех тех, кто носит это славное имя, желать счастья Франции и уважать правительство, которое она себе выбрала. Наполеон I не захотел последовать за вами с острова Святой Елены из боязни прослыть авантюристом. Наполеон II тем более не последует за вами из Вены, чтобы не стать мятежником…

Желая смягчить суровость отказа, он пошутил, глядя на опечаленных французов и приглашая их тоже посмеяться над своей шуткой:

— Во Франции я не знаю никого, кому мог бы передать привет, но когда вы прибудете в Париж, не откажите, господа, в любезности, поклонитесь от моего имени Вандомской колонне!

И сразу же став серьезным, добавил:

— Прощайте, господа, время торопит. Отправляйтесь немедленно, говорю вам, завтра уже будет поздно!..

Он еще раз горячо пожал руки Ла Виолету и Андре, распахнул дверь и проводил их по коридору.

Фридрих Блюм ждал. Герцог приказал ему проводить этих людей как можно тише и быстрее до их пристанища и проследить, чтобы они беспрепятственно покинули Вену этим же вечером.

Фридрих кивнул и сделал знак Ла Виолету и Андре. Они уходили с тяжелым сердцем, оттого что потерпели неудачу, и более обеспокоенные состоянием здоровья молодого герцога, нежели опасностями, которые ожидали их при встрече с венской полицией.

Одна судьба

Вернувшись в комнату, герцог с беспокойством размышлял, почему не пришла Лизбет, какая причина помешала ей прийти на свидание. В сомнениях любовников объективные причины, физические препятствия, болезнь, делающие невозможной встречу, являются всегда последними предположениями, которые приходят на ум.

Недоверчивость и подозрительность, обостренные болезнью, привели к тому, что герцог Рейхштадтский стал подозревать Лизбет в охлаждении. Сначала она, видно, страдала от того, что он помимо своей воли оставил ее одну, затем с досады, решив, что больше не любима, узнав, кто он, запретила себе думать об этой любви, и, может быть, даже разожгла в себе ненависть, чтобы вытеснить любовь.

Открытие его ранга, действительно, повлияло на девушку. Она мечтала разделить любовь с тем, кого считала равным себе. Поняв, что никакой союз невозможен и рано или поздно она вынуждена будет расстаться со своим любимым либо по воле императора, либо из-за чувства собственного достоинства и ее положения при дворе, либо, наконец, потому, что эрцгерцогу будет предложена какая-нибудь принцесса, она отказалась от несбыточных надежд и постаралась прогнать из мыслей и желаний воспоминание о любви, которая существовала только для Франца и на которую внук императора не имел никакого права.

— Да, это так, — раздумывал герцог, — именно так все должно было произойти. Рассерженная моим отсутствием, не зная причин, которые отдалили меня от нее, расстроенная, несомненно, своей матерью, думая даже о расчетливом разрыве с

моей стороны, она пожертвовала прошлым, решила все забыть, и когда я отправил к ней Карла Линдера с просьбой прийти сюда, как раньше, она не соизволила ответить. Что она делает, что с ней стало? Я должен узнать!

Беспокойство, сомнение, сожаление мучили его. Он испытывал новое и жгучее страдание. Никогда он не переживал подобного состояния, такого морального упадка.

К придворным дамам, так легко шедшим навстречу его желаниям, он испытывал совсем другие чувства. Чем больше они выказывали согласия отдаться, тем меньше у него было желания взять их. Когда после короткой влюбленности наступал резкий разрыв, герцог не испытывал ни боли, ни разочарования. Он даже ощущал облегчение, как будто освободился от бремени, но сейчас природа привязанности была другой. Если невинная Лизбет полюбила в нем Франца, секретаря эрцгерцога, то она не знала, что полюбила герцога, что стала любовницей сына Наполеона. Любовь захватила ее сердце и завоевала его уважение. Чувства, которые он предполагал у Лизбет, отказавшейся от него, возненавидевшей его, возможно, с той поры, как она узнала, что он не тот, за кого себя выдает, усиливали его грусть от разрыва и ее молчания.

— Мне нужно знать, что происходит, — сказал он себе, — мне нужно увидеть ее, поговорить… Но как?

Он медленно спустился по лестнице, ведущей из комнаты Фридриха в сад, и решил отправиться к матери Лизбет. Но хорошо ли ему одному идти в пригород Асперн? Взять кого-нибудь в сопровождение? А может, найти того, кто помог бы ему узнать новости, которые он так желал раздобыть?

Тогда он подумал о парне, которого уже отправлял посланником, и, заметив Карла Линдера, бродившего около трактира, тут же окликнул его.

— Ты точно выполнил мое поручение?

— Да, Ваше Высочество. Я передал одному из привратников дворца записку для чтицы, фрейлейн фон Ландсдорф. Привратник сказал, что не знает ее, взял записку и пообещал передать камердинеру апартаментов, где должна находиться фрейлейн фон Ландсдорф.

— Ладно! — сказал герцог. — Теперь ты пойдешь со мной, если согласен, разумеется, туда, куда я укажу.

— Охотно, Ваше Высочество!

И обрадованный Карл Линдер последовал за герцогом. Славный малый говорил себе:

— На этот раз мое дело верное. Назначение привратником в Шенбрунн у меня в руках.

Так они прибыли в пригород Асперн, и герцог указал своему спутнику на дом вдовы.

— Войдешь в этот дом и спросишь у дамы, которая тебе откроет на верхнем этаже, о ее дочери.

— А кто меня послал? — спросил Карл.

— Ну, — сказал, раздумывая, герцог, — хотя бы трактирщик Мюллер, к которому эта дама частенько приходила со своей дочерью.

Карл исчез в доме, но вышел очень быстро, чем-то сильно обеспокоенный.

— Ваше Высочество, — сказал он, — я видел даму, о которой вы говорили, всю в слезах. Девушка у нее, она больна, и очень серьезно…

Герцог схватился за сердце. Резкая боль пронзила его, он почувствовал сильную слабость и едва не упал. Подскочивший Карл Линдер поддержал его своими мощными руками.

— Ваше Высочество, не желаете ли, чтобы я подозвал карету и отвез вас во дворец? — спросил он.

— Нет! Нет! Я хочу остаться! Иди, друг мой! Я чувствую себя лучше, намного лучше… И никому ни слова о нашей прогулке… Я отблагодарю тебя…

Герцог вошел в дом. Карл проследил за ним взглядом, но не ушел и объяснил сам себе:

— Очень он плохо выглядит, наш бедный герцог! Черт побери! Подожду его. Будет хорошо, если он найдет меня здесь… Сильная, пусть и неблагородная рука, вроде моей, просто необходима, когда ты эрцгерцог, да еще больной.

Герцога приняла совсем убитая горем госпожа Ландсдорф, вся в слезах, с всклокоченными волосами:

— Ах, Ваше Высочество! — рыдала она. — Не думала больше увидеть вас здесь. Моя бедная девочка в забытьи часто вас зовет.

— Что с ней? Что случилось?

— Вот уж три месяца как она заболела, Ваше Высочество! Странная какая-то болезнь, упадок сил, слабость, теряет сознание. Мы сначала думали, что это временное недомогание, у молодых девушек бывает, но она еще больше ослабла и теперь уже несколько недель не встает с постели, мокрая от пота, и днем и ночью жар!

— Бедное дитя! — прошептал герцог. — Могу я увидеть ее?

— Да, проходите. Она еще спит, когда проснется, будет счастлива, Ваше Высочество, увидеть вас… Может быть, ваше присутствие придаст ей немного сил и надежды…

Госпожа Ландсдорф подвела герцога к постели, где на белых простынях спала Лизбет.

Она тяжело и прерывисто дышала во сне, капли пота блестели на лбу, по щекам растеклась бледность, бескровные губы шевелились, казалось, шепча бессвязные слова…

Герцог наклонился к ней и в ее бреду различил несколько фраз:

— Он не придет!.. Забыл меня!.. Я умру… Не увижу его!..

Вдруг тело ее выгнулось, члены свело судорогой, по ногам прошла дрожь. Она успокоилась, конвульсии прекратились, наступило сильное изнеможение.

Герцог долго смотрел на ту, которую так любил. Он чувствовал себя бессильным вернуть ей здоровье и около постели умирающей ощутил дыхание собственной смерти.

Лизбет приоткрыла глаза. Она узнала Франца, своего Франца, попыталась приподняться, на бледных губах появилось подобие улыбки:

— Вы все-таки пришли! Я так долго ждала вас, мой друг!

— Моя дорогая Лизбет, — отвечал герцог, — мне горько, что вижу тебя больной, но если ты ждала меня так долго, то только потому, что я и сам был прикован к постели. Мне стало немного лучше, и сегодня я смог ускользнуть и прийти к тебе, убедить, что по-прежнему люблю и с нетерпением буду ждать твоего выздоровления, чтобы мы вновь зажили, как раньше, вновь стали встречаться и проводить время, где всегда. Ты тоже так думаешь, Лизбет?

Девушка снова попыталась улыбнуться, качнула головой и еле слышно прошептала:

— Спасибо, Франц! О, нет! — в голосе ее чувствовалось смущение, отчего легкая краска вернулась на щеки. — Спасибо, Ваше Высочество!

Простите меня, я сомневалась в вас, думала, что никогда больше не увижу… Теперь я могу умереть счастливой.

— Не говори о смерти, моя дорогая Лизбет! Прошу тебя! Ты будешь жить! Ты молода, и у жизни для тебя есть много счастливых дней!

— Нет! Нет! Сильнее, чем когда-либо, я сознаю, что уже не увижу тех деревьев, под которыми мы прогуливались вместе, никогда больше не услышу вашего голоса, ваших слов о том, что я не забыта. Это останется моим утешением и придаст силы до тех пор, пока жизнь не покинет меня…

— Ну же, Лизбет, будь разумной! — воскликнул герцог, пытаясь казаться спокойным. — Тебе двадцать лет, ты сильная. Болезнь не будет долгой, и скоро начнется улучшение, а за ним — выздоровление. Ты будешь счастлива, как раньше, уверяю тебя!

— Не обманывайте меня, Ваше Высочество! Я прекрасно

знаю, что для меня все кончено. Знаете, с того момента, как вы здесь, я уже счастлива и чувствую себя лучше, но в то же время еще хуже… Мне кажется, что силы прибывают и я могу встать, и тут же замечаю, что жизнь останавливается во мне… Глаза закрываются помимо моей воли, — она положила руку на грудь, — я не чувствую своего тела. Я больше ничего не чувствую! Я счастлива… Прощайте…

И, резко запрокинувшись на подушку, Лизбет умерла. Смерть пришла к ней, когда она улыбалась.

Ошеломленный герцог сжал ее руки, наклонился. Когда тело девушки неподвижно застыло и нечто вроде глухого стона, последнего вздоха, вырвалось из ее горла, он упал на колени перед постелью и, закрыв лицо руками, долго плакал.

Выйдя из забытья, которое его охватило, герцог поднялся и сказал госпоже Ландсдорф:

— От горя и боли, без сил, я почти такой же, как бедная Лизбет, мы никогда уже не услышим ее голоса. Как ужасно, как это ужасно! Это самое страшное в моей жизни! Жестокое жало смерти, оно разит молодые, любящие и нежные существа!

Чем прогневила она Господа, чтобы Его длань покарала бедное беззащитное существо, которое так хотело жить? О, матушка, у нас одна боль, но я не знаю, что делать, на что решиться. Мне нужно возвращаться во дворец.

Я даже не имею права открыто оплакать ту, которую так любил! Меня тоже покидают силы… Как и Лизбет, я скоро умру… Она зовет меня к себе! Лизбет! Моя Лизбет! Я присоединюсь к тебе. Я иду! Почему ты не дождалась меня, чтобы умереть вместе?..

И герцог, покачнувшись, рухнул в кресло, стоявшее недалеко от постели.

Испуганная госпожа Ландсдорф хотела уже звать соседей, но молодой человек, сделав усилие, взял ее за руку и сказал:

— Прошу вас, молчите! Никто не должен знать, что я приходил сюда. Мне надо уйти. Во дворце я отдам распоряжение, чтобы Лизбет похоронили как подобает… Вы предупредите письмом распорядителя церемоний, и слух об этой безвременной кончине дойдет до меня… Тогда только я узнаю об этом! Ну же, матушка, будьте мужественны и… прощайте!

— Но, Ваше Высочество, позвольте мне попросить кого-нибудь проводить вас, не выдавая вашего имени.

— Нет, матушка, мне нужно побыть одному, вспомнить о прошлом и оплакать будущее! Когда вернусь в Шенбрунн, я должен держать себя в руках и никому не показать своего горя. Дайте мне несколько минут побыть один на один с моей болью!

Он медленно спустился по лестнице, время от времени останавливаясь и покашливая, как он это уже делал возле постели усопшей, поднося руку к груди и ощущая беспорядочные удары сердца.

На улице он несказанно обрадовался появлению доброго и деликатного Карла Линдера, оперся на его руку и вернулся во дворец.

Едва он вошел в свою комнату, как почувствовал сильную дрожь, зубы его стучали, на лбу выступили капли пота. Тотчас же вызванный врач прописал сильнодействующее средство, однако что-то вроде горячечного бреда охватило герцога. Все, кто был около него, слышали, как он произносит странные слова, называет бульвары и имя женщины. Он обвинил врача в том, что ему дают питье, которое вызывает жар, сжигает его. Хотел встать и, всегда добрый со слугами, начал кричать на них, швыряя пузырьки с лекарствами, которые ему давали. В какой-то момент рявкнул в лицо потрясенному врачу:

— Вы все хотите отравить меня!

Болезнь на этот раз была настолько долгой, что были вынуждены объявить о ней при дворе. Заговорили о путешествии в Италию, но после тщательного осмотра больного решили, что перевозить его опасно. С каждым днем жизнь уходила из него. Жить герцогу оставалось несколько недель.

О его состоянии предупредили в Парме Марию-Луизу. Она отправилась в путь и прибыла в Вену в торжественный и трагический час. Принцы императорской семьи должны были присутствовать на последнем причастии. Герцогиня Пармская вошла во дворец в сопровождении французского дворянина с приятными манерами, улыбающегося всем и вся, господина де Бомбеля, преемника Нейперга, который, как поговаривали, вступил в тайный брак с Марией-Луизой. Здесь она увидела архиепископа Мишеля Вагнера в полном облачении перед постелью умирающего сына. Он совершал таинство последнего причастия. Весь двор выстроился как на параде.

Мария-Луиза дождалась конца церемонии, наклонилась над сыном, поцеловала его и спросила, не чувствует ли он себя лучше, получив святое причастие.

— Несомненно, мама, — ответил герцог довольно твердым голосом, — но когда же, когда наступит конец?

Безуспешно попытавшись приподняться, он откинулся на подушки и больше ничего не сказал.

Мария-Луиза провела ночь возле сына. В середине ночи герцог вдруг приподнялся на постели и вскрикнул:

— Я умираю! Умираю!

Дежурный камердинер, барон де Моль, и слуга, которые не покидали больного, схватили его под руки, стараясь удержать, так как он рвался с постели. Герцогиня бросилась к нему:

— Сын мой! Успокойтесь! Ложитесь!

— Нет, нет, мама! — бредил герцог. — Где моя Лизбет? Где Лизбет?

Когда Мария-Луиза наклонилась поцеловать его, умирающий прошептал:

— Прощай!.. Я иду к отцу!

Явился запыхавшийся архиепископ Вагнер. Его предупредили, что приближаются последние мгновения герцога. Он хотел дать ему святое благословение, но смерть опередила его. Герцог Рейхштадтский уже не мог его слышать. Было пять часов восемь минут утра 22 июля 1832 года.

Болезнь или, быть может, яд, так как никто и никогда не проверял любовного напитка, который предложили герцогу, — история сохранила только предположения: отравление, работа тайных агентов, — к великой славе Священного союза и спокойствию Европы сделала свое дело.

Европейские монархии освободились от кошмара, а во дворце Шенбрунн закончились мучения отца и сына. Династия Наполеона была навечно погребена в двух могилах: Шенбруннском склепе и на скале Святой Елены. Смерть уравняла и соединила Франца и Лизбет.

Пока еще не началась агония, герцог Рейхштадтский приказал доставить во дворец трактирщика Мюллера и его дочь.

Он объявил им, что, по его просьбе, суперинтендант дворца, заполняя появившиеся вакансии, назначил трех новых привратников: Карла Линдера, Альберта Вейса и Фридриха Блюма.

Все трое, получив должность, которая являлась условием для завоевания руки Эльзы, оказались в одинаковом положении. Фридрих Блюм и Карл Линдер оказывали герцогу услуги, Альберт Вейс был настоятельно рекомендован ему графиней Камерата, умолявшей кузена простить ее неучтивость и переодевание и напомнившей ему о его отце.

Как мудрый Соломон, герцог предложил Эльзе самой, по велению сердца, выбрать жениха.

Эльза, поблагодарив герцога, заявила, что не хочет торопиться, и отложила выбор до весны следующего года.

По приказу канцлера Меттерниха, в лавку Мелхиседека нагрянула полиция.

У полицейских был приказ на арест особы по имени Рахиль, живущей у старьевщика. Настоящее имя «Рахили» было Лидия

д'Орво. Она оказалась вдовой итальянского маркиза Луперкати. Ворвавшаяся в лавку полиция нашла лишь мертвого старьевщика, по всей видимости, отравленного. Маркиза Луперкати исчезла.

Сэр Уильям Бэтхерст покинул Вену и отбыл в неизвестном направлении. Говорили, что он вернулся в Италию, где примкнул к карбонариям, среди которых быстро приобрел влияние. Бэтхерст все время в переписке с английским министерством, которое отправляет ему субсидии, хотя он и делает вид, что далек от службы британскому правительству.

Андре с Ла Виолетом вернулись во Францию. Юноша спросил у Энни, вспоминает ли маленькая цветочница с лондонских улиц об их прошлых клятвах. Ответ был достаточно ясен, и спустя несколько недель Энни и Андре предстали перед чиновником, ведающим актами гражданского состояния, который объявил их супругами. Люси Элфинстоун очень счастлива и забыла о своем горе, созерцая радостных молодоженов.

Молодая супруга, краснея под вуалью, прильнула к своему мужу и сказала, что тронута прекрасными подарками, которые прислала с верным Ла Виолетом вдова маршала Лефевра. Веселый сверх всякой меры, гордый ролью свидетеля, Ла Виолет объявил громоподобным голосом, что произнесет непревзойденную речь на свадебном обеде.

В конце обеда, проходившего очень оживленно, от Ла Виолета потребовали сдержать свое обещание.

Старый тамбурмажор поднялся. Все взоры обратились к его овеянному солдатской славой лицу. Он приложил руку ко лбу, отдал честь и прогрохотал:

— Друзья мои, да здравствует император!

Затем сел и добавил, обращаясь к соседям:

— Этим сказано все, верно? Передайте-ка мне шамбертен, вино Наполеона. Я пью за здоровье молодых…

Тело герцога Рейхштадтского нашло последнее успокоение в подвалах церкви Капуцинов, месте погребения императоров, куда его отправили с большими почестями.

Через несколько дней после похорон у церкви в задумчивости остановился какой-то молодой человек, явно путешествующий, похоже, иностранец.

Он долго смотрел на могилу того, кто обозначен в реестре императоров под именем Наполеона II и принадлежит скорее легенде, нежели истории.

Иностранец вышел из церкви Капуцинов весьма взволнованный.

Служитель, сопровождавший его к могиле сына Наполеона, расслышал, как он прошептал:

— Что ж, кузен, теперь честь носить твое имя и занять трон, куда тебе не суждено было подняться, переходит ко мне… Я принимаю на себя бремя, от которого ты отказался вместе с жизнью… Мой дорогой кузен, на твоей могиле я клянусь достойно нести крест, судьбой врученный мне, твоему преемнику и наследнику!..

Служитель покачал головой: должно, сумасшедший.

Иностранец ушел, а служитель окликнул полицейского, стоявшего у входа и, казалось, тоже обратившего внимание на посетителя. Он спросил, не знает ли тот имени молодого человека, который, как ему показалось, говорил что-то несуразное перед могилой Его Высочества герцога Рейхштадтского.

— Частное лицо, прибыл из Швейцарии, — спокойно ответил полицейский. — Сказал, что бюргер из Тургау. Безобидный малый.

— Как его зовут?

— Кажется, Луи-Наполеон.

notes

Примечания

1

Апанаж — часть королевского домена, предоставлявшаяся во Франции (до 1832 г.) и в некоторых других европейских монархиях суверенами своим младшим сыновьям, братьям, обычно пожизненно (прим. ред.).

2

Подеста — глава исполнительной и судебной власти во многих городах-республиках Италии XII–XVI веков, избиравшийся на срок от шести месяцев до одного года.

3

Рудольф — император Священной Римской империи с 1273 по 1293 г.